Н. Харузин
Очерк истории развития жилища у финнов
г. Москва
1895 г.

В книге дефектов нет

Жалинов 16/III 35 г

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

Н. Н. Харузинъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ

ЖИЛИЩА у ФИННОВЪ.

Съ 6-ю таблицами рисунковъ.

МОСКВА.
Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.
1895.

(Изъ XXIV и XXV кн. «Этнографическаго Обозрѣнія».)

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ ЖИЛИЩА У ФИННОВЪ.

(На основаніи соч. *Axel'a Heikel'a:* „Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen, Helsingf. 1888, г. и др. источниковъ).

Книга г. Акселя Гейкеля представляетъ единственный въ своемъ родѣ трудъ: въ ней собранъ обширный, въ большинствѣ случаевъ добытый личными наблюденіями автора, матеріалъ по современнымъ жилищамъ разныхъ народностей финскаго племени; текстъ дополненъ большимъ количествомъ рисунковъ (слишкомъ 300). Отдѣлъ Этнографіи И. О. Л. Е., А. и Э., признавая полезнымъ познакомить русскихъ читателей съ капитальнымъ трудомъ г. Гейкеля, поручилъ мнѣ составить подробный отчетъ о немъ для «Этнографическаго Обозрѣнія». Однако, такъ какъ г. Гейкелемъ разсматриваются только черемисы, мордва, эсты, русскіе корелы и финское населеніе Финляндіи, мнѣ казалось полезнымъ привлечь къ предлагаемому обзору и тѣ изъ народностей, которыя или вовсе не разсматриваются въ трудѣ г. Гейкеля, или которыхъ онъ касается лишь мимоходомъ (именно: ливовъ, лопарей, зырянъ, пермяковъ, вотяковъ, остяковъ и вогуловъ). Кромѣ того, со времени выхода въ свѣтъ работы г. Гейкеля, русская литература обогатилась значительнымъ количествомъ сочиненій, посвященныхъ этнографіи финскихъ народностей, что даетъ возможность въ значительной степени дополнить изложеніе г. Гейкеля, подтвердить или видоизмѣнить его выводы. Наконецъ, работы г. Гейкеля носятъ преимущественно описательный характеръ, причемъ авторъ, группируя жилища по древности ихъ типа, принимаетъ за основаніе устройство и положеніе очага: этотъ послѣдній является nota characteristica въ его системѣ жилищъ. Въ составленной мною работѣ, при группировкѣ жилищъ финскихъ народовъ по типамъ, въ основаніе положены внѣшній видъ и планъ жилья, а не очагъ, такъ какъ эта система даетъ болѣе наглядное представленіе объ эволюціи жилища у разсматриваемаго племени; кромѣ того, мнѣ казалось полезнымъ соединить разбросанные въ трудѣ г. Гейкеля выводы воедино и дополнить

ихъ на основаніи данныхъ, имѣющихся въ современной литературѣ по этнографіи финновъ. Источники, которыми я пользовался, отмѣчены въ изложеніи въ сноскахъ; свѣдѣнія-же, заимствованныя изъ работы г. Гейкеля, всегда точно опредѣлены въ текстѣ съ указаніемъ въ скобкахъ на соотвѣтствующую страницу труда автора.

На предложеніе Отдѣла Этнографіи предоставить для печатанія при статьѣ рисунковъ клише, г. Гейкель не только съ полной готовностью изъявилъ свое согласіе, но и любезно принялъ на себя трудъ по заказу ихъ въ Гельсингфорсѣ, а также по наблюденію за ихъ изготовленіемъ. Изъ числа помѣщенныхъ въ книгѣ г. Гейкеля рисунковъ, мною выбрано 46 №№, наиболѣе иллюстрирующихъ различные типы жилищъ у финновъ.

I.

Шалашъ и шалашевидныя жилыя и хозяйственныя постройки: У лопарей (кота, кувакса, вѣжа), тавастовъ и кореловъ (кота), эстовъ, мордвы, зырянъ, пермяковъ, остяковъ и вогуловъ. — **Землянки:** Свидѣтельства и преданія о жизни въ землянкахъ у разныхъ финскихъ народностей. Землянка въ качествѣ хозяйственной постройки у горн. черемисовъ. Типы переходные отъ землянки къ срубу (у мордвы, остяковъ, пермяковъ, эстовъ и тавастовъ).— **Срубы:** Пыртъ-тупа лопарей, пывзянъ пермяковъ и зырянъ, зимнія юрты остяковъ и вогуловъ, кудъ черемисовъ, кухня мордвы, sauna (баня) и pörte тавастовъ, sauna и туба эстовъ, баня и туна кореловъ. Образованіе деревень. Характерныя черты финскихъ деревень. Развитіе двора.

Въ настоящее время почти всѣ финскія племена живутъ въ болѣе или менѣе хорошо и прочно устроенныхъ избахъ. Однако, достаточно бѣглаго взгляда на эти жилища, къ какой бы группѣ финскихъ племенъ они ни принадлежали, чтобы убѣдиться, что они не представляютъ собой первичнаго типа, что, наоборотъ, они являются продуктомъ долгаго, постепеннаго развитія финновъ, результатомъ взаимодѣйствія собственнаго самостоятельнаго роста финскаго племени съ одной стороны, и вліянія на нихъ ихъ сосѣдей съ другой. Возстановить исторію развитія жилища у финновъ представляетъ меньше трудностей, чѣмъ у другихъ племенъ, болѣе однообразно подвинувшихся на пути культуры, и это оттого, что среди финскихъ народностей мы встрѣчаемъ самыя разнообразныя культурныя ступени, крайними пунктами которыхъ мы можемъ считать съ

одной стороны тавастовъ, имѣющихъ свою литературу, науку и искусство, и, напримѣръ, полукочевыхъ лопарей и остяковъ съ другой стороны, постепенно сливающихся со своими болѣе культурными сосѣдями. Зная способъ устройства жилищъ у некультурныхъ финскихъ племенъ и встрѣчая такія же или аналогичныя формы построекъ у ихъ болѣе культурныхъ соплеменниковъ, нетрудно возстановить по крайней мѣрѣ главные моменты исторіи развитія жилища всего обширнаго финскаго племени и прослѣдить ее до современныхъ формъ. Попытки въ этомъ направленіи были неоднократно дѣлаемы и въ главныхъ чертахъ исторія финскаго жилища установлена уже трудами Алквиста и Ретціуса [1]).

Данныя, которыя мы имѣемъ о первобытной культурѣ финскаго племени, рисуютъ намъ его стоящимъ на крайне низкомъ уровнѣ развитія. Если оставить въ сторонѣ столь часто повторяемое свидѣтельство Тацита [2]) объ образѣ жизни Fenni, въ виду того, что признавая даже тождество тацитовскихъ Fenni съ финнами, это свидѣтельство можетъ относиться только къ сравнительно очень небольшой группѣ финскаго племени, и какъ таковое не должно быть распространяемо на все племя, — мы имѣемъ данныя языка, которыя неоспоримо доказываютъ, что почти что со всѣми культурными предметами финны познакомились отъ своихъ сосѣдей въ разное время [3]). До періода начала широкаго вліянія сосѣдей бытъ финновъ едва ли поднимался выше охотничьей, рыболовной и, по-

---

[1]) *Ahlquist*: Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen (Helsingfors. 1875) *Retzius:* Finnland (Berlin. 1885).

[2]) *Tacitus*: Germania, c. 46. „Фенны (Fenni) не имѣютъ ни оружія, ни лошадей, ни жилища. Травы составляютъ ихъ питаніе, звѣриныя шкуры—одежду, земля—ихъ ложа. Они полагаются на свои стрѣлы, которыя они за отсутствіемъ желѣза дѣлаютъ изъ кости. Охота питаетъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, потому что онѣ повсюду слѣдуютъ за ними и требуютъ своей части въ добычѣ. Даже для дѣтей нѣтъ другого убѣжища отъ дикихъ звѣрей и дождя, кромѣ прикрытія изъ сплетенныхъ древесныхъ вѣтвей; туда возвращаются мужчины, тамъ-же и мѣстопребываніе старцевъ".

[3]) См. *Ahlquist:* Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. (Hels. 1875) *Thomsen*: Ueber d. Einfluss der germ. Sprachen auf die finnisch-lappischen. *Qvigstad*. Nordische Lehnwörter im Lappischen (Christiania, 1894). *Düben*: La Laponie et les lapons. *Веске:* Славяно-финскія культурныя отношенія (Каз. 1890). *O. Donner*. Ueber den Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen. 1884.

жалуй, оленеводческой (у нѣкоторыхъ племенъ) жизни, т. е. той формы, которая не располагаетъ къ осѣдлой жизни и не прикрѣпляетъ человѣка къ землѣ, какъ это дѣлаетъ земледѣліе. Соотвѣтственно съ этимъ бродячимъ состояніемъ и жилище финновъ не могло быть прочнымъ.

Этимъ первобытнымъ жилищемъ долженъ былъ быть шалашъ Распространеніе одинаковаго названія шалаша у различныхъ финскихъ народностей (*kota* — тавастовъ, *koda*—эстовъ, *kata*—лопарей, *kud*—черемисовъ и мордвы - мокши, *kudo*—мордвы-ерзи, *koda* или *kuoda* — ливовъ, *kodi*—вепсовъ, *gid*—вотяковъ, у послѣднихъ въ значеніи конюшни, двора, *kot*—остяковъ [1]) доказываетъ, что постройка подъ названіемъ *kota* и пр. была общераспространена у финновъ какъ восточной, такъ и западной группъ; а фактъ, что у нѣкоторыхъ племенъ подъ этимъ именемъ разумѣется сохранившаяся до настоящаго времени жилая постройка въ видѣ шалаша (т.-е. наиболѣе первобытная), служитъ доказательствомъ, что и тѣ финскія племена, которыя въ настоящее время подъ этимъ именемъ разумѣютъ уже болѣе культурныя постройки (черемисы, мордва вотяки), лишь перенесли на болѣе позднюю форму жилья старое названіе, употреблявшееся нѣкогда для обозначенія шалаша.

Шалашъ, какъ *постоянное* жилище, не встрѣчается въ настоящее время ни у одного изъ финскихъ племенъ, живущихъ на западѣ, за исключеніемъ скандинавскихъ кочевыхъ лопарей. Но какъ постройка, которая служитъ для жилья въ теченіе извѣстнаго періода времени или для приготовленія пищи лѣтомъ, онъ еще широко распространенъ, преимущественно въ западныхъ областяхъ мѣстожительства финновъ. Въ наиболѣе первобытной формѣ мы встрѣчаемъ шалашъ у скандинавскихъ кочевыхъ лопарей—*kata*. *Ката* дѣлается изъ жердей, соединенныхъ вмѣстѣ; этотъ остовъ покрывается лѣтомъ парусиной, зимой толстымъ войлокомъ. Зданіе имѣетъ конусообразную форму. На верху дѣлается отверстіе для дыма. Вышиной этотъ шалашъ 2 метра 75 центм., шириной у основанія 3—4 метра. Внутри на перекладинѣ виситъ котелъ надъ очагомъ, который складывался въ прежнее время изъ неотесанныхъ камней; у стѣнъ стоятъ сундуки съ домашнимъ скарбомъ; оленьи шкуры служатъ постелями; на полу, по стѣнамъ, лежатъ также

---

[1]) *Ahlquist*. Die Kulturwörter der westfinnichen Sprachen, стр. 104.

и палки, и оружіе, и припасы. Въ такомъ шалашѣ живетъ цѣлая семья, подчасъ 5—7 человѣкъ [1]) Къ этому типу первобытнаго жилья финновъ слѣдуетъ отнести и походный шалашъ русскихъ лопарей — *кувакса*. Онъ состоитъ изъ наклонно-поставленныхъ жердей, связанныхъ наверху всѣ вмѣстѣ. Жерди покрываются парусиной на половину или $^2/_3$ ихъ высоты, такъ что остается довольно большое пространство для выхода дыма. Посрединѣ кувaксы раскладываютъ огонь, а котелъ привѣшивается къ мѣсту, въ которомъ жерди связаны. Кувакса, однако, употребляется русскими лопарями только при перекочевкахъ и не служитъ жилищемъ на болѣе долгое время [2]). Какъ разновидность первобытнаго шалаша, слѣдуетъ, быть можетъ, считать покрытый циновками и нерѣдко холстомъ шалашъ, который вотяки устраиваютъ иногда на лѣто въ лѣсахъ, и о которомъ упоминаетъ вскользь Гейкель (стр. 79) со словъ Бехтерева. Развитіе шалаша въ болѣе прочную постройку мы можемъ наблюдать на вѣжахъ русскихъ лопарей. Вѣжи, *кю(у)итъ*, служатъ русскимъ лопарямъ жилищами бо́льшую часть года. Онѣ стоятъ на весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ мѣстахъ, куда лопари перекочевываютъ для рыбнаго промысла, такъ что лопарь мѣняетъ вѣжу на болѣе постоянное жилище лишь на зимнее время, когда промыслы прекращаются и лопари сосредоточиваются въ своихъ деревняхъ. Вѣжа сохраняетъ всѣ признаки шалашеобразной постройки, но дѣлается прочнѣе и не такъ легко разбирается и переносится, какъ *kata*. *Кюитъ* представляетъ сложенную изъ жердей и досокъ четырехгранную пирамиду (а не конусъ, какъ *kata*) вышиной не больше $2^1/_2$—3 арш.; снаружи она покрывается дерномъ, частью вѣтвями и хворостомъ; съ внутренней стороны жерди прикрыты досками. Входить въ вѣжу можно лишь черезъ очень небольшую, крайне низкую двустворчатую дверь, приноровленную такъ, что она быстро захлопывается. Посреди вѣжи устраивается очагъ; дымъ выходитъ черезъ отверстіе, оставляемое на верху. Въ остальномъ убранство вѣжи сходится съ убранствомъ *kata* скандинавскихъ лопарей [3]).

---

1) *Koechlin-Schwartz*. Un touriste en Laponie, стр. 235.
2) *Н. Харузинъ*: Русскіе лопари, стр. 100.
3) Ibid., стр 100.

Переходя отъ лопарей въ Финляндію и Карелію, мы встрѣчаемъ тотъ-же первобытный шалашъ у тавастовъ и кареловъ—это *kota*. „Кто путешествовалъ по сѣверной Финляндіи,—пишетъ Алквистъ,—тотъ не можетъ, конечно, не замѣтить среди прочихъ построекъ одно небольшое строеніе, непремѣнно встрѣчающееся, какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго крестьянина. Это строеніе имѣетъ коническую форму и сложено изъ очищенныхъ отъ коры еловыхъ и сосновыхъ кольевъ, длиной отъ 8 до 12 аршинъ и толщиной отъ 4 до 5 дюймовъ. Тонкіе концы сходятся къ верху и чѣмъ-нибудь скрѣпляются, но такъ, что образуютъ отверстіе для дыма. Подъ этимъ отверстіемъ... находится очагъ, обыкновенно сложенный изъ мягкаго плоскаго камня;... на крюкѣ, прикрѣпленномъ нѣсколько выше къ поперечной перекладинѣ, вѣшается чугунный котелъ. Сбоку находится входъ съ легкою изъ тонкихъ досокъ дверью. Такое строеніе финляндскіе шведы называютъ *kölna*, а финны — *kota*, и служитъ оно теперь только кухней или прачечной, особенно въ теплое время года или въ такую пору, когда по какой-либо причинѣ не хотятъ разводить огня въ домашнемъ очагѣ“ [1]). Кота описана также и Ретціусомъ [2]). У самихъ финляндцевъ сохранилось воспоминаніе о *kota*, какъ первобытномъ жилищѣ; Алквистъ приводитъ слѣдующую народную поговорку: „древнѣйшею ловушкой было брюхо, древнѣйшею посудой была горсть, древнѣйшимъ жильемъ—кота“. Г. Гейкель отмѣчаетъ у тавастовъ весьма интересное соединеніе коты съ формой постройки болѣе поздняго типа, служащей въ настоящее время баней. Кота, сложенная изъ жердей, пристраивается къ банѣ и служитъ какъ-бы преддверіемъ послѣдней (стр. 144). Такого рода пристройки къ болѣе древнимъ формамъ жилища болѣе новыхъ видовъ его мы неоднократно встрѣтимъ въ исторіи финскаго жилья.

Наконецъ, первобытный шалашъ, употребляемый въ качествѣ кухни, сохранился и у эстовъ. Въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія такого рода кухни не представляли рѣдкости, если судить по словамъ Крузе [3]), который, характеризуя дома эстовъ, отмѣчаетъ, что кухня строилась изъ еловыхъ жердей, поставленныхъ въ кругъ.

---

[1]) О древ. культурѣ зап. финновъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. Іюль, 1877, стр. 166, 167.

[2]) *G. Retzius*: Finnland, стр. 24. Рисунокъ коты, стр. 25.

[3]) *Kruse*: Urgeschichte des esthnischen Volksstames, стр. 350.

Въ настоящее время кухни-кота встрѣчаются рѣдко. А. Д. Солодовниковъ [1]), собравшій обширный матеріалъ по устройству эстонскихъ жилищъ, не видалъ подобной кухни, по крайней мѣрѣ на материкѣ въ Эстляндской губ. Тѣмъ больше интереса пріобрѣтаетъ сообщаемый г. Гейкелемъ фактъ, что на о. Даго и около Феллина (Лифляндской губ.) кота встрѣчается еще и продолжаетъ служить кухней. Описываемая г. Гейкелемъ (стр. 131) кота на о. Даго стояла на дворѣ, вдали отъ прочихъ построекъ (устройство коты вдали отъ остальныхъ построекъ отмѣчаетъ и Аспелинъ у тавастовъ). Надъ поверхностью земли поднималась сложенная изъ камней круглая стѣнка, въ передней сторонѣ которой находилось отверстіе высотой въ ростъ человѣка, служившее входомъ. Надъ каменнымъ кругомъ поднималась коническая крыша, сложенная изъ жердей. Въ срединѣ кухни помѣщался очагъ, обставленный лишь немногими камнями, а надъ нимъ на перекладинѣ висѣлъ котелъ (Рис. 1). Такого рода шалашеобразная постройка носитъ общее названіе *kök*, т. е. кухня. Въ только что описанной эстонской кухнѣ нетрудно угадать видъ общефинской коты, хотя въ способѣ устройства она и отклонилась въ довольно значительной степени отъ первобытнаго шалаша, который мы видѣли у скандинавскихъ лопарей въ ихъ *kata*, въ *кувaксъ* русскихъ лопарей, въ *kata* тавастовъ и кореловъ, и даже отъ того типа, который описывается Крузе у эстовъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ дальнѣйшимъ развитіемъ шалаша, какъ жилища,—явленіе, аналогичное тому, которое мы отмѣтили у русскихъ лопарей при описаніи вѣжи, именно, стремленіе приноровить легко разбираемый шалашъ къ условіямъ болѣе осѣдлой жизни, дѣлая его болѣе прочнымъ и менѣе портативнымъ. Эстонская кухня съ о. Даго представляетъ интересный примѣръ консерватизма при устройствѣ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, когда при измѣнившихся условіяхъ и при употребленіи другого матеріала сохраняется старая форма: шалашъ, сложенный изъ приставленныхъ другъ къ другу жердей, естественно принималъ круглую форму; при переходѣ къ постройкѣ изъ камня эстонецъ счелъ нужнымъ сохранить круглую форму и покрыть эту постройку шатровидной крышей.

---

[1]) *Солодовниковъ:* „Жилище эстонцевъ въ его постепенномъ развитіи", печ. во „Временникѣ" Эстляндск. Губ. Ст. Ком.

Переходя къ восточнымъ финнамъ, мы замѣчаемъ, что шалашеобразныя постройки, повидимому, не исчезли вполнѣ даже у мордвы, хотя она вообще и сильно подвергается русскому вліянію. Г. Гейкель (стр. 1) сообщаетъ, что у мордвы и у чувашей Симбирской губ. встрѣчаются риги, сложенныя изъ жердей либо непосредственно надъ поверхностью земли, либо надъ ямой; среди этой конусообразной риги устраивается совершенно открытый очагъ. Входъ въ ригу образуется тѣмъ, что нѣкоторыя изъ жердей короче остальныхъ и не достигаютъ земли. Г. Гейкель, впрочемъ, оговаривается, что ему лично подобныхъ ригъ-шалашей не приходилось видѣть самому.

По словамъ г. Сорокина (свѣдѣнія относятся къ 50-мъ годамъ), зыряне устраиваютъ на мѣстѣ производства охоты шалаши, крытые хвоей и скалою и съ отверстіемъ для выхода дыма [1]). И. Н. Смирновъ отмѣчаетъ, что у пермяковъ на верховьяхъ Камы встрѣчается овинъ, сдѣланный изъ тонкихъ жердей — остовъ былого чума [2]). Наконецъ, у наименѣе культурныхъ восточно-финскихъ народностей—остяковъ и вогуловъ, шалашъ продолжаетъ еще служить жилищемъ. Такъ остяки, занимающіеся оленеводствомъ, постоянно живутъ въ *чумахъ*. „Посреди снѣжной глади, раскинутые на значительное пространство одни отъ другихъ, поднимаются остроконечные возвышенные чумы, покрытые лѣтомъ берестою, зимою — оленьими шкурами. Дымъ поднимается высоко изъ отверстій, продѣланныхъ на верху чумовъ, отъ очага, располагаемаго обыкновенно по самой серединѣ этого незатѣйливаго жилища“ [3]). Чумъ, по словамъ г. Юрьева, устраивается остяками слѣдующимъ образомъ: нѣсколько длинныхъ жердей вбиваются нижними концами въ землю, въ довольно близкомъ разстояніи одна отъ другой, и образуютъ круглое основаніе; потомъ двѣ жерди изъ вбитыхъ перевязываются вмѣстѣ, а верхушки остальныхъ перекладываются крестообразно между связанными концами ихъ. Лѣтомъ этотъ конусообразный шатеръ кроется сверху сшитою берестою [4]), а на-

---

[1]) *К. А. Поповъ*: Зыряне и зырянскій край. Тр. Этногр. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э. III, вып. 2-й, стр. 75.

[2]) *И. Н. Смирновъ*: Пермяки, стр. 194.

[3]) Мірской Вѣстникъ, 1877, № 11, стр. 47.

[4]) По словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, береста предварительно вываривается, чтобы сдѣлать ее болѣе мягкою.

верху оставляется отверстіе для дыма; зимою-же жерди обкладываются сшитыми вмѣстѣ оленьими шкурами: одна покрышка шерстью внизъ, другая-же — вверхъ шерстью. Боковое отверстіе, съ прикрѣпленною берестою, или зимою оленьею шкурою, оставляется въ родѣ дверей, всегда подъ вѣтромъ. Основаніе чума извнѣ обкладывается землею и мхомъ. Внутри, по сторонамъ чума на землѣ стелются ковры, сплетенные изъ прутьевъ, сверхъ которыхъ уже накладываются оленьи шкуры. Посреди чума подъ верхнимъ отверстіемъ, оставленнымъ для дыма, разводится почти неугасающій огонь; надъ огнемъ вѣшается на крюкъ прикрѣпленный къ перекладинѣ котелъ [1]). Полуосѣдлые остяки пользуются шалашомъ какъ жилищемъ только лѣтомъ. Лѣтній шалашъ вогуловъ весьма сходенъ съ чумомъ остяковъ: это также остроконечный шалашъ изъ жердей, покрытыхъ берестой [2]). Гартвигъ упоминаетъ о лѣтней юртѣ остяковъ, устройство которой является переходомъ отъ переноснаго шалаша къ болѣе постоянному шалашеобразному жилищу. Лѣтняя юрта, — пишетъ онъ, — имѣетъ обыкновенно четырехугольную форму, низкія стѣны и высокую остроконечную крышу, остовъ которой состоитъ изъ ивовыхъ жердей; сверху ихъ покрываютъ вѣтвями ивъ и берестой, предварительно вываренной и спитой въ большія одѣяла [3]). Описанная форма юрты представляетъ постройку аналогичную лопарской вѣжѣ и кухнѣ на о-вѣ Даго; она занимаетъ среднее между той и другой.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства общераспространенности шалашеобразныхъ построекъ у финскихъ племенъ: онѣ встрѣчаются какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, отчасти употребляемыя и теперь еще въ качествѣ жилища, отчасти утративъ уже свое первоначальное назначеніе, но сохранившіяся въ ряду прочихъ хозяйственныхъ построекъ, какъ воспоминанія о далекомъ, давнопрошедшемъ бытѣ до-осѣдлаго періода жизни.

Слѣдующимъ за шалашомъ типомъ въ исторіи финскаго жилища является, повидимому, *землянка*. Г. Гейкель, какъ кажется, склоненъ шалашъ и землянку считать одновременно появляющимися типами. Этотъ взглядъ г. Гейкеля кажется намъ недоста-

---

[1]) *Юрьевъ*: Топогр. опис. сѣв. Урала. Зап. И. Р. Г. О. VI, стр. 285.

[2]) *Сорокинъ*: Путешествіе къ вогуламъ. Тр. Общ. Естествоисп. при Казанскомъ Унив. III, № 4, стр. 30.

[3]) *Hartwig*: Der hohe Norden, стр. 139.

точно обоснованнымъ. Землянка предполагаетъ, если и не вполнѣ осѣдлый бытъ, то во всякомъ случаѣ такой, который заставляетъ людей постоянно, въ теченіе долгаго времени, возвращаться на одно и то-же мѣсто, что едва ли можно утверждать относительно древнѣйшаго быта финновъ. Кромѣ того, какъ ни кажется простымъ устройство землянокъ, оно является сравнительно съ шалашомъ большимъ культурнымъ прогрессомъ, не позволяющимъ считать землянку первоначальнымъ жилищемъ человѣка. Наконецъ, противъ принятія положенія г. Гейкеля говоритъ и то, что даже въ настоящее время нѣкоторые представители финскаго племени имѣютъ своимъ единственнымъ жилищемъ шалашъ (скандинавскіе кочевые лопари и кочевые остяки). Г. Гейкель, высказывая свой взглядъ, исходитъ изъ своего основного положенія классифицировать жилища преимущественно на основаніи устройства очаговъ; въ виду того, что въ наипростѣйшемъ типѣ землянокъ очагъ устроенъ крайне первобытно, г. Гейкель склоненъ относить и саму землянку къ одной эпохѣ съ шалашомъ; но въ исторіи развитія племени мы не имѣемъ основанія ожидать, чтобы съ культурнымъ прогрессомъ въ одной сторонѣ внѣшняго быта шелъ непосредственно рука объ руку прогрессъ и въ другой сторонѣ. Вотъ почему, при переходѣ отъ шалаша къ болѣе сложной постройкѣ жилища, финны могли еще долго сохранить древнюю форму очага, который вполнѣ удовлетворялъ въ то время ихъ потребностямъ въ теплѣ. Какъ-бы то ни было, но во всякомъ случаѣ, въ лицѣ землянки мы имѣемъ весьма древній типъ жилища, который въ настоящее время сохранился у финскихъ племенъ почти всюду въ качествѣ переживанія.

Землянки въ тѣсномъ значеніи слова почти вышли совершенно изъ употребленія у всѣхъ финскихъ народностей. Но что обычай жить въ подземныхъ жилищахъ былъ нѣкогда широко распространенъ у нихъ, на это имѣется много какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ указаній. Такъ, напр., у Ибнъ-Даста (X в.) мы встрѣчаемъ свидѣтельство, что народы около волжскихъ булгаръ на зиму поселяются въ ямахъ, покрывая послѣднія крышами и присыпавъ сверху землею. Хотя цитированный арабскій путешественникъ и не говоритъ, какіе именно народы имѣли это обыкновеніе, но въ виду того, что археологическія изысканія позволяютъ думать, что въ X в. области около булгаръ были населены финнами, мы не

видимъ основанія не относить этого извѣстія къ финскимъ племенамъ, тѣмъ болѣе, что весьма распространенное народное преданіе заставляетъ финновъ строить себѣ подземныя жилища. Какъ образецъ подобнаго преданія, варіанты котораго часто встѣчаются въ мѣстностяхъ, гдѣ русское населеніе вытѣснило коренное финское, приводимъ записанное въ Шенкурскомъ у.: „Чудь, защищая отчаянно свою землю отъ вторженій новгородцевъ, ни за что не хотѣла покориться пришельцамъ... При явной неудачѣ отпора, нѣкоторые изъ чуди бѣжали въ лѣса, другіе добровольно умерщвляли себя копьями и луками, иные со всѣмъ своимъ имѣніемъ погребались живыми въ глубокихъ рвахъ... Закапывалась въ землю Чудь, по преданію, такимъ образомъ: выкапывали ямы, ставили по угламъ столбики, дѣлали надъ ними крыши, накладывали на крыши камни и землю, потомъ сходили въ ямы съ имуществомъ, и подрубивъ подставки, погибали“ [1]). Г. Гейкель (стр. 27) упоминаетъ, что у мордвы сохранились преданія о жилищахъ подъ землей. Въ Финляндіи сохранились около древнихъ могильниковъ ямы, въ которыхъ обыкновенно видятъ остатки землянокъ; наконецъ, Кастренъ, а за нимъ и другіе, отмѣчаютъ аналогичные остатки подземнаго жилья (стр. 249). „Въ окрестностяхъ Каяны и въ русской Кареліи, пишетъ Кастренъ, я имѣлъ случай видѣть такъ называемые лопарскіе курганы, могилы (Lapin haudat), которыя уже несомнѣнно лопарскаго происхожденія. Онѣ, по преданію, служили жилищами для лопарей, и въ самомъ дѣлѣ, онѣ весьма похожи на нѣкоторыя палатки, видѣнныя мною въ безлѣсныхъ краяхъ Лапландіи. Это ничто иное, какъ ямы съ конусообразными крышами изъ дерева, камня и торфа. По разсказамъ, такія крыши были нѣкогда и на такъ называемыхъ лопарскихъ курганахъ, находящихся въ сѣверной Финляндіи и Кареліи. Въ этихъ курганахъ находились уголь, обожженные камни, разныя желѣзныя вещи и проч., что подтверждаетъ разсказы о томъ, что они нѣкогда служили жилищами» [2]). Рецiусъ, цитируя Алквиста, на основаніи данныхъ языка описываетъ слѣдующими словами первобытную финскую землянку: другимъ видомъ жилища (первымъ Алквистъ считаетъ *коту*) была sauna—яма, вырытая въ землѣ, съ крышей, поднимающейся надъ

---

[1]) *П. Ефименко:* Заволоцкая Чудь, стр. 9, 10,

[2]) Этнограф. замѣчанія и пр. Кастрена въ Этногр. Сб., IV, стр. 254.

поверхностью. Устройство такого рода жилища было до крайности просто: оно имѣло отверстіе для входа; наверху было устроено отверстіе для выхода дыма; посрединѣ помѣщался очагъ, состоящій изъ двухъ трехъ нескрѣпленныхъ другъ съ другомъ камней, но въ немъ не было ни пола, ни оконъ, такъ какъ свѣтъ проникалъ или черезъ открытую дверь, или черезъ дымовое отверстіе [1]). Въ „Описаніи новой земли сирѣчь Сибирскаго царства“ подземныя жилища остяковъ характеризуются въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „А живутъ въ лѣсахъ темныхъ надъ водами; зимные юрты деревянные въ земляхъ, аки въ погребахъ отъ великихъ мразовъ“. И. Н. Смирновъ справедливо замѣчаетъ, что приведенное описаніе уясняетъ значеніе находимыхъ у пермяковъ ямъ, нѣчто въ родѣ погребовъ, съ опущенными въ землю срубами; въ этихъ остаткахъ мы имѣемъ памятники, рисующіе древнее пермяцкое подземное жилище. О землянкахъ, служившихъ жильемъ, по словамъ г. Добротворскаго, и теперь еще живы воспоминанія у пермяковъ Орловскаго у. [2]) Лингвистическія данныя приводятъ г. Смирнова къ заключенію, что и у вотяковъ первоначальнымъ жилищемъ (кромѣ шалаша) была яма, выкопанная въ землѣ и покрытая кровлей [3]). Въ настоящее время у разныхъ финскихъ народностей сохранились еще жилыя постройки, на половину врытыя въ землю. Встрѣчаются, однако, еще землянки въ чистомъ видѣ, но не имѣющія уже назначенія жилищъ. Въ такого рода землянкахъ, въ виду архаичности ихъ типовъ, нетрудно угадать постройки, нѣкогда служившія болѣе или менѣе постояннымъ жилищемъ.

Наиболѣе древнимъ типомъ относящихся къ этой группѣ построекъ г. Гейкель вполнѣ основательно считаетъ особый видъ риги-землянки, встрѣчаемый у горныхъ черемисовъ (стр. 1—3, рис. 2) и извѣстный у нихъ подъ названіемъ *än*. Этотъ видъ риги представляетъ яму, локтя 3 длины, локтя 2 ширины и болѣе 2 локтей глубины. Крыша надъ ямой (*än kuda lewäs* или *än wilwäl*) сложена изъ досокъ и покрыта землей, причемъ она находится на одной плоскости съ поверхностью почвы, кромѣ той части крыши, которая поднимается надъ печкой: въ этомъ мѣстѣ надъ

---

1) *Retzius*, Finnland, стр. 4.
2) *И. Н. Смирновъ*, Пермяки, стр. 126, 127, 193.
3) *И. Н. Смирновъ*, Вотяки, стр. 87.

дымовымъ отверстіемъ устроенъ конусъ изъ жердей (*än rawa*). Входить въ землянку можно лишь черезъ отверстіе (видное на рисункѣ 2 съ правой стороны); внутри устроена печь [1]. Близко къ этому виду землянки подходитъ изученный г. Гейкелемъ типъ овина у мордвы—мокши и эрзи (стр. 3, рис. 3, 4 и 5). „Owen мордвы-мокши и Awnjá (овинъ),—пишетъ г. Гейкель,—маленькая постройка, которая поднимается надъ поверхностью земли, какъ обыкновенное зданіе. Въ срединѣ пола подземной части постройки находится первобытный очагъ. Въ яму можно проникнуть только съ одной стороны по лѣстницѣ (рис. 4 d); потолокъ (*patalok*) подземной части находится на одномъ уровнѣ съ почвой (рис. 4 a); потолокъ съ двухъ сторонъ открытъ. Выше на $1/2$ локтя находятся подпорки (b), на которыхъ покоятся жерди (olganä). На жерди кладутся въ рядъ снопы, которые кидаются черезъ дверь. Дымъ и тепло поднимаются въ верхнее помѣщеніе, черезъ отверстія въ потолкѣ. Этотъ видъ землянки представляетъ уже переходъ отъ чисто подземнаго жилища къ надземному. Подобныхъ переходныхъ построекъ у финновъ очень много и къ обозрѣнію ихъ мы и переходимъ.

Г. Гейкель (стр. 19) отмѣчаетъ, что у чувашей (а также у русскихъ), деревни которыхъ расположены на высокомъ берегу Волги и Камы, ему приходилось встрѣчать бани, врытыя въ береговой склонъ, такъ что наружу выходили только покрытыя землей крыши, снабженныя въ иныхъ случаяхъ дымовыми трубами, сдѣланными изъ выдолбленныхъ липовыхъ стволовъ, и одна, либо деревянная, либо сдѣланная изъ плетня, стѣна, въ которой находилась дверь. Печка въ этихъ баняхъ помѣщалась у задней стѣны; печное отверстіе было направлено къ двери, т.-е. печка имѣла то-же положеніе, какъ и въ описанной черемисской än—ригѣ. Такія же бани извѣстны и у мордвы, продолжаетъ Гейкель, ссылаясь на „Пензенскія Губ. Вѣд.", 1865, № 39. Въ Финляндіи г. Гейкелю (стр. 248)

[1]) Быть можетъ, одинъ изъ наиболѣе древнихъ типовъ землянки слѣдуетъ искать въ современныхъ погребахъ эстовъ и черемисовъ: погреба представляютъ вырытыя въ землѣ ямы, причемъ надъ поверхностью земли поднимается только крыша, коническая или четырехскатная. Отсутствіе прямыхъ данныхъ не позволяетъ безусловно считать современные погреба эстовъ и черемисовъ повторяющими типы первобытныхъ землянокъ, служившихъ нѣкогда жилищемъ, но не лишенъ интереса фактъ, что эсты означаютъ погребъ, какъ и землянки, одинаковымъ словомъ *saunake*—слово, которое употребляется также для названія болѣе позднихъ формъ жилища.

удалось видѣть двѣ жилыя постройки, врытыя на половину въ землю. Одна изъ нихъ (рис. 4) состояла изъ маленькой передней и небольшой комнаты. Другая (къ сожалѣнію, не зарисованная) представляла еще болѣе архаичныхъ чертъ: она находилась еще болѣе подъ землей, причемъ единственнымъ входомъ въ нее являлось отверстіе въ крышѣ, отверстіе, которое служило также для выхода дыма. У остяковъ, отмѣчаетъ г. Гейкель, до сихъ поръ встрѣчаются юрты, на половину врытыя въ землю. Слѣдуетъ, наконецъ, имѣть въ виду, что у эстовъ баня (въ настоящее время надземная постройка) и землянка означаются однимъ и тѣмъ же словомъ: *sauna*, *saunake*, и что у тавастовъ это же слово *sauna* означаетъ и землянку и баню [1].

Характеръ подземныхъ жилищъ, по словамъ г. Смирнова, сохранился у пермяковъ и теперь еще въ тѣхъ избушкахъ, которыя устраиваются ими для лѣсованія. „Остатки такихъ жилищъ въ видѣ ямъ видѣлъ самъ г. Добротворскій на горномъ берегу р. Летьки. Видятъ ихъ въ большомъ количествѣ и въ сосѣдней Вологодской губ.; тамъ онѣ встрѣчаются группами по 10—15, представляя собой цѣлыя исчезнувшія селенія". Типомъ этихъ землянокъ является древнее пермяцкое жилище, которое характеризуется г. Добротворскимъ слѣдующими чертами: „многіе рыли себѣ жилище въ землѣ, закрывая его сверху прутьями и жердями. Пола въ такихъ землянкахъ не было, для спанья на землю подстилали сѣно. Пещеры нагрѣвались при помощи „теплины", которая раскладывалась посрединѣ ямы. Землянки вырывались обыкновенно на высокомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на берегу рѣки, на пригоркѣ, среди лѣса" [2].

Существованіе у разныхъ финскихъ народностей типовъ переходныхъ отъ землянки къ надземнымъ постройкамъ, примѣры которыхъ мы привели, наводитъ г. Гейкеля на предположеніе, что надземныя бревенчатыя постройки, которыя являются въ настоящее время господствующими среди большинства финскихъ народностей, возникли благодаря постепенному поднятію ихъ изъ земли на поверхность. Подтвержденіе своего предположенія онъ видитъ въ устройствѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у эстовъ бань (стр. 139—141,

[1] *Johanson*—Pärna Wene-Eesti Sôna-Raamat (русско-эстонскій словарь). *Retzius* Finnland, стр. 4 и 91.

[2] *И. Н. Смирновъ*, Вотяки, стр. 88.

рис. 5) „При взглядѣ на этотъ рисунокъ, пишетъ онъ, мы замѣчаемъ, что печку видно снаружи, т.-е. что она пробиваетъ стѣну. Говорятъ, что на о. Эзелѣ встрѣчаются бани, гдѣ въ самой банѣ находится только печное отверстіе, а остальная часть печки находится внѣ ея, снаружи. Нагрѣвается баня такимъ образомъ только черезъ печное отверстіе. Съ удивленіемъ останавливаешься передъ этимъ своеобразнымъ способомъ постройки, который мало приноситъ пользы для нагрѣванія бани, такъ какъ при этомъ большая часть тепла идетъ на вѣтеръ.

«Если мы теперь сравнимъ современную эстонскую баню съ тѣми на половину врытыми въ землю ригами и банями, встрѣчающимися въ поволжскихъ мѣстностяхъ, о которыхъ мы говорили выше, то мы найдемъ, быть можетъ, объясненіе этому странному обычаю. Представимъ себѣ такую, часто лежащую на склонѣ горы баню, задняя сторона которой находится подъ землей, въ то время какъ крыша находится почти на поверхности почвы. Переднюю часть такой бани образуютъ стѣна съ входною дверью и отчасти боковыя стѣны. Въ подобныхъ постройкахъ печки не укрѣпляются балками (или стѣнами), такъ какъ печки лежатъ непосредственно на землѣ или на склонѣ. Главное отличіе такой бани отъ современной эстонской состоитъ въ томъ, что послѣдняя окончательно поднялась надъ поверхностью земли и обнажила такимъ образомъ камни, образующіе печку. Причина, что въ поволжскихъ областяхъ мнѣ не приходилось видѣть бань или ригъ этого типа, т. е. съ видимыми снаружи печками, заключается, быть можетъ, въ томъ, что тамъ вслѣдствіе недостатка въ камнѣ, дѣлаютъ печки изъ глины, и какъ таковыя эти печки нуждаются больше въ подпоркахъ, которыми имъ служатъ стѣны. Это же и было причиной, почему въ поволжскихъ областяхъ оказывалось необходимымъ строить стѣны вокругъ печки, когда она поднимается надъ поверхностью земли. Что эстонскія бани могутъ имѣть то же происхожденіе, какъ риги и бани поволжскія, доказывается также тѣмъ, что во многихъ эстонскихъ баняхъ печка находится въ заднемъ углу, обстоятельство, которое здѣсь такъ же, какъ и въ Поволжьѣ, является признакомъ первобытности въ исторіи развитія снабженныхъ печками построекъ“. Приведенное предположеніе г. Гейкеля, несомнѣнно, остроумно объясняетъ странную постройку описаннаго типа эстонскихъ бань; но едва ли

мы въ правѣ распространять это объясненіе и на другія формы надземныхъ построекъ, которыя встрѣчаются у финскихъ народностей и по типу своему обличаютъ глубокую древность своего происхожденія. Причины, препятствующія намъ обобщить догадку г. Гейкеля, будутъ нами изложены ниже.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію надземныхъ построекъ у финновъ, считаемъ необходимымъ отмѣтить, что изображенныя на рис. 4—6 постройки, при всей ихъ первобытности, носятъ на себѣ печать болѣе новаго времени въ устройствѣ крышъ, такъ какъ (это будетъ отмѣчено ниже) крыши со скатами появляются въ качествѣ результата дальнѣйшаго развитія финскаго жилья.

Изъ всѣхъ встрѣчающихся въ настоящее время надземныхъ жилыхъ построекъ у финновъ наибольшую простоту въ планѣ и внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ представляетъ четырехгранный срубъ съ плоской крышей. У нѣкоторыхъ племенъ онъ пересталъ играть роль жилого помѣщенія и употребляется или въ качествѣ бани или лѣтней кухни, но зато у другихъ онъ является или являлся еще въ неотдаленную эпоху единственнымъ прочнымъ жильемъ, стоящимъ выше коты и землянки. Это обстоятельство заставляетъ считать этотъ типъ непосредственно слѣдующимъ въ исторіи развитія финскаго жилища за шалашомъ и землянкой, при чемъ онъ претерпѣлъ во многихъ мѣстностяхъ ту-же историческую судьбу, какъ и два предшествовавшие ему типа: прослуживъ долго жилищемъ, онъ, какъ и землянка, постепенно утрачиваетъ свое прямое назначеніе, замѣняется болѣе культурными и развитыми постройками и только вслѣдствіе народнаго консерватизма продолжаетъ существовать какъ переживаніе эпохи, когда появленіе его означало сравнительно большой шагъ на пути цивилизаціи финскаго племени.

Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ типовъ этого рода жилья слѣдуетъ, повидимому, считать *пыртъ* русскихъ лопарей. *Пыртъ*—четырехугольный бревенчатый срубъ съ плоской крышей, засыпанной землею; сквозь небольшую дверь входятъ въ маленькія сѣни, изъ которыхъ ведутъ двѣ двери: направо—въ нежилое помѣщеніе, гдѣ держатъ обыкновенно овецъ, налѣво—въ жилую комнату, гдѣ и помѣщается вся лопарская семья. Размѣръ этой комнаты не больше подчасъ квадратной сажени, высота не болѣе сажени, такъ что пыртъ представляетъ изъ себя почти что кубъ.

Въ углу, у двери поставленъ каминъ (комелекъ-чувалъ), довольно грубо сложенный изъ неотесанныхъ камней на глинѣ или извести; комелекъ обыкновенно выбѣленъ; отъ полукруглаго отверстія, куда ставятъ дрова стоймя, идетъ широкая труба, выпускающая дымъ наружу. Въ стѣнѣ, противоположной двери, продѣланы небольшія окна (чаще одно). Убранство пырта состоитъ изъ скамеекъ, поставленныхъ вдоль стѣнъ, стола и полокъ, на которыхъ разставлена разная домашняя посуда. Полъ устланъ обыкновенно древесными вѣтвями. Около комелька, вдоль стѣны, отгорожено небольшое пространство, посредствомъ положенныхъ бревенъ; это мѣсто считается лопарями священнымъ [1]). Скандинавскіе осѣдлые лопари живутъ въ совершенно схожихъ по плану и размѣрамъ съ пыртомъ жилищахъ, которыя называются ими *тупа*. Послѣдняя отличается отъ пырта развѣ большей чистотой и большимъ богатствомъ обстановки, такъ какъ скандинавскіе осѣдлые лопари въ въ общемъ зажиточнѣе русскихъ.

Какъ ни просты пыртъ и тупа, они не являются однако еще наиболѣе простыми типами этого рода: маленькія сѣни и помѣщеніе для овецъ слѣдуетъ считать болѣе поздними прибавками, а каминъ съ трубой занялъ мѣсто первобытнаго простого очага.

У зырянъ мы встрѣчаемъ болѣе простой типъ построекъ этого рода, которыя имъ служатъ для ночлега во время охоты: «Слѣдуя къ мѣсту охоты, промышленники (зыряне) останавливаются въ т. наз. *пывзянахъ*, которые разсѣяны по всему пространству зырянскаго края, одинъ отъ другого на разстояніи 7, 10, 15 верстъ... *Пывзянъ* буквально значитъ *баня*. И дѣйствительно, онъ устраивается, какъ баня: это—бревенчатая избушка въ 5—6 рядовъ, покрытая на одинъ скатъ досками; на крышу насыпается земля; въ углу кладется каменка, какъ въ черныхъ баняхъ; по стѣнамъ, у самаго потолка, устраиваются нары, которыя замѣняютъ банный полокъ; двери прорубаются низенькія и плотно притворяющіяся. Такимъ образомъ пывзяны служатъ и мѣстами ночлега и банями... При пывзянахъ, въ сторонѣ, для храненія добычи устраиваются *щамъи*, т. е. особые чуланы или кладовыя въ видѣ голубятни, иногда на 4-хъ, а иногда и на одномъ столбѣ, подтесанномъ книзу въ видѣ конуса. Онѣ отво-

---

1) Н. Харузинъ. Русскіе лопари. стр 98, 99.

ряются снизу посредствомъ небольшой доски» [1]. Въ приведенномъ описаніи пывзяна не трудно угадать пыртъ и тупу лопарей. Если пывзянъ въ настоящее время и служитъ только для ночлеговъ охотниковъ, все-же едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что онъ прежде былъ обыденнымъ жилищемъ зырянина, какъ пыртъ въ настоящее время у лопарей.

У пермяковъ изба бѣднѣйшихъ сохранила до сихъ поръ всѣ признаки пывзяна; близкое сходство съ зырянскими пывзянами представляютъ также пермяцкія бани и охотничьи избушки, которыя также носятъ названія *пывсянъ-керку*. «Это—четырехъ-угольный срубъ съ односкатной крышей изъ луба, бересты или досокъ, а зачастую и вовсе безъ крыши, съ покрытымъ землей или пихтовыми и еловыми вѣтвями потолкомъ». Чрезвычайно характернымъ является то, что печь-каменка часто ставится въ пермяцкихъ баняхъ посрединѣ, какъ и очагъ [2]. Аналогичныя постройки извѣстны далѣе у остяковъ. Онѣ служатъ полуосѣдлымъ остякамъ зимними жилищами. Георги [3] описываетъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «Зимнія ихъ хижины срублены изъ бревенъ. Въ каждой есть очагъ посрединѣ, а въ сторонѣ печь. Прочее мѣсто занимаютъ палати... Входъ въ хижину ихъ составляютъ въ западной сторонѣ низьменныя двери, а вмѣсто окна служитъ небольшое, на востокъ, отверстіе, затянутое налимовыми шкурами. Вся хижина стоитъ до половины въ землѣ. Березовскіе и обдорскіе остяки строятъ хижины свои попросторнѣе, но и сіи стоятъ до половины въ землѣ». Современныя *юрты* остяковъ тамъ, гдѣ послѣдніе не подверглись русскому вліянію, повторяютъ типъ, описанный Георги. Это—бревенчатые срубы; крышу составляютъ бревна, покрытыя землей; иногда крыша дѣлается изъ коры, бересты или дранаго лѣса, причемъ ее накрываютъ еще палками. Черезъ низкую дверь входишь въ небольшое помѣщеніе: въ немъ въ углу помѣщается очагъ—чувалъ;

---

[1]) К. А. Поповъ: Зыряне и Зырянскій край. Стр. 75. Замѣтимъ, что подобныя же кладовыя являются весьма распространенными у лопарей.

[2]) И. Н. Смирновъ: Пермяки, стр. 194, 196.

[3]) Георги: Описаніе... народовъ I. 69, 70. Въ „Краткомъ описаніи о народѣ Остяцкомъ" 1715 г. Григорія Новицкаго такъ описываются зимнія юрты остяковъ: „сіи (юрты) обычно при лѣсахъ полагаютъ, созидаютъ-же я четвероугольнѣ, внутру оныхъ около ложа свои имѣютъ, *посреди-же* огнь полагая". (Пам. Др. Письм. 1884, стр. 36).

въ стѣнѣ прорублено 1—2 окна, закрытыя рѣдко стеклянными осколками, чаще пузыремъ или рыбьей кожей, иногда впрочемъ и просто ледяной полосой. Также устраиваются и промысловыя избушки [1]).

Въ болѣе бѣдныхъ зимнихъ юртахъ оконъ бываетъ только одно; оно, по словамъ Гартвига, часто помѣщается не въ стѣнѣ а въ потолкѣ, причемъ на зиму оно прикрывается кускомъ льда [2]). Внутри болѣе богатой зимней юрты, по словамъ Н. Л. Гондатти, вдоль двухъ стѣнъ устраиваются нары, приподнятыя на ½ аршина отъ пола и покрываемыя оленьими шкурами; перегородки аршина 2 вышиною, но недоходящія до потолка, раздѣляютъ нары на отдѣленія, напоминающія собой стойла, число которыхъ зависитъ отъ числа взрослыхъ членовъ семьи, такъ какъ обыкновенно каждый изъ нихъ имѣетъ свое помѣщеніе. Въ перегородкахъ иногда дѣлаются небольшія окна. Плоская крыша замѣняется крышей со скатами, хотя и очень низкой; она устраивается слѣдующимъ образомъ: на срубъ ставятся два треугольника, съ передней и задней стороны; высота ихъ до 1½ аршина; къ нимъ прикрѣпляется по продольному направленію 6—7 тонкихъ бревенъ, къ которымъ привязываются посредствомъ кедровыхъ корней тонкія дранки, затѣмъ въ нѣсколько слоевъ кладется вываренная и сшитая полосами береста, а сверху все закладывается рядомъ тонкихъ бревенъ или досокъ. Потолка въ юртѣ, покрытой подобной крышей, не существуетъ: его замѣняютъ нѣсколько протянутыхъ шестовъ для развѣшиванья предметовъ домашняго обихода. Къ юртамъ часто на зиму пристраиваютъ небольшія сѣни, которыя закрываются досками со всѣхъ сторонъ, причемъ оставляется только небольшое мѣсто для прохода; лѣтомъ эта пристройка разбирается. Дверь, ведущая въ домъ, очень низка, а порогъ довольно высокъ. Окно обыкновенно дѣлается на правой отъ входа стѣнѣ, такъ что оно освѣщаетъ устье чувала [3]). Болѣе первобытныхъ чертъ мы находимъ въ срубахъ, служащихъ въ на-

---

1) Мірской Вѣстникъ. 1877, № 11, стр. 47. Живописная Россія, XI, оч. 8-й стр. 143.

2) Hartwig: Der hohe Norden, стр. 141. Тотъ-же обычай у вогуловъ, см. Георги, I. 60, 61.

3) Н. Л. Гондатти. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Сѣверо-Зап. Сибирь, въ годичномъ засѣд. Музея Прикладныхъ Знаній. 1887, стр. 127, 128.

стоящее время остякамъ банями; эти послѣднія устраиваются въ видѣ обыкновеннаго зимняго помѣщенія только безъ пола, чувала и окна, которое замѣняется небольшими прорѣзами въ стѣнахъ. Вмѣсто чувала ставится печь-каменка, которая часто, какъ и у пермяковъ, устанавливается посрединѣ помѣщенія [1]).

Зимнее жилище вогуловъ представляетъ много чертъ сходства съ таковымъ же у остяковъ. Это, по описанію г. Сорокина, небольшая четырехугольная изба, срубленная изъ хорошаго лѣса; тѣ-же, какъ и въ юртѣ остяковъ, низенькія двери, небольшія окна, покрытыя стекломъ, пузыремъ или кускомъ льда, чувалъ въ углу, нары или скамьи кругомъ стѣнъ встрѣчаются и въ юртѣ вогуловъ. «Чувалъ состоитъ изъ высокой трубы, сплетенной изъ древесныхъ прутьевъ и обмазанной глиной; діаметръ трубы вездѣ одинаковъ; верхъ выходитъ на крышу и образуетъ собственно *трубу;* нижняя часть, съ вырѣзаннымъ большимъ отверстіемъ для прохода дровъ, составляетъ *чувалъ* [2]). Вогульскій юртъ, изображенный въ трудѣ г. Сорокина, имѣетъ двускатную крышу.

Этотъ-же типъ построекъ мы встрѣчаемъ и у финновъ по Волгѣ и Камѣ. Особенно интереснымъ является постройка этого типа у черемисъ; она носитъ названіе *kud* (*кудо*). Г. Гейкель (стр. 8—12, рис. 7) даетъ намъ слѣдующее описаніе *куда*: черемисскій *kud* представляетъ собой четырехугольный срубъ, съ двускатной, удлиненной надъ входной стороной, крышей. Онъ вмѣщаетъ только одну комнату; полъ земляной; внутри помѣщается первобытный очагъ, составленный изъ камней; онъ обыкновенно открытъ по крайней мѣрѣ съ одной стороны. Надъ очагомъ на перекладинѣ привѣшивается котелъ. Дымъ выходитъ черезъ скважины въ потолкѣ. Таковъ общій типъ куда; иногда онъ варіируется: дверь напр. устраивается съ боковой стороны. Кудъ въ настоящее время служитъ обыкновенно кухней и лѣтнимъ жильемъ. Къ этому типу построекъ г. Гейкель справедливо относитъ кухню (*las*) чувашей (тюркизированнаго финскаго племени), кухню мордвы-ерзи и *куалу* вотяковъ. У мордвы-ерзи, пишетъ онъ (стр. 18), иногда встрѣчается, что за баней помѣщается еще кухня (*puwarinja* или *banja pé*,

---

[1]) Ibid. стр. 129.

[2]) Сорокинъ: Путешествіе къ вогуламъ, Тр. Общ. Естествоисп. при Казанскомъ Ун. III. № 4, стр. 43.

т. е. «конецъ бани»); въ этомъ случаѣ баню называютъ передней (*banja ikelks*); въ кухню можно снаружи пройти черезъ особую дверь; съ баней кухня соединяется посредствомъ находящихся въ двухъ углахъ бани столбовъ (см. рис. 8). Въ углу кухни помѣщается очагъ, надъ которымъ привѣшивается котелъ, посредствомъ особаго приспособленія: прежде всего жердь (*a*), которая простирается черезъ всю комнату; жердь пересѣкается двумя кусками дерева меньшихъ размѣровъ (*b*), концы которыхъ прикрѣплены къ стѣнѣ; они-то и служатъ для привѣшиванья котла, такъ какъ на нихъ опирается маленькая жердь (*c*), за которую прицѣпляютъ крючекъ, на которомъ виситъ котелъ [1]). Говоря о *las*'ѣ чувашей, который устраивается также какъ и *kud*, г. Гейкель приводитъ со словъ Палласа интересное сообщеніе, что у алатырскихъ чувашей аналогичные постройки встрѣчались въ кереметѝ и служили при религіозныхъ торжествахъ помѣщеніемъ, въ которомъ съѣдались жертвоприношенія; дверь такого помѣщенія была направлена на востокъ (стр. 17).

Въ виду того, что г. Гейкель во время своихъ путешествій могъ лишь крайне бѣгло познакомиться съ жилищемъ вотяковъ, онъ описываетъ ихъ по литературнымъ источникамъ. Вслѣдствіе этого мы предпочитаемъ заимствовать описаніе куалы вотяковъ прежде всего изъ труда И. Н. Смирнова „Вотяки", который вышелъ въ свѣтъ 2-мя годами позже труда г. Гейкеля и соединяетъ по этому вопросу какъ литературныя свѣдѣнія, такъ и личныя наблюденія автора. Рядомъ съ землянкой, въ которой вотяки когда-то скрывались зимой, пишетъ г. Смирновъ, у нихъ была „*куа*", или „*ква*"—шалашъ для лѣтняго жилья. По своему устройству куа—то-же, что черемисская куда; это легкая постройка изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ, пола, потолка и печи, съ дырявой крышей изъ драни. Такую постройку можно встрѣтить на любомъ вотятскомъ дворѣ, гдѣ вотякъ не вполнѣ еще обрусѣлъ или отатарился. Подобно черемисской кудѣ, вотятская *ква* имѣетъ значеніе не только жилья, но и храма. Здѣсь обитаетъ домовое божество—воршудъ, здѣсь приносятся ему жертвы и молитвы. Кудѣ, построенной изъ бревенъ, предшествовала, несомнѣнно, другая болѣе первобытная форма лѣтняго жилья. Максимовъ въ 50-хъ годахъ

[1]) На рис. 8 буквами *e* и *д* обозначено мѣсто и приспособленія для варки пива.

видѣлъ проѣздомъ цѣлую деревню, жившую лѣтомъ на лѣсной полянѣ въ досчатыхъ балаганахъ. Сосновскіе вотяки передавали г. Верещагину преданіе, что ихъ предки жили въ юртахъ въ родѣ шалашей и землянокъ изъ липовыхъ лубьевъ, хворосту и пр. [1]). Рядомъ съ подземнымъ *гуртомъ*, *ква* долго была единственной постройкой, которую зналъ вотякъ. Въ вотскомъ эпосѣ—преданіяхъ и сказкахъ — *ква* является единственнымъ жилищемъ человѣка. Въ преданіи о Тутоѣ и Янтамирѣ говорится, что при нихъ и при нѣсколькихъ ихъ преемникахъ вотяки избъ не строили, а жили въ шалашахъ, которые они бросали при приближеніи русскихъ. *Куа* оставалась неизмѣнной въ теченіе длиннаго ряда столѣтій [2]). Другой изслѣдователь вотяковъ, П. М. Богаевскій, даетъ слѣдующее описаніе *куа*: „Въ глубинѣ двора каждаго домохозяина можно видѣть небольшую деревянную постройку. Постройка эта формою напоминаетъ шалашъ, сложена изъ бревенъ; въ серединѣ тесовой крыши сдѣлано отверстіе для выхода дыма. Низкая дверь, гораздо ниже человѣческаго роста, ведетъ внутрь, гдѣ вы не встрѣтите оконъ. Тамъ, посреди земляного пола, изъ грубыхъ, неотесанныхъ камней сложенъ очагъ; надъ очагомъ виситъ цѣпь. Вдоль бревенчатыхъ стѣнъ идетъ скамья, около которой, въ дальнемъ лѣвомъ углу стоитъ столъ, надъ столомъ полка; на послѣдней помѣщается берестовый буракъ или коробка, величиною до 1 аршина, въ которой хранится жертвенная посуда“ [3]).

---

[1]) Къ типу болѣе древнихъ *куа*, повидимому, слѣдуетъ отнести и встрѣчавшійся въ XVIII в. особый видъ жилья у вогуловъ нѣкоторыхъ мѣстностей, описаніе котораго мы находимъ у Георги. Этотъ типъ, какъ и древнія *куа*, представляетъ среднее между срубомъ и шалашомъ: „Около Верхотурья и Соли-Камской дѣлаютъ они (вогулы) *зимніе* свои *шалаши* четыреугольно съ очагами и полатьми, а на плоской крышкѣ, или потолкѣ оныхъ, прорубаютъ для свѣту отверстіе. Двери-же приноравливаютъ, по большей части, съ восточной или съ сѣверной стороны, а передъ ними громоздятъ, для домашнихъ поклажъ чуланы. Отдалившіеся больше къ сѣверу и живущіе около Вишуры, Колвы и другихъ рѣкъ препровождаютъ и зиму въ столбчатыхъ, дерномъ или корою покрытыхъ шалашахъ“, которые отличаются отъ *лѣтнихъ* шалашей между прочимъ тѣмъ, что послѣдніе строятся конусообразно. (Георги: Описаніе... народовъ I, стр. 60, 61).

[2]) И. Н. Смирновъ: Вотяки, стр. 88, 89.

[3]) П. М. Богаевскій: Оч. религ. представленій вотяковъ, въ „Этн. Об.“ IV, стр. 131. По словамъ Бехтерева (Вотяки, стр. 637) вотяки пользуются еще *куа* какъ лѣтнимъ жилищемъ.

Г. Гейкель, какъ мы указывали выше, склоненъ относить *куа*—вотяковъ къ типу построекъ срубообразныхъ. Къ этому мнѣнію присоединяемся и мы, такъ какъ, несмотря на то, что большинство изслѣдователей вотяковъ и называетъ *куа* шалашемъ, переводя буквально это слово на русскій яз., однако въ описаніи ея мы не находимъ чертъ, характеризующихъ шалаши. *Куа*, согласно всѣмъ описаніямъ и нашимъ личнымъ наблюденіямъ, прежде всего срубъ, и какъ таковой болѣе близокъ къ пырту-тупѣ лопарей, пывзяну зырянъ и другимъ аналогичнымъ постройкамъ у пермяковъ, мордвы, черемисъ и чувашей. Если *куа* нѣкогда и являлась исключительно лѣтнимъ жильемъ вотяковъ, какъ это думаетъ г. Смирновъ, то едва-ли устройство ея было такое, какое мы видимъ въ настоящее время: это и былъ вѣроятно шалашъ, названіе котораго было перенесено на болѣе прочную постройку лишь впослѣдствіи, какъ это произошло съ *кудомъ* у черемисъ или съ *saunа* у эстовъ и тавастовъ.

Крыша у *куа*, какъ и у черемисскаго *куда*, дѣлается со скатами,—это, повидимому, позднѣйшее явленіе. Мы видѣли, что срубы, служащіе для жилища, тамъ, гдѣ они являются въ наиболѣе простомъ, а слѣдовательно и болѣе первобытномъ видѣ (зыряне, пермяки, остяки, вогулы, лопари и др.) имѣютъ плоскую или односкатную крышу. Впрочемъ, у вотяковъ до настоящаго времени сохранилась постройка этого-же типа, по наружному своему устройству болѣе первобытная, чѣмъ *куа*,—это бани: онѣ представляютъ четырехугольные срубы, иногда съ плоской крышей. Къ этому-же типу, но уже болѣе развитому, слѣдуетъ также отнести и сохранившіяся во многихъ глухихъ вотяцкихъ деревняхъ курныя избы съ глинобитной печью и маленькими волоковыми окнами. Эти избы называются *корка*—названіе, ключъ къ объясненію котораго находится въ пермяцкомъ языкѣ, гдѣ аналогичнымъ названіемъ является *кер-ку*, связанное съ словами *кер* — бревно и *керны* — рубить [1]. Первоначальный срубъ съ теченіемъ времени, какъ мы это уже отмѣчали, нѣсколько разъ претерпѣваетъ разныя измѣненія и, развиваясь постепенно, все ближе подходитъ къ понятію объ избѣ. Въ качествѣ переходныхъ типовъ г. Гейкель отмѣчаетъ черемисскую *куду*, видѣнную имъ у горныхъ черемисовъ (стр. 60); эта куда была снабжена уже печкой, хотя первобытный очагъ и сохра-

[1]) И. Н. Смирновъ: Вотяки, стр. 89. О пермяцкомъ кер-ку см. выше.

нился еще на полу въ серединѣ помѣщенія. Около комнаты находилась другая, которую Гейкель засталъ еще не вполнѣ отстроенной: въ ней не было ни окна, ни дверей. Такіе куды, по его словамъ, прежде встрѣчались въ большемъ количествѣ. Къ этому-же переходному типу слѣдуетъ, по мнѣнію г. Гейкеля (стр. 60, 61), отнести помѣщеніе для скота, которое ему пришлось видѣть у чувашей на границѣ Казанской и Симбирской губ. (рис. 9). У задней стороны этого помѣщенія находились двѣ печки, а между ними открытый очагъ (*a*), надъ которымъ висѣлъ на крючкѣ котелъ; на мѣстѣ, обозначенномъ на планѣ буквой *b*, стояла длинная скамейка (*täräk sac*), на мѣстѣ *c*—сундукъ съ крышкой; буквой *d* обозначенъ входъ въ нижній этажъ, въ которомъ находилась на половину врытая въ землю конюшня. Отъ описанныхъ переходныхъ типовъ черемисской куды и чувашскаго помѣщенія для скота и отмѣченныхъ выше болѣе культурныхъ срубообразныхъ построекъ у восточныхъ финновъ лишь одинъ шагъ до типичной финской избы, которая представляетъ собой тотъ же срубъ, но только приспособленный для болѣе культурной жизни. Такую избу черемисы называютъ *pört*, т. е. тѣмъ-же именемъ, какъ и русскіе лопари свое зимнее жилище — *пыртъ*, и дѣйствительно, какъ мы увидимъ, *pört* черемисовъ и *пыртъ* лопарей являются близко другъ къ другу стоящими постройками. Типъ постройки, соотвѣтствующій *pört*'у черемисъ, мордва-мокша называетъ *kud*, а мордва-ерзя—*kudo*, сохраняя за сравнительно поздними формами жилищъ древнее названіе шалаша.

Въ настоящее время pört (такъ же, какъ и мордовскіе kud и kudo) обыкновенно встрѣчается лишь какъ часть черемисскаго или мордовскаго дома. Отдѣльно онъ извѣстенъ въ болѣе глубокихъ мѣстностяхъ, причемъ въ его устройствѣ замѣтны уже значительныя улучшенія: вмѣсто земляного пола, типичнаго для *куда*, въ немъ полъ деревянный; очагъ замѣненъ сбитой изъ глины печью; въ потолкѣ продѣлано дымовое отверстіе. Пёртъ освѣщается квадратнымъ или узкимъ, продолговатымъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ стѣнѣ; общеупотребительное въ настоящее время оконное стекло еще лѣтъ 20 тому назадъ замѣнялось коровьимъ пузыремъ. Къ пёрту пристраиваются сѣни (*пёртонжолъ*) [1]. Если мы выдѣлимъ

[1] Смирновъ. Черемисы, стр. 72.

pört-kudo изъ ряда окружающихъ его въ настоящее время построекъ, мы получимъ слѣдующій видъ этой формы жилья, совершенно вѣрно описаннаго г. Гейкелемъ (стр. 26) и тожественнаго съ вышеприведеннымъ описаніемъ pört'а—избы: „Курная комната была обыкновенно снабжена небольшими сѣнями, одной стороной обращенными во дворъ, другой—къ деревенской улицѣ. Окна были прорублены только въ той стѣнѣ, которая выходила во дворъ, такъ что выходящая на улицу стѣна была темна. Въ заднемъ углу комнаты, выходящемъ къ улицѣ, находилась печь, устье которой освѣщалось окномъ. Во многихъ комнатахъ прорубилось по двѣ двери: одна—ведущая наружу, другая — изъ сѣней въ комнату. Когда дымъ слишкомъ наполнялъ комнату, открывали внутреннюю дверь, такъ что дымъ нѣсколько расходился, а тепло не уменьшалось“. Въ этомъ описаніи нетрудно узнать черты, характеризующія описанные выше типы срубообразныхъ построекъ, встрѣчающихся въ настоящее время у менѣе подвергшихся культурному вліянію сосѣдей—родичей черемисовъ и мордвы, принадлежащихъ, какъ и они, къ восточной группѣ финскаго племени.

Переходя къ срубообразнымъ постройкамъ, служившимъ или служащимъ до настоящаго времени жилищемъ у финновъ западной группы, мы встрѣтимъ ихъ прежде всего у тавастовъ. Наиболѣе первобытныхъ чертъ мы видимъ въ баняхъ тавастовъ, въ особенности въ изображенныхъ у Ретціуса [1]). Это четырехугольный срубъ, съ плоской крышей; размѣры внутренняго помѣщенія бани настолько малы, что въ ней даже нельзя стоять выпрямившись. Далѣе г. Гейкель описываетъ (стр. 144 и слѣд.) нѣсколько типовъ бань, изученныхъ имъ у тавастовъ; различіе съ описанной у Ретціуса баней заключается, главнымъ образомъ, въ устройствѣ крыши: она или односкатная или двускатная, что, впрочемъ, нисколько не уничтожаетъ типичныхъ чертъ первобытной срубообразной постройки (рис. 10 и 11); передъ срубомъ (рис. 10) мы видимъ также небольшую пристройку—сѣни, извѣстную намъ уже изъ описаній лопарскихъ пыртовъ и аналогичныхъ построекъ у другихъ финновъ. Иногда, наконецъ (рис. 12), около бани ставится кота, т. е. болѣе поздняя форма постройки—*sauna* (баня) соединяется съ болѣе древнимъ—шалашемъ. Въ настоящее время

---

[1]) Retzius: Finnland, стр. 65, № 41; описаніе, на стр. 91.

баня приспособлена для мытья: внутри устраиваются полати. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бани служили нѣкогда тавастамъ жилищемъ: за это говоритъ прежде всего фактъ, что баня носитъ названіе одного изъ предшествовавшихъ въ исторіи развитія финскаго жилья типа—землянки (sauna). Далѣе тавасты, по словамъ Ретціуса [1]), считаютъ баню мѣстомъ священнымъ, и преступленіе, совершенное въ ней, считается болѣе тяжкимъ, чѣмъ если оно совершено въ другихъ мѣстахъ. Священнымъ характеромъ надѣляются обыкновенно тѣ хозяйственныя постройки народа, которыя нѣкогда служили ему жилищемъ, такъ какъ съ послѣднимъ связанъ культъ домашнихъ духовъ, причемъ при переходѣ народа къ новой формѣ жилья культъ нерѣдко продолжаетъ совершаться въ жилищѣ прежняго типа, вслѣдствіе чего оно и сохраняетъ свой священный характеръ. Весьма яркій примѣръ сохраненія культа въ древнемъ жилищѣ мы видимъ у вотяковъ, гдѣ *куа*, прежде служившая жильемъ, въ настоящее время обратилась въ мѣсто, гдѣ совершается исполненіе семейнаго или родового культа. Наконецъ, и въ настояшее время баня тавастовъ не утратила вполнѣ еще своего первоначальнаго значенія: г. Гейкель (стр. 151) сообщаетъ, что въ баняхъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ живутъ бѣдные ихъ соплеменники; кромѣ того, ему пришлось въ Мугіерви встрѣтить баню, какъ *единственное* жилище семьи; ее называли sawupirtti, т. е. курная изба, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ и чѣмъ была и баня, прежде чѣмъ она утратила свое первоначальное назначеніе.

Кромѣ бань, являющихся болѣе первобытными срубообразными постройками тавастовъ, у нихъ существуютъ и до настоящаго времени постройки этого-же типа, но нѣсколько болѣе приспособленныя къ болѣе развитой жизни. Это — такъ называемые *pörte*. Какъ и *pört* черемисовъ или *kudo* мордвы, тавастскій *pörte* обыкновенно входитъ въ составъ дома; но часто онъ является и отдѣльно, сохраняя черты старины въ своемъ устройствѣ. Ретціусъ даетъ описаніе *pörte*:—одного болѣе культурнаго, другого—совершенно близко подходящаго къ тавастскимъ банямъ [2]). Первый представлялъ довольно большую постройку изъ неотесанныхъ бревенъ; двускатная крыша состояла изъ жердей и досокъ; низкая

---

[1]) Ib., стр. 91. [2]) Retzius: op. c., стр. 63–66.

дверь вела во внутреннее помѣщеніе. Окна были крайне невелики, болѣе длинны, чѣмъ высоки; они не имѣли стеколъ, но прикрывались ставней, которую можно было передвигать по желобку (воловыя окна) [1]). Внутреннее помѣщеніе состояло изъ одной комнаты; въ углу, съ правой стороны, находилась грубо сложенная изъ камней печка безъ трубы; въ потолкѣ было продѣлано небольшое отверстіе для выхода дыма. Описанный *pörte* служилъ жилищемъ для рыбаковъ въ періодъ осенняго промысла; въ немъ могло помѣститься до 50-ти человѣкъ.

Другой, оставленный въ настоящее время, *pörte* представлялъ маленькій квадратный срубъ, также съ двускатной крышей и двумя небольшими оконными отверстіями, какъ и у предшествующаго. Къ нему примыкала небольшая четырехугольная-же постройка — сѣни, съ плоской крышей; наружная дверь находилась въ пристройкѣ, которая соединялась съ pört'омъ посредствомъ еще другой двери. Около четверти квадрата, образующаго внутренность pört'а, было занято печкой, сложенной на-сухо изъ большихъ камней, покоившихся на двойномъ рядѣ бревенъ; полъ былъ бревенчатый; потолка не было. Дымъ поднимался непосредственно подъ крышу и выходилъ черезъ отверстіе, которое можно было по желанію закрывать посредствомъ особо устроенной крышки, прикрѣпленной къ жерди.

Совершенно схожіе съ *pört*'ами тавастовъ постройки мы встрѣчаемъ у эстовъ. На первомъ мѣстѣ и здѣсь слѣдуетъ поставить бани, которыя, какъ и у тавастовъ, называются *sauna*, причемъ этимъ-же именемъ эсты называютъ и землянку. Изъ описываемыхъ г. Гейкелемъ типовъ эстонскихъ бань для нашихъ цѣлей особенно интересной является баня-жилище (стр. 151), такъ какъ баня соединена съ домомъ, составляетъ часть его и вмѣстѣ служитъ и жилымъ помѣщеніемъ, и баней: въ ней нетрудно отыскать всѣ черты, присущія курной избѣ. Какъ одинъ изъ древнѣйшихъ типовъ этого вида жилища, г. Гейкель (стр. 168—170) описываетъ крестьянскій домъ, видѣнный имъ въ Пайстельскомъ приходѣ Лифляндской губ. (рис. 13). Если отнять части зданія, отмѣченныя

---

[1]) Такія-же окна г. Гейкель считаетъ типичными для pört'а черемисъ и *kudo* мордвы. А. *Бехтеревъ* (Вотяки, стр. 635) описываетъ у вотяковъ, живущихъ въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ, такія-же передвижныя окна, обтянутыя бычачьей брюховиной.

на планѣ B (a+b), пишетъ онъ, и сравнить ихъ съ различными типами бань эстонцевъ, мы замѣтимъ, что эти части соотвѣтствуютъ формѣ бани, изображенной на рис. 5. Подобно тому, какъ къ банямъ иногда прибавляется еще третье помѣщеніе (*rehealune*), такъ и къ описываемому дому прибавлена рига. Фактъ, что рига пристроена здѣсь къ банѣ, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что между помѣщеніями *a* и *c* нѣтъ двери, и оба они имѣютъ однѣ общія сѣни. Въ описанномъ г. Гейкелемъ типѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, древнее срубообразное жилище, которое въ данномъ случаѣ служитъ жильемъ, но у большинства эстонцевъ употребляется какъ баня. Если на приведенномъ планѣ у рис. 13 откинуть позднѣйшую пристройку — ригу (c), мы получимъ совершенно точный планъ пырта другихъ финновъ, постройки которыхъ мы разсмотрѣли, и лишь высокая четырехскатная крыша налагаетъ снаружи на этотъ домъ особый характеръ, отличающій его отъ пыртовъ съ плоскими крышами. А. Д. Солодовниковъ[1]) отмѣчаетъ, что такого рода жилища, представляющія только части *a* и *b* плана, являются широко распространенными у эстовъ среди бѣдныхъ крестьянъ (бобылей) въ Эстляндской губерніи. Онъ описываетъ ихъ слѣдующими словами: *туба* — такъ называется этотъ видъ построекъ у эстовъ — помѣщеніе шаговъ 6 въ длину и 5 въ ширину, кое-какъ построенное изъ балокъ, досокъ и старыхъ бревенъ, покрытое полусгнившей соломой; издали туба походитъ на шалашъ. Черезъ низкую дверь вы входите въ *уксаязинъ* — это узкое, тянущееся во всю ширину избы пространство, отдѣленное стѣною отъ жилого помѣщенія; здѣсь лежатъ кадушки, лопаты, горшки, всякая рухлядь. Изъ *уксаязина* ведетъ дверь въ жилое помѣщеніе—въ тубу. Душный, спертый, прогорклый воздухъ охватываетъ васъ. Сквозь небольшое окно, въ квадратный футъ величиною, заклеенное коегдѣ бумагой, льется тусклый свѣтъ. Полъ чаще всего земляной, въ углу печь безъ трубы; у одной стѣны—кровать, у другой—столъ; двѣ—три кое-какъ сколоченныхъ табуретки—вотъ вся обстановка бобыльей избы. Теперь, съ поднятіемъ экономическаго уровня эстонцевъ, этотъ типъ жилищъ начинаетъ мало-по-малу исчезать; еще въ 40-хъ годахъ, по словамъ Крузе, онъ встрѣчался гораздо

---

1) А. Д. Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

чаще. Оконъ, пишетъ между прочимъ Крузе, въ ихъ (эстовъ) домахъ не существуетъ, кромѣ одного, которое помѣщается въ жилой комнатѣ. Оно имѣетъ размѣръ около 1 кв. фута и составлено изъ многихъ осколковъ стекла, склеенныхъ кусочками бумаги. Такой видъ окна, описанный гг. Солодовниковымъ и Крузе, несмотря на свое несовершенство, появился подъ вліяніемъ сосѣдей. Окно, въ теперешнемъ значеніи этого слова, замѣчаетъ покойный Веске, не существовало у эстонскихъ крестьянъ, а вмѣсто него была только дыра, закрываемая дощечкой или тряпкой, или-же тѣмъ и другимъ... У ливовъ употребляется для обозначенія окна слово *läb*, причемъ первоначально это слово означаетъ *дверь* или вообще *отверстіе*, *дыру*[1]). Эти данныя служатъ еще лишнимъ доказательствомъ, что первоначальный срубъ-жилище не имѣлъ другого отверстія для освѣщенія, кромѣ двери и, быть можетъ, отверстія дымового.

Обращаясь къ кореламъ, жилище которыхъ подверглось вообще весьма сильному вліянію сосѣдей, мы видимъ, что и у нихъ сохраняется тотъ-же типъ срубообразныхъ построекъ. Баня, которая какъ у русскихъ, такъ и у финляндскихъ кореловъ является почти неотъемлемой принадлежностью каждаго крестьянскаго двора, представляетъ по своему внѣшнему и внутреннему устройству большое сходство съ банями тавастовъ. Г. И. Куликовскій любезно предоставилъ намъ, изъ числа его неизданныхъ еще матеріаловъ, слѣдующее описаніе бани олонецкихъ кореловъ: баня устраивается въ большинствѣ случаевъ безъ предбанника; раздѣваніе происходитъ на улицѣ, несмотря на зимнюю стужу; для вѣшанья платья при постройкѣ бани оставляютъ нѣсколько бревенъ, торчащихъ изъ угловъ бани. Направо отъ входа въ баню, въ одномъ изъ угловъ, устраивается печь, сложенная изъ мелкаго камня, причемъ для укрѣпленія верхней и боковыхъ сторонъ печи, кладутся три плиты: двѣ ребромъ, третья кладется плашмя. На нихъ уже сыплютъ мелкій камень безъ всякаго скрѣпляющаго вещества; сложенная такимъ образомъ печь часто разваливается; при топкѣ сквозь камни мѣстами виденъ огонь. Подлѣ печи устраиваютъ полокъ изъ досокъ (на аршинъ отъ пола). Вода нагрѣвается въ ушатахъ посредствомъ раскаленныхъ камней. Окно прорублено съ

---

[1]) Веске: Славяно-финскія культурныя отношенія, стр. 191.

правой или лѣвой стороны отъ входной двери (противъ полка и сбоку его); по прекращеніи топки оно закладывается доской, равно какъ и отверстіе въ потолкѣ, въ которое выходитъ дымъ. Труба устраивается рѣдко, но гдѣ она есть, ее дѣлаютъ или досчатой или изъ выдолбленнаго ствола осины. Потолокъ сверху засыпаютъ землей и стелютъ крышу на одинъ скатъ, которая образуется тѣмъ, что одну изъ стѣнъ сруба, образующаго баню, строятъ нѣсколькими бревнами выше, чѣмъ остальныя. Чубинскій [1]) отмѣчаетъ, какъ особенность въ устройствѣ банныхъ печей архангельскихъ кореловъ, что онѣ дѣлаются изъ дикаго камня. Корельскія курныя избы, которыя г. Гейкель видѣлъ около Ладожскаго озера, по своему плану совершенно аналогичны домамъ эстонскихъ бобылей. Характерно, что такая изба, также какъ и у эстовъ, носитъ названіе *tupa*,—имя, которое скандинавскіе лопари, какъ это было указано выше, даютъ своему срубообразному жилищу. Если въ корельскихъ тупахъ устроена труба, то она, по словамъ г. Гейкеля (стр. 224), въ настоящее время состоитъ изъ сколоченныхъ вмѣстѣ досокъ, въ прежнее-же время дѣлалась изъ выдолбленнаго ствола дерева; труба заканчивается небольшой крышей, назначеніе которой—препятствовать дождю проникать въ комнату. Хотя въ настоящее время у финляндскихъ и у русскихъ кореловъ окна обыкновенно покрыты стеклами, но и теперь еще, какъ отмѣчаетъ г. Гейкель (225), встрѣчаются досчатыя, двигающіяся по желобку ставни, какъ въ описанномъ тавастскомъ *pört*'ѣ; кромѣ того, на многихъ стекольчатыхъ окнахъ сохранились на рамахъ желобки, по которымъ вѣроятно еще не въ очень отдаленное время передвигалась ставня. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у русскихъ кореловъ, по свѣдѣніямъ сообщаемымъ В. Майновымъ [2]), сохранился до настоящаго времени обычай заколачивать на зиму стекольчатыя окна досками, такъ что въ теченіе холоднаго времени года въ избу не проникаетъ свѣтъ; этотъ обычай объясняется стремленіемъ возможно больше предохранить жилище отъ холода, но это стремленіе, внѣ всякаго сомнѣнія, поддерживаетъ лишь древній обычай употреблять деревянныя «окна», которыя при отсутствіи въ прежнее время стеколъ *должны* были на глухо заколачиваться на зиму.

---

[1]) Этногр. очеркъ Корелы. Тр. Арх. Статист. Комитета, 1865 г., кн. 2.
[2]) Поѣздка въ Обонежье и Корелу, стр. 276.

Этотъ-же типъ мы видимъ въ описанномъ г. Гейкелемъ (стр. 232) корельско-саволакскомъ домѣ; это тотъ-же срубъ, и въ планѣ онъ отличается отъ простого сруба лишь тѣмъ, что къ единственной комнатѣ, образуемой срубомъ, прибавлены помѣщеніе для коровъ и сѣнной сарай. Наконецъ у финновъ, населяющихъ Петербургскую губ., несмотря на то, что многіе изъ нихъ въ весьма значительной степени подверглись русскому вліянію, г. Гейкелю удалось встрѣтить жилища, которыя, если исключить позднѣйшія добавленія, появившіяся подъ вліяніемъ русскихъ, воспроизводятъ въ планѣ ту же тупу-пёртъ ихъ финскихъ сородичей.

Мы видѣли, что срубъ, какъ жилище, является или являлся общераспространеннымъ у всѣхъ финскихъ народностей, какъ восточной такъ и западной группъ. Несмотря на кажущееся однообразіе въ способѣ своего устройства и въ своемъ планѣ, онъ представляетъ также и извѣстныя отличія по мѣстностямъ и народностямъ, хотя и сохраняетъ всюду свою основную форму. Различія довольно крупныя мы встрѣчаемъ при детальномъ изученіи этого вида построекъ, въ особенности въ отношеніи къ устройству очага или печки: матеріалъ, изъ котораго дѣлается послѣдняя, способъ ея кладки, форма, положеніе ея въ жилищѣ, направленіе печного отверстія—все это представляетъ колебанія; но эти различія не лишаютъ этотъ типъ постройки ея характерныхъ чертъ, какъ ихъ не лишаетъ ее и то, что въ однихъ мѣстностяхъ срубы встрѣчаются только съ плоскими крышами, въ другихъ—съ односкатными, въ третьихъ — съ двускатными или четырехскатными. Какъ замѣна очага печкой и различные способы ея устройства, такъ и замѣна плоской крыши крышей со скатами — являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ постройки первобытнаго сруба. Въ немъ мы имѣемъ послѣднюю форму обще-финскаго первобытнаго жилья, которое появилось у финскихъ народностей въ древнѣйшій періодъ. Когда мы встрѣчаемъ названіе *pört* съ одной стороны у черемисовъ, съ другой — у лопарей и тавастовъ для обозначенія одинаковаго типа построекъ, *sauna*—у тавастовъ и эстовъ, керку и корку—у пермяковъ и вотяковъ, мы въ правѣ заключить, что этотъ типъ жилища былъ уже извѣстенъ финнамъ издавна. Что подъ этимъ именемъ разумѣлась вѣроятно болѣе первобытная постройка, чѣмъ мы видимъ это теперь у нѣкоторыхъ племенъ (напр. у черемисовъ и отчасти тавастовъ), вытекаетъ изъ того, что у финскихъ

племенъ, наиболѣе отставшихъ на пути культуры отъ своихъ сородичей, мы подъ этимъ именемъ встрѣчаемъ постройки значительно болѣе первобытныя, чѣмъ у болѣе цивилизованныхъ (напр. *пыртъ* лопарей, *юртъ* остяковъ и вогуловъ). Впрочемъ, совершенно первобытнаго типа *пырта* мы не встрѣчаемъ въ настоящее время даже у тѣхъ племенъ, которыя въ развитіи своего жилища не пошли далѣе этой формы; но изъ приведеннаго нами матеріала не трудно возстановить его древнѣйшую форму и прослѣдить постепенно измѣненія и дополненія, которыя дѣлались въ немъ въ теченіе долгого періода времени, отчасти вслѣдствіе самостоятельнаго развитія финскихъ племенъ, отчасти вслѣдствіе вліянія сосѣдей, благодаря чему мы имѣемъ типы современныхъ пыртовъ. Первоначальный пыртъ вѣроятнѣе всего представлялъ низкій четырехугольный срубъ съ плоской крышей, покрытой жердями и землей; онъ вѣроятно былъ лишенъ оконъ, какъ и современный черемисскій *kud*, описанный выше; низкая дверь вела непосредственно наружу; внутри, посрединѣ помѣщенія, находился очагъ, а дымъ выходилъ или черезъ дверь, или черезъ отверстіе въ крышѣ; пола не было. Лишь постепенно къ этому простѣйшаго вида срубу пристраиваются небольшія сѣни, прорубается окно, которое вначалѣ прикрывается волоковой ставней, рыбьимъ пузыремъ, или даже кусками льда, и лишь въ сравнительно поздній періодъ времени получаетъ стекла. Полъ устилается хворостомъ, который впослѣдствіи замѣняется досчатымъ поломъ; мѣсто очага занимаетъ каменка или каминъ съ трубой (чувалъ), а затѣмъ и печка, причемъ для большаго устоя она устраивается въ одномъ изъ угловъ пырта; появляется и дымовая труба; плоская крыша замѣняется крышей со скатами. Такимъ образомъ постепенно вырабатывается такъ сказать усовершенствованный типъ пырта, причемъ эти усовершенствованія не всегда совершались финскими племенами безъ вліянія ихъ болѣе культурныхъ сосѣдей.

Трудно отвѣтить опредѣленно, какъ возникъ пыртъ. Мы видѣли выше, что г. Гейкель склоненъ думать, что эстонскія бани, печи которыхъ находятся наружу, возникли путемъ поднятія постройки изъ-подъ земли; за происхожденіе вообще пыртовъ изъ землянокъ говоритъ также и то, что г. Гейкелю приходилось встрѣчать въ Финляндіи полуподземныя жилища. Кромѣ того, названія у тавастовъ и эстовъ—sauna, одинаковыя для бани (первобытнаго

пырта) и землянки, служатъ тому доказательствомъ; подтвержденіе этого-же предположенія мы видимъ и въ пывзянахъ зырянъ и пермяковъ и въ полупогруженныхъ въ землю жилищахъ остяковъ, о которыхъ говоритъ Георги. Но, быть можетъ, не вездѣ образованіе пырто-образныхъ построекъ шло путемъ развитія типа землянокъ. Мы видѣли, что у эстовъ кухня *кода* представляетъ иногда шалашъ, но поставленный уже на каменномъ, поднятомъ выше человѣческаго роста, основаніи; далѣе, вѣжа русскихъ лопарей утратила свой конусообразный видъ: она представляетъ собой четырехгранную пирамиду, прочно установленную въ почвѣ, и, какъ таковая, она утратила портативный характеръ шалаша. У остяковъ лѣтняя юрта иногда имѣетъ видъ шалаша, поднятаго на деревянное основаніе. Въ кухнѣ эстовъ, какъ и въ вѣжѣ русскихъ лопарей, мы скорѣе склонны видѣть уже прочныя постройки, сохранившія лишь первобытную форму шалаша. Мы можемъ поэтому допустить четырехугольныя постройки, надземныя, которыя могли служить въ исторіи развитія финскаго жилища звеньями между шалашомъ бродячаго племени и пыртомъ финна, сдѣлавшагося осѣдлымъ. Намъ представляется возможнымъ считать за типы такихъ переходныхъ построекъ встрѣчавшіеся раньше у вотяковъ шалаши-балаганы, о которыхъ упоминаетъ Максимовъ, а также и шалаши, описываемые (въ XVIII в.) Георги у вогуловъ. Изъ этого переходнаго типа легко получается, при замѣнѣ болѣе легкаго матеріала (плетни, жерди, доски и проч.) болѣе прочнымъ — бревнами, *куа* вотяковъ и зимній срубъ вогуловъ. Быть можетъ также, что сохраненіе названія шалаша за срубообразными и подчасъ значительно развитыми постройками, какъ напр. *куа* у вотяковъ, *кудъ* у черемисовъ, *кодъ*, *кода* у мордвы, можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ того, что у этихъ народовъ срубообразныя постройки возникли не только изъ землянокъ, но что и дальнѣйшее развитіе шалаша было не безъ вліянія на ихъ появленіе, подобно тому какъ названіе *sauna* для землянки и бани заставляетъ думать, что послѣдняя развилась изъ первой.

Въ пыртообразныхъ постройкахъ мы имѣемъ тотъ центръ, вокругъ котораго развивались современныя жилища финскихъ народностей. Пыртъ являетсядалѣе исходной точкой, изъ которой развивается деревня. Кочевой бытъ не содѣйствуетъ развитію этихъ послѣднихъ; при отдѣленіи отъ семьи одного изъ членовъ, отдѣлившійся вмѣстѣ съ

своимъ стадомъ легко откочевываетъ далеко отъ родительскаго шалаша, который въ свою очередь весьма часто мѣняетъ свое мѣсто. При переходѣ къ осѣдлости семья остается на своемъ мѣстѣ, и члены, которыхъ не можетъ вмѣстить небольшая землянка или срубъ, выстраиваютъ себѣ свое жилище вблизи отъ выдѣлившей ихъ семьи, остаются на мѣстѣ и не порываютъ съ ней связей. Такимъ образомъ могутъ возникнуть поселки, подчасъ довольно значительные. Что таково очень часто было возникновеніе поселковъ у финскихъ племенъ, мы имѣемъ доказательства въ современномъ ихъ бытѣ и въ возникновеніи новыхъ поселеній у нихъ, подчасъ даже въ настоящее время. По словамъ П. М. Богаевскаго [1]), еще не такъ давно цѣлыя деревни представляли изъ себя лишь совокупность родственниковъ, что впрочемъ и не удивительно, такъ какъ при быломъ обиліи лѣса на новыя мѣста селились лишь лица, которыя въ силахъ были расчистить себѣ изъ-подъ него необходимое пространство земли, а такими, конечно, являлись или лица, обладавшія сильной энергіей, или же семейства, которыя состояли изъ большого числа членовъ. Впослѣдствіи семейства эти разростались, такъ что приходилось все больше и больше расчищать мѣста изъ-подъ лѣса и ставить новыя строенія, мѣста для которыхъ выбирались и назначались исключительно старшимъ членомъ семейства и назначались, конечно, сообразно съ его личнымъ вкусомъ и желаніемъ. По словамъ И. Н. Смирнова, громадная масса вотятскихъ селеній указываетъ на происхожденіе отъ одного основателя и носитъ патронимическія названія. Г. Островскій отмѣчаетъ для вотяковъ Казанской губ., что почти каждая вотская деревня представляетъ совокупность лицъ принадлежащихъ къ одному роду [2]). Г. Инфантьевъ указываетъ, что у вогуловъ, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ они уже подверглись русскому вліянію, нерѣдки деревни, состоящія изъ родственниковъ, даже изъ членовъ одной семьи. Авторъ приводитъ не безъинтересный примѣръ развитія одного подобнаго поселка, который ему удалось посѣтить лично: поселокъ состоитъ изъ 5 юртъ, пишетъ онъ, изъ нихъ 4 принадлежатъ нашему хозяину Тимоѳеею. Первую, самую старую изъ этихъ юртъ, строилъ еще прадѣдъ Тимоѳея, вторую—дѣдъ его, третью—отецъ, и четвертую онъ—самъ. У вогуловъ въ

[1]) Оч. быта Сарапульск. вотяковъ,—въ Сб. мат. по этногр., подъ ред. В. Ѳ. Миллера, III, стр. 38.—[2]) Смирновъ, Вотяки, стр. 166.

большинствѣ случаевъ каждое новое поколѣніе строитъ свою новую юрту [1]). У финновъ, въ Петербургской губ., переселившихся туда въ XVII в. (савокатъ и сюремейзетъ) и въ настоящее время часто встрѣчается, что цѣлый небольшой поселокъ заселенъ одной фамиліей и носитъ даже названіе этой фамиліи [2]). Есть основанія предполагать, что еще не такъ давно у русскихъ лопарей ихъ погосты (деревни для зимняго пребыванія) состояли изъ однихъ родственниковъ. Преданія черемисовъ Уфимской и Пермской губ. указываютъ, по словамъ г. Еруcланова [3]), что поселенія въ новомъ краю основывались первоначально отдѣльными семьями или родственными группами; поселенцы жили долгое время въ одномъ *кудо*, по нѣскольку семействъ; родственные *кудо* располагались— вблизи другъ отъ друга. „По мѣрѣ того, какъ становилось тѣсно въ одномъ *кудо*, изъ него выдѣлялись отдѣльныя семьи, которыя... селились или вблизи кореннаго шалаша, или уходили въ другія мѣста". Переживанія родового быта, которыя мы встрѣчаемъ у другихъ финскихъ народностей восточной группы позволяютъ распространить и на нихъ высказанное предположеніе о первоначальномъ способѣ возникновенія финскихъ деревень. Къ поселеніямъ подобныхъ родовыхъ или семейныхъ общинъ впослѣдствіи могли примыкать и жилища вновь прибывающихъ лицъ, несвязанныхъ кровными узами съ основателями деревни, которыя или принимались послѣдними въ составъ своей общины или продолжали жить, какъ чужіе, и лишь впослѣдствіи, при упадкѣ родовыхъ отношеній и развитіи объединяющихъ экономическихъ интересовъ, соединялись въ одну деревенскую общину.

Происхожденіе финскихъ деревень изъ разросшейся группы родственниковъ, типичную иллюстрацію чего мы встрѣчаемъ у вотяковъ, не является, конечно, исключительной особенностью финскаго племени. Но это происхожденіе наложило на финскія деревни особый отпечатокъ, рѣзко подчасъ отдѣляющій ихъ отъ деревень ихъ сосѣдей; если этотъ отпечатокъ сохранился у финновъ въ бо́льшей степени, чѣмъ у ихъ сосѣдей, то это можетъ

---

[1]) П. Инфантьевъ, За уральскимъ бобромъ, „Вѣст. Европы", 1894, VI, стр. 566.

[2]) Мат. по статистикѣ нар. хозяйства въ Петербургской губ., VI, стр. 24.

[3]) П. Еруслановъ: Оч. быта и преданій восточн. черемисъ,—въ Изв. Оренб. Отд. И. Р. Г. О., вып. 4 (1894), стр. 3, 4.

объясняться отчасти тѣмъ, что среди финскихъ народностей болѣе живы еще воспоминанія родового быта, отчасти, гдѣ родовой бытъ уже давно успѣлъ исчезнуть,—консрватизмомъ и тѣми особыми условіями жизни, въ которыя финны были поставлены.

Въ числѣ чертъ, характерныхъ для современныхъ финскихъ деревень, одно изъ первыхъ мѣстъ слѣдуетъ отвести безпорядочности въ расположеніи домовъ въ деревнѣ. Въ то время, какъ русскія поселенія идутъ вдоль улицы, въ финскихъ деревняхъ подчасъ не видишь никакой правильности. Дома являются разбросанными безъ всякаго порядка. Эта безпорядочность является прямымъ слѣдствіемъ происхожденія самихъ деревень. Разныя соображенія заставляютъ строить вновь возникающій домъ тамъ, гдѣ это оказывается удобнѣе. По словамъ Бехтерева, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія у вотяковъ встрѣчались деревни, въ которыхъ каждый домъ отдѣлялся отъ другого засѣяннымъ полемъ. Такія деревни, замѣчаетъ по этому поводу совершенно справедливо г. Смирновъ, выростали несомнѣнно изъ одного двора. Въ томъ случаѣ, когда въ сосѣдство выдѣлялась или садилась новая семья, она выбирала себѣ мѣсто за чертой расчищенныхъ первыми поселенцами полей и производила для себя расчистку сама; также поступали и дальнѣйшіе основатели дворовъ. Деревня разросталась до значительныхъ размѣровъ, но не получала значенія поземельной общины [1]). Подобныхъ деревень, насколько намъ извѣстно, не отмѣчается больше у вотяковъ новѣйшими изслѣдователями, но всѣ они указываютъ на неправильность, какъ на характерную черту вотяцкихъ деревень. Полное отсутствіе какого-нибудь правильнаго плана мы встрѣчаемъ и у остяковъ, вогуловъ и лопарей. Сохранившіеся остатки древнихъ пермяцкихъ деревень расположены также неправильно. У зырянъ дома въ деревняхъ расположены то слишкомъ тѣсно, то слишкомъ разсѣянно, но почти всегда неправильно [2]). Г. Гейкель отмѣчаетъ эту же характерную черту у мордвы и черемисовъ. Говоря о расположеніи деревень у послѣднихъ, онъ замѣчаетъ, что въ настоящее время черемисскіе дома строятся по приказанію властей все болѣе и болѣе по русскому образцу; но этотъ порядокъ, продолжаетъ

[1]) Смирновъ: Вотяки, стр. 92.

[2]) К. А. Поповъ: Зыряне и Зырянскій край. Тр. Отд. Этнографіи И. О. Л. Е., А. и Э. III, вып. 2 стр, 61.

онъ, не вполнѣ еще укоренился у нихъ, такъ какъ они, какъ и прочія финскія народности, строили свои дома и деревни совершенно неправильно, такъ что уголъ одного зданія подчасъ былъ обращенъ къ сторонѣ другого (стр. 69). Собственно черемисскій типъ, пишетъ И. Н. Смирновъ [1]), можно, въ немногихъ правда уже случаяхъ, наблюдать въ южной части Яранскаго и Уржумскаго уѣздовъ и на сѣверѣ Макарьевскаго у. Полнѣе онъ сохранился въ Уфимской губ. Черемисскія деревни конца 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія состояли здѣсь изъ нѣсколькихъ дворовъ, примыкающихъ одинъ къ другому самымъ безпорядочнымъ образомъ въ зависимости отъ того, какъ разростался родъ, сѣвшій въ данномъ мѣстѣ. Совершенно то-же мы встрѣчаемъ у западныхъ финновъ: въ Финляндіи деревни представляютъ небольшія группы домовъ, расположенныя безъ всякого порядка; у эстовъ, по словамъ А. Д. Солодовникова [2]) и по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, деревни не представляютъ въ большинствѣ случаевъ никакой правильности въ планѣ. Если г. Гейкель (стр. 127) и отмѣчаетъ, что архангельскіе корелы располагаютъ свои жилища въ рядъ вдоль улицы, въ чемъ онъ совершенно основательно видитъ русское вліяніе, то въ корельскихъ деревняхъ, не подвергшихся въ такой степени этому вліянію, продолжаетъ, по словамъ Чубинскаго, господствовать отмѣченная у другихъ финскихъ племенъ безпорядочность въ расположеніи [3]). Тоже мы видимъ и у олонецкихъ кореловъ; чѣмъ ближе корельскіе погосты и деревни къ границѣ селеній русской народности, пишетъ г. Соборновъ, тѣмъ больше замѣтно сходства въ постройкахъ кореловъ съ русскими, и чѣмъ дальше корельскія селенія отъ сказанныхъ районовъ русской народности, тѣмъ меньше замѣчается общихъ чертъ между этими народностями... Корельскія селенія планируются неправильно: дома стоятъ другъ отъ друга въ разныхъ направленіяхъ, иногда въ совершенномъ безпорядкѣ. Корельскія деревни очень часто считаютъ въ себѣ только 2—6 дворовъ съ 6-ю или 20-ю душами населенія; въ поселкахъ подчасъ живутъ одиночныя семейства [4]).

---

[1]) Черемисы: стр. 69, 70.

[2]) Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

[3]) Чубинскій: Этн. оч. Корелы—въ Тр. Арх. Ст. Ком. 1865. II. стр. 101.

[4]) А. Соборновъ: Къ исторіи культуры олонецкихъ Кореловъ,—въ Олонецкомъ Сборникѣ, вып. 1., стр. 132.

Незначительное количество дворовъ, отмѣчаемое г. Соборновымъ, въ деревняхъ олонецкихъ кореловъ, встрѣчается какъ типичная черта и у другихъ финскихъ народностей: изслѣдователи считаютъ малочисленность деревень характерной для остяковъ и вогуловъ, лопарей, финляндскихъ кореловъ, эстовъ (въ среднемъ 4,33 жил. строеній на поселокъ въ Эстляндской губ.), тавастовъ и у финновъ Петербургской губ., причемъ у послѣднихъ въ среднемъ поселки по количеству душъ въ 3 раза менѣе, чѣмъ у русскихъ. Такого рода деревни не исчезли также и у вотяковъ, пермяковъ и черемисовъ [1]).

Въ этой чертѣ, какъ и въ отсутствіи правильности плана, слѣдуетъ видѣть характерную особенность финской деревни, въ настоящее время уже утрачиваемую нѣкоторыми племенами подъ вліяніемъ сосѣдей. Малочисленность дворовъ въ финскихъ деревняхъ объясняется также происхожденіемъ самихъ деревень, имѣвшихъ значеніе подворной, а не сельской общины. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и третья типичная черта поселеній, принадлежащихъ финскимъ народамъ, это—выходъ фасада дома не на улицу, какъ въ большинствѣ русскихъ деревень, а во дворъ. Тамъ, гдѣ каждый дворъ представляетъ самостоятельное хозяйственное цѣлое, гдѣ онъ мало или вовсе не объединенъ съ другими сосѣдними дворами общими *хозяйственными* интересами, мы въ правѣ ожидать, что жилыя постройки будутъ приноровлены къ потребностямъ узкой семейной жизни, что каждый дворъ будетъ представлять замкнутую

[1]) Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у финскихъ племенъ и встрѣчаются многолюдныя деревни, то это находитъ себѣ объясненіе или во вліяніи сосѣдей (какъ, напр., у архангельскихъ кореловъ, мордвы, черемисовъ и пр.) или въ особенностяхъ мѣстности, вынуждающей селиться большими деревнями. Такъ, напр., зырянскія деревни отличаются большими размѣрами и многолюдностью По словамъ К. А. Попова, въ Устьсысольскомъ уѣз. на каждую населенную мѣстность приходится въ среднемъ по 200 душъ; а село Карткеросское въ томъ же уѣздѣ, на р. Вышерѣ, состоитъ изъ 309 дворовъ, съ населеніемъ въ 2066 душъ, причемъ оно разбросано на 4 версты. „Столь значительная многолюдность зырянскихъ селеній, замѣчаетъ К. А. Поповъ, особенно поразительна въ виду совершенно противнаго явленія въ сосѣднихъ русскихъ частяхъ Вологодской губ., даже Ярапскаго уѣзда, гдѣ деревни вообще очень мелки. Мы не можемъ положительно объяснить причину такого контраста и лишь догадываемся, что зыряне жмутся въ большія кучи вслѣдствіе недостатка, въ ихъ болотистой почвѣ, удобныхъ усадебныхъ мѣстъ.“ (К. А. Поповъ, Зыряне и Зырянскій край., стр. 61).

саму въ себя единицу, располагающую свои отдѣльныя части такъ, какъ это оказывается наиболѣе удобнымъ для потребностей живущей во дворѣ семьи. Отсюда происходитъ замѣченная у всѣхъ финскихъ народностей, постройки которыхъ не ограничиваются только жилымъ помѣщеніемъ и небольшой кладовой,—черта строить свои дома такъ, что на улицу выходятъ лишь глухія бревенчатыя стѣны. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже сказывается сильно вліяніе сосѣдей, преимущественно русскихъ, этотъ обычай подвергается измѣненію, и въ корельскихъ деревняхъ, находящихся вблизи отъ русскихъ селеній, какъ и въ деревняхъ черемисовъ, мордвы и вотяковъ, встрѣчается все больше и больше избъ, фасады которыхъ выходятъ на улицу. Но и въ настоящее время среди финскихъ народностей восточной группы, въ значительной степени поддавшихся русскому вліянію, этотъ обычай не исчезъ. По словамъ Риттиха, у черемисовъ изба часто строится въ глубинѣ двора, а „вокругъ нея стоитъ множество амбаровъ, лачугъ, клѣтей для лѣтняго жилья и для храненія всевозможныхъ запасовъ“ [1]). Какъ особенность, характерную для вотяцкой деревни, г. Богаевскій отмѣчаетъ, что „въ любой вотяцкой деревнѣ можно встрѣтить много избъ, окна которыхъ выходятъ во дворъ, а на улицѣ сплошь да рядомъ видны лишь высокія бревенчатыя стѣны избы или клѣти. Нерѣдко, когда на улицу выходитъ клѣть, то, такъ какъ окна чаще вырубаются лишь въ избѣ, они выходятъ далеко вглубь дворовъ, которыхъ въ мало мальски зажиточномъ хозяйствѣ всегда бываетъ два“ [2]). Въ мордовскихъ деревняхъ, по словамъ г. Гейкеля (стр. 28), несмотря на значительное русское вліяніе, сказывающееся въ ихъ устройствѣ, встрѣчаются еще дома, обращенные къ улицѣ боковымъ фасадомъ, а для болѣе древняго времени онъ считаетъ выходъ глухой стѣны на улицу обычаемъ широкораспространеннымъ. У пермяковъ, несмотря на то, что они въ значительной степени подверглись русскому вліянію, дома до настоящаго времени выходятъ на улицу чаще всего не фасадомъ, а профилемъ [3]). Постройки эстонской деревни разбросаны, пишетъ А. Д. Солодовниковъ [4]), фасады и окна ихъ выходятъ во дворъ,

---

[1]) Риттихъ: Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губ., стр. 133.

[2]) П. М. Богаевскій: Оч. быта сарапульскихъ вотяковъ. Сб. мат. по этногр., III., стр. 37.—[3]) Смирновъ: Пермяки, стр. 194.

[4]) А. Д. Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ въ его постепен. развитіи.

а заборы и глухія стѣны на улицу. Въ настоящее время эта черта является, какъ было нами уже указано, однимъ изъ отличій финскихъ деревень отъ русскихъ; но этотъ типъ постройки долженъ былъ существовать, вѣроятно, у многихъ народовъ въ періодѣ господства подворной общины, когда и интересы общины, и, быть можетъ, также стремленіе къ безопасности заставляли ее замыкаться отъ внѣшняго міра. Въ настоящее время деревни казанскихъ татаръ, по словамъ Риттиха, строятся по этому же типу [1]); мы встрѣчаемъ этотъ обычай у сартовъ и во многихъ мѣстахъ у сѣверно-кавказскихъ горцевъ, и, наконецъ, даже русскіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слѣдовали этому способу постройки: такъ, напр., въ Харьковской г., Старобѣльскомъ у., русскіе поселенцы строили въ недавнее еще время избы такъ, что на улицу выходила только глухая стѣна [2]). Этотъ обычай сохранился до настоящаго времени среди великоруссовъ въ Курской губ., а среди малороссовъ онъ является даже господствующимъ.

Въ настоящее время во дворѣ представителя финскаго племени находится почти все, что нужно при его потребностяхъ. Во дворѣ у вотяка, кромѣ обширной избы и клѣти, встрѣчается и большой амбаръ, который тянется черезъ весь длинный дворъ (въ этомъ амбарѣ часто семья проводитъ жаркое лѣтнее время), изба, въ которой имѣютъ свое мѣстопребываніе женатые члены семьи, иногда еще нѣсколько клѣтей, наконецъ, на дворѣ же стоитъ и *куа*—моленный шалашъ, въ которомъ приносятся жертвы духу-покровителю семьи. Только бани и шалаши, въ которыхъ происходитъ варка кумышки, стоятъ, въ виду соображеній объ удобствахъ, поодаль, на берегу рѣки [3]). Г. Гейкель (стр. 69) даетъ слѣдующее описаніе черемисскаго двора, въ устройствѣ котораго, по его словамъ, мало замѣтно русское вліяніе (рис. 14): въ немъ какъ жилое помѣщеніе, такъ и хозяйственныя постройки стоятъ обособленно; ворота (a) выходятъ на улицу; противъ нихъ помѣщается изба (рис. 14, 15, 16 и 17); около нихъ (рис. 14, b) находится коровникъ сосѣдняго дома; отдѣльно стоитъ на дворѣ *куда* (d), клѣть (e) и погребъ (f) съ конусообразной крышей, и коровникъ (g). Въ усадьбѣ эстонца на дворѣ, кромѣ жилого помѣщенія, стоятъ

---

1) Риттихъ: o. cit., стр. 16.—2) Вѣстникъ И. Р. Г. О. XIV. 1855, стр. 194.
3) П. М. Богаевскій, o. c. стр. 38.

обыкновенно на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга для безопасности на случай пожара слѣдующія хозяйственныя постройки: 1) амбаръ (*айтъ*), 2) сарай для телѣгъ (*вахео-нэ*) и 3) хлѣвъ (*лаутъ*); часто эти три зданія соединяются въ одно и образуютъ такимъ образомъ длинное помѣщеніе (въ которомъ всѣ три части отдѣлены), сажень 6 длины и до 2-хъ саж. ширины; далѣе на дворѣ помѣщаются еще 4) рига (*рехе*) и вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣнной сарай, соединенный иногда съ чуланами, гдѣ хранятся разныя запасныя сельскохозяйственныя орудія, 5) баня, 6) лѣтняя кухня и наконецъ, 7) погребъ [1]). Дворъ таваста представляетъ также, какъ и дворы упомянутыхъ выше народностей, кучу построекъ, необходимыхъ тавасту. Гейкель (стр. 287 — 289) представляетъ нѣсколько плановъ тавастскихъ дворовъ, на которыхъ размѣщается слишкомъ 20 построекъ разнаго рода: мы находимъ здѣсь отдѣльно помѣщеніе для лошадей, коровъ и овецъ, нѣсколько сараевъ, чуланы, баню, коту, колодезь и т. д.

При сравнительной изолированности жизни финской семьи, при расположеніи внутри двора всѣхъ необходимыхъ хозяйственныхъ построекъ, естественно, что обычай строить дома фасадами во дворъ долженъ былъ сохраниться еще долго послѣ того, какъ подворная община замѣнилась сельской и соображенія самозащиты потеряли свое значеніе: даже въ настоящее время, когда финны въ устройствѣ своихъ домовъ сильно поддались вліянію сосѣдей, когда подъ вліяніемъ послѣднихъ жилища ихъ расширились и довольно значительно уклонились отъ первоначальнаго типа, обычай строить дома фасадами во дворъ держится, пожалуй, наиболѣе крѣпко. Восточная группа финновъ, въ особенности черемисы и мордва, переходятъ теперь, какъ это было указано выше, къ русскому способу постройки избы фасадомъ на улицу; но вслѣдствіе отчасти народнаго консерватизма, отчасти хозяйственныхъ соображеній, въ планѣ ихъ домовъ сохраняются старинныя черты. „Что особенно бросается въ глаза посѣтителю, пишетъ г. Гейкель (стран. 28 и слѣд.), при входѣ его въ мордовскую деревню—это неудобное положеніе окна на фасадѣ дома, выходящаго на улицу: окно помѣщается довольно страннымъ образомъ, обыкновенно ближе къ углу зданія, а не въ серединѣ стѣны.

---

[1]) Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

(рис. 18). Это странное положеніе окна, совершенно основательно объясняется г. Гейкелемъ расположеніемъ комнаты, которая продолжаетъ, несмотря на нововведеніе, сохранять старинныя типичныя черты. Если мы представимъ себѣ, пишетъ онъ, что именно часть комнаты, обращенная къ улицѣ, представляетъ заднюю часть ея, то печка, согласно обычаю мордвы строить ее въ задней сторонѣ комнаты, должна помѣщаться въ одномъ изъ угловъ, обращенныхъ къ улицѣ, какъ это въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто въ изображенной нами избѣ. Слѣдствіемъ того, что печка находится въ одномъ изъ угловъ, обращенныхъ къ улицѣ, будетъ то, что при прорубаніи окна, послѣднее должно прійтись ближе къ другому углу. Этотъ-же обычай, имѣющій одинаковое какъ у мордвы происхожденіе, отмѣченъ г. Гейкелемъ и у черемисовъ, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ ихъ жительства.

Способъ устройства двора, который мы въ настоящее время встрѣчаемъ у большинства финскихъ племенъ, является результатомъ постепеннаго развитія ихъ культуры. По мѣрѣ того, какъ шелъ ростъ внутренней и внѣшней культуры племени, усиливались и разнообразились экономическія и другія потребности, расширялся и дворъ финна. Въ настоящее время еще у нѣкоторыхъ народностей финскихъ, отставшихъ отъ своихъ соплеменниковъ въ культурѣ, двора, въ тѣсномъ значеніи этого слова, не существуетъ: для хозяйственныхъ потребностей выстраивается недалеко отъ жилого помѣщенія только одна кладовая; при отсутствіи земледѣлія и при добываніи себѣ средствъ къ существованію преимущественно охотой, эта кладовая вполнѣ удовлетворяетъ несложнымъ потребностямъ финна-охотника или рыболова. Типъ этихъ кладовыхъ указанъ нами выше при описаніи охотничьихъ избъ-банъ (*пывзянъ*) у зырянъ. Совершенно аналогично устраиваются кладовыя у лопарей. У остяковъ, пишетъ Н. Л. Гондатти, около дома всегда находится одинъ или два небольшихъ сарайчика на высокихъ (до сажени) ножкахъ, въ которыхъ хранятся всѣ запасы и все богатство ихъ. Иногда на эти ножки набиваются кружки, или, напротивъ, въ нихъ дѣлаются выемки, чтобы затруднить движеніе всякаго звѣря, стремящагося въ амбаръ [1]. Наконецъ, такіе же амбары на столбахъ

---

[1]) Н. Л. Гондатти. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Сѣверо-Зап. Сибирь, стр. 127, 128.

(сажени 2—3 вышиной) встрѣчаются, по словамъ г. Сорокина, и у вогуловъ [1]). Алквистъ, характеризуя древнѣйшее жилище западныхъ финновъ, отмѣчаетъ, что амбары на столбахъ были общеизвѣстны у нихъ. Они носили названіе *aitta* [2]), которое теперь употребляется въ восточныхъ частяхъ Финляндіи и у эстовъ, но означаетъ уже амбаръ въ его современной развитой формѣ.

Что дворъ финна, прежде чѣмъ достигнуть той степени развитія, которое мы видимъ наиболѣе рѣзко на примѣрѣ двора богатаго таваста, долженъ былъ пройти много промежуточныхъ ступеней отъ того зародыша будущей группы хозяйственныхъ построекъ, какой мы видимъ у лопарей, остяковъ и вогуловъ въ болѣе глухихъ мѣстахъ, явствуетъ изъ простого сравненія богатаго и бѣднаго дворовъ, хотя-бы въ средѣ одного и того же финскаго племени. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ у вотяковъ, дворъ которыхъ въ настоящее время является застроеннымъ большимъ количествомъ разнообразныхъ хозяйственныхъ службъ, еще недавно, сравнительно, по словамъ Бехтерева, не было погребовъ, амбаровъ, конюшенъ и хлѣвовъ [3]).

У г. Инфантьева мы находимъ любопытное описаніе двора у вогуловъ, причемъ на приведенномъ авторомъ примѣрѣ является возможнымъ прослѣдить постепенное развитіе этого двора. Поселокъ населенъ членами одной семьи, причемъ каждый глава, отъ прадѣда до настоящаго, выстраивалъ свою юрту. Прадѣдовская юрта, пишетъ г. Инфантьевъ, состоитъ всего изъ одной, довольно обширной комнаты, безъ сѣней, съ окнами, перегороженными деревянными рѣшетками, между которыми прежде, по всей вѣроятности, вставлялись или куски льда, или натягивалась брюшина вмѣсто стеколъ. Въ одномъ изъ угловъ этой юрты—*чувалъ* (очагъ), теперь уже почти совершенно развалившійся. Рядомъ съ нимъ вмазанъ чугунный котелъ, служившій для варки пищи. Потолка нѣтъ, его замѣняетъ крыша. Какъ эта, такъ и другая дѣдовская юрта теперь совершенно необитаемы и служатъ складомъ для рыболовныхъ снастей и охотничьихъ снарядовъ современнаго главы семьи. Вторая юрта уже значительно отличается отъ первой. Она состоитъ изъ двухъ отдѣленій: одно изъ нихъ предназначалось для

[1]) Путешествіе къ вогуламъ. Тр. Общ. Естествоисп. при Казанск. унив. III, 4.

[2]) Ahlquist. Die Kulturwörter, стр. 103.—[3]) Бехтеревъ. Вотяки, стр. 635.

помѣщенія семьи, другое служило и кухней, и сѣнями. Въ первомъ отдѣленіи—чувалъ, нары, во второмъ—котелъ для варки пищи. Окна такія-же, какъ въ первой юртѣ, но уже есть потолокъ. Третья юрта, въ которой въ настоящее время живетъ самъ хозяинъ съ семьей, также во многомъ отличается отъ двухъ предыдущихъ: при ней есть просторныя, крытыя сѣни; внутренность ея раздѣлена на двѣ половины—мужскую и женскую. Чувалъ замѣненъ печью, почти совершено подобной русской. Окна въ юртѣ стеклянныя, вмѣсто наръ—кровати. Котелъ для варки мяса и рыбы находится уже въ другой отдѣльной избушкѣ, какъ у большинства зажиточныхъ вогуловъ. Наконецъ, послѣдняя юрта, еще совершенно новая, уже вполнѣ напоминаетъ русскую пятистѣнную избу. Всѣ эти зданія стоятъ кучкой, другъ подлѣ друга. Тутъ-же, недалеко отъ нихъ, находится старая избушка, прежде предназначавшаяся для рожениць и менструирующихъ женщинъ, въ которой послѣднія подвергались обряду очищенія. Въ настоящее время этотъ обычай вывелся, а избушка осталась какъ памятникъ стараго времени. Нѣсколько поодаль отъ этихъ главныхъ построекъ находятся другъ противъ друга четыре амбара, построенные на сваяхъ; наконецъ, еще сарай, съ крытымъ вверху сѣноваломъ [1]). Типъ болѣе богатаго остяцкаго двора описанъ г. Паткановымъ, видѣвшимъ остяковъ по р. Демьянкѣ. И здѣсь деревни крайне незначительны по числу дворовъ. Около домовъ находятся кое-какія службы: амбарчики и завозни на столбикахъ съ выемками; нѣсколько дальше—скотные дворы, „которые состоятъ изъ небольшого моста, обнесеннаго оградой, гдѣ имѣется 1—2 стойки для коровъ и для молодого скота, а то и просто навѣсъ". Лошади обыкновенно проводятъ зиму подъ навѣсомъ. Бани встрѣчаются, но рѣдко [2]).

Въ описанныхъ типахъ дворовъ мы имѣемъ рядъ звеньевъ въ развитіи двора финна, прежде чѣмъ его культурный и экономическій уровень позволитъ ему застроить свой дворъ всѣми возможными хозяйственными постройками, какъ это мы видимъ у богатаго финляндца.

---

[1]) П. Инфантьевъ: За уральскимъ бобромъ. „Вѣстн. Европы". 1894. VI, стр. 556, 557.

[2]) С. Паткановъ: По Демьянкѣ. Запис. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVI, вып. 2 и 3, стр. 24.

II.

Развитіе сруба. Современное жилище остяковъ, пермяковъ, зырянъ, вотяковъ, горныхъ и луговыхъ черемисовъ, мордвы, мокши и ерзи, русскихъ и финляндскихъ кореловъ, саволаксовъ, тавастовъ, эстовъ и ливовъ. **Развитіе очага. Вліяніе сосѣдей** на развитіе финскаго жилища (тюрковъ, русскихъ, латышей и германскихъ народностей). Утрата финнами типичныхъ чертъ въ устройствѣ жилища.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что во дворѣ у финна, достигшаго земледѣльческаго быта, можно встрѣтить сохранившіеся въ качествѣ переживанія и потерявшіе въ настоящее время свое первоначальное значеніе древніе типы построекъ.

Переходя къ болѣе совершеннымъ типамъ жилища, финнъ приспособлялъ болѣе древнюю форму къ новымъ потребностямъ, но не забрасывалъ ее окончательно: вотъ почему часто на одномъ и томъ же дворѣ является возможнымъ прослѣдить исторію финскаго жилища отъ шалаша и до курной избы—перта; на одномъ дворѣ стоятъ рядомъ и шалашъ (кота), и землянка (рига) и первобытный срубъ, обращенный въ настоящее время въ баню. Достигнувъ въ своемъ развитіи умѣнья строить прочное и болѣе удобное жилище, финнъ сталъ его увеличивать и улучшать какъ снаружи, такъ и внутри; такъ какъ въ теченіе долгаго періода, протекшаго отъ эпохи господства первобытнаго сруба до появленія современныхъ формъ жилища, финское племя не переставало подвергаться вліянію своихъ разнообразныхъ сосѣдей, то естественно, что въ настоящее время мы встрѣчаемъ разнообразіе во внѣшнемъ и во внутреннемъ устройствѣ домовъ у разныхъ финскихъ народностей и даже различія въ предѣлахъ одной и той-же народности. Но, несмотря на кажущееся разнообразіе, всѣмъ финскимъ современнымъ жилищамъ, однако, присуща общая черта, именно, что развитіе ихъ шло частью путемъ внутренняго раздѣленія помѣщенія, частью путемъ

пристроекъ къ основному срубу (ӧерту, тупѣ и пр.) новыхъ помѣщеній.

Жилище остяковъ представляетъ, пожалуй, одинъ изъ наиболѣе простыхъ типовъ этого рода: г. Паткановъ, въ описаніи своей поѣздки по р. Демьянкѣ, слѣдующимъ образомъ описываетъ остяцкую избу, уже значительно уклонившуюся отъ первобытнаго сруба: деревеньки остяковъ указанной мѣстности состоятъ изъ небольшихъ, чистенькихъ домиковъ,—почти всѣ въ одну комнату. По своему внутреннему устройству эти жилища не представляютъ никакого отличія отъ таковыхъ-же избъ по Иртышу, развѣ только они меньше; каждая изба дѣлится перегородкой на 2 части, изъ которыхъ передняя—чистая половина, вторая, заключающая огромную русскую печь, играетъ роль кухни. Уголъ противъ двери занятъ образами, другой—широкою деревянною кроватью съ пологомъ. Всѣ свободныя мѣста около стѣнъ заняты широкими лавками; устроены также и полати [1]). Здѣсь дальнѣйшее развитіе сруба происходитъ путемъ внутренняго раздѣленія помѣщенія на части—черта, которую мы встрѣтимъ и у черемисовъ. Но этотъ типъ жилища не является исключительнымъ: г. Паткановъ отмѣчаетъ, что къ этой комнатѣ пристраивается другая, при чемъ обѣ комнаты раздѣлены сѣнями; жизнь семьи сосредоточивается въ одной комнатѣ; другая служитъ зимой лишь кладовой.

Всмотрѣвшись въ пермяцкій домъ,—пишетъ И. Н. Смирновъ [2]), у котораго выписываемъ свѣдѣнія о жилищѣ пермяковъ,—мы замѣчаемъ, что онъ состоитъ изъ трехъ совершенно обособленныхъ частей: избы, сѣней въ столбахъ и клѣти. Сѣни въ настоящее время представляютъ покрытый такъ-же, какъ и домъ, помостъ со стѣнами, забранными въ столбы. Передъ сѣнной дверью выступаютъ аршина на два изъ-подъ помоста сѣней два бревна на которыхъ устраивается внѣшній «мостъ» для крыльца. Такъ какъ у пермяковъ нѣтъ лѣстницъ общерусскаго типа (они ихъ не умѣютъ дѣлать, а вмѣсто русскихъ переносныхъ лѣстницъ пермяки употребляютъ дерево съ коротко обрубленными сучьями), то входъ на «мостъ» устраивается слѣдующимъ образомъ: подъ

---

[1]) С. Паткановъ: По Демьянкѣ, Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVI. в. 2 и 3., стр. 8.

[2]) Смирновъ: Пермяки, стр. 194 и слѣд.

«мостомъ» складывается безъ всякихъ скрѣпленій въ клѣтку нѣсколько толстыхъ плахъ такъ, чтобы два ряда плахъ шли вверхъ уступами; на эти уступы кладутся такія-же плахи—ступени. Сѣни соединяютъ избу съ клѣтью—чомомъ. Теперь, продолжаетъ г. Смирновъ, это въ большинствѣ случаевъ двухэтажное деревянное сооруженіе для храненія одежды и разнаго домашняго скарба (вверху) и хлѣбныхъ запасовъ (внизу). Названіе (чомъ), по совершенно основательному предположенію цитируемаго автора, доказываетъ, что клѣть или образовалась изъ прежняго жилья, или, по крайней мѣрѣ, строилась по его типу, и что, по аналогіи съ обычаемъ другихъ финскихъ народностей, она, вѣроятно, прежде ставилась особнякомъ отъ дома. Что касается крыши, то въ бассейнѣ Обвы, въ которомъ нѣкогда жили пермяки, на нижнемъ теченіи Иньвы до границъ Архангельской волости (въ волостяхъ Майкорской и Купросской), она обыкновенно четырехскатная. Но по среднему теченію Иньвы и по ея притокамъ преобладающимъ типомъ является двускатная крыша: она укрѣплена шеломомъ, конецъ котораго обработанъ въ видѣ конской головы съ чрезмѣрно поднятой грудью. Это — *охлупень*. «На обработку конька, пишетъ г. Смирновъ, пермякъ кладетъ всю свою изобрѣтательность. Одинъ придаетъ головѣ какой-то придатокъ въ видѣ рога, долженствующій замѣнять ухо, другой просверливаетъ глазъ, третій тщательно прорѣзываетъ ротъ. Мотивъ конька примѣняется не исключительно для шелома. Застрѣхи пермяцкихъ избъ поддерживаются рядомъ уключинъ, концы которыхъ также обработаны въ видѣ конской головы и, кромѣ того,—въ Чердынскомъ уѣздѣ—разрисованы ломанными линіями и точками при помощи дегтя. Откуда попалъ въ Пермскій край этотъ мотивъ—занесли-ли его русскіе съ сѣвера, или онъ навѣянъ «чудскими» вещами, среди которыхъ попадаются изображенія животныхъ съ такими же чудовищными пропорціями—рѣшить не беремся. Рядомъ съ этими декорированными избами встрѣчаются постройки, крыши которыхъ не покрыты шеломомъ, а сдерживаются, какъ крыши черемисскихъ кудъ, рамой изъ двухъ жердей, наложенныхъ на крышу поперекъ драницъ и скрѣпленныхъ по двумъ концамъ досками [1])». Печи въ избахъ въ настоящее время глинобитныя; помѣщаются онѣ различно: въ Глазов-

---

[1]) Ibid., стр. 193, 194.

скомъ у., въ старинныхъ пермяцкихъ избахъ, печь занимаетъ мѣсто въ одномъ изъ переднихъ угловъ, при чемъ печное отверстіе обращено къ двери. «Это положеніе будетъ для насъ вполнѣ понятнымъ», замѣчаетъ по этому поводу г. Смирновъ, «если мы припомнимъ, что избѣ предшествовала у пермяка землянка, у которой единственнымъ пропускающимъ свѣтъ отверстіемъ была дверь. Печь приходилось ставить въ той сторонѣ, которая была всего болѣе освѣщена,—обращать устьемъ туда, откуда единственно проникалъ въ землянку свѣтъ. По традиціи, это положеніе печь сохранила и въ надземныхъ, бревенчатыхъ постройкахъ. Въ новыхъ избахъ, съ нѣсколькими окнами по стѣнамъ, печь ставится въ одинъ изъ угловъ двери—у орловскихъ пермяковъ влѣво отъ входа, у глазовскихъ и соликамскихъ чаще вправо, чѣмъ влѣво». Въ большинствѣ избъ въ настоящее время имѣется уже деревянный полъ, но въ Глазовскомъ у., гдѣ вообще среди пермяцкаго населенія сохранилось больше старины, встрѣчаются еще избы съ землянымъ поломъ; тамъ-же избы строятся обыкновенно одноэтажныя, безъ подпольнаго помѣщенія, которое называется въ Перми «подъизбицей», иногда голбцемъ. У соликамскихъ и чердынскихъ пермяковъ, избы которыхъ почти всегда строятся съ подъизбицей, она служитъ складомъ для различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Иногда изъ такой постройки развивается двухэтажное жилье. Внутреннее убранство пермяцкой избы зависитъ отъ степени вліянія русскихъ въ данной мѣстности; во всякомъ случаѣ, обыкновенно вдоль стѣнъ избы идутъ лавки (л а в и ц ы, в а б и ч ь); но и теперь еще можно встрѣтить въ приспособленіяхъ для сидѣнья слѣды глубокой старины: часто обрубокъ дерева, пень, замѣняетъ собой стулъ; далѣе скамейка (джокъ), которая выдѣлывается слѣдующимъ образомъ: берется дерево, два—три корня котораго стелятся по землѣ; дерево выкорчевываютъ, отрубаютъ на-чисто всѣ корни, кромѣ двухъ горизонтальныхъ, у которыхъ обрубаютъ только тонкія части; стволъ обрубаютъ на разстояніи полутора-двухъ аршинъ отъ корней, обтесываютъ его и получаютъ нѣчто въ видѣ скамейки, на которой можно сидѣть, если дерево съ корнями-ножками положить концомъ на лавку или на такой-же обрубокъ дерева; наконецъ, т. наз. «ступка», которая устраивается такъ: изъ четырехъ нетолстыхъ березовыхъ полѣньевъ вытесываются четыре ножки; основанія и вершины ихъ укрѣпляются въ двухъ

крестообразныхъ черемуховыхъ или ивовыхъ вязахъ, а сверху къ нимъ приколачивается доска — сидѣнье. Кромѣ болѣе сложнаго стола - ящика, обшитаго со всѣхъ сторонъ досками, встрѣчается и столъ болѣе первобытной формы: это просто доска, прикрѣпленная къ двумъ парамъ скрещивающихся ножекъ [1]).

У зырянъ избы (керки), пишетъ К. А. Поповъ, отличаются массивностью и строятся всегда сосновыя, такъ какъ на домашнія надобности зыряне имѣютъ право безпошлинно рубить сколько угодно лѣсу. Крыша — двускатная. Къ лицевой сторонѣ керки пристраивается крыльцо, на столбахъ, иногда крытое, иногда нѣтъ. Крыльцо ведетъ въ сѣни, имѣющія около сажени ширины и какъ корридоръ раздѣляющія двѣ избы, изъ которыхъ каждая представляетъ особый срубъ. Со стороны крыльца онѣ забираются бревенчатою стѣною, а съ противоположной стороны онѣ часто бываютъ открыты. Одна изъ избъ, преимущественно та, которая находится налѣво отъ сѣней—курная и назначается для житья семейства. Передній уголъ ея образуютъ стѣны лицевая и смежная съ сѣнями. Печь, всегда битая изъ глины, лежанкой упирается въ противоположный уголъ, который освѣщается особымъ окномъ— падчеръ ошенъ. Разстояніе между потолкомъ и лежанкой такъ велико, что на послѣдней можно свободно сидѣть и работать. Прочія принадлежности избы тѣ-же, что и у русскихъ Вологодской губ.: тѣ-же лавки вокругъ стѣнъ, вытесанныя изъ цѣльныхъ бревенъ, и надъ ними полавки (полки); тѣ-же полати и голбецъ, и наконецъ тѣ-же три маленькія волоковыя окна, изъ которыхъ среднее прорубается повыше крайнихъ. Потолокъ настилается изъ цѣльныхъ бревенъ, а полъ—изъ бревенъ, расколотыхъ пополамъ. Другая изба (направо отъ сѣней) устраивается иначе: въ ней нѣтъ полатей, печь часто голландская, окна большія, лавки иногда замѣняются стульями. Заднюю половину дома занимаетъ повѣть, въ которой хранятся сѣно, солома, повозки, земледѣльческія орудія и т. п. На повѣти устраиваются особыя клѣти, для храненія посуды, платья и другого цѣннаго имущества. Сзади настилается бревенчатый взъѣздъ для подъема сѣна и т. п. Подъ повѣтью помѣщается скотъ. Амбары, бани и погреба строятся отдѣльно. Мы набросали, продолжаетъ К. А. Поповъ, общій или,

[1]) Ib., стр. 197—199.

точнѣе, господствующій типъ зырянскихъ построекъ. Само собой разумѣется, что встрѣчаются отступленія отъ него: какъ есть деревни, правильно расположенныя, точно также есть и дома городской постройки. Керки вообще не отличаются опрятностью: онѣ моются иногда только разъ въ годъ—передъ праздникомъ Пасхи. Мебель, кромѣ необходимой принадлежности передняго угла—обыкновеннаго стола, иногда крашеннаго, и скамеекъ, составляютъ: джекъ—толстый обрубокъ дерева и улэсъ—стулъ, выгнутый изъ черемуховыхъ прутьевъ съ досчатымъ сидѣньемъ [1].

У вотяковъ современныя жилища представляютъ нѣсколько типовъ, смотря по тому, подвергается ли данная мѣстность русскому или татарскому вліянію. По словамъ Бехтерева, какъ избы, такъ и другія постройки вотяковъ, строятся исключительно изъ рубленаго лѣса, что объясняется, вѣроятно, главнымъ образомъ обиліемъ лѣсовъ. Почти всѣ избы, пишетъ тотъ-же изслѣдователь, курныя, одноэтажныя, но онѣ выше избъ русскихъ; низенькія окна, числомъ не болѣе трехъ, обращены большею частью во дворъ. Одно изъ оконъ, обыкновенно косящатое, другія-же волоковыя, т. е. открываются посредствомъ выдвижной ставни. Только у зажиточныхъ вотяковъ изба дѣлится сѣнями на двѣ половины: лѣтнюю—бѣлую и зимнюю—черную. Дверь, ведущая изъ сѣней въ черную избу, всегда отворяется внутрь, въ отличіе отъ русскихъ; у дверей налѣво битая изъ глины печь, которая служитъ только для печенія хлѣба, отчего и зимой она топится не каждый день; все остальное вотякъ предпочитаетъ варить надъ огнемъ, вслѣдствіе чего на шесткѣ у печи устраивается особый горнъ (учоггъ) съ чугуннымъ котелкомъ, повѣшеннымъ на деревянномъ крюкѣ. Въ одномъ углу у некрещеныхъ вотяковъ стоитъ обыкновенно лубяной коробъ, въ которомъ хранятся ложки; чашки, ножи, употребляемые для стола при жертвоприношеніяхъ. Вдоль стѣнъ идутъ нары, на которыя набросаны грязные войлоки, подушки, перины и пр. Въ нарахъ хранятся дорогіе женскіе уборы и одежда. Полатей и полокъ, какъ у русскихъ, въ избѣ вотяковъ никогда не бываетъ; на всю избу поставленъ одинъ стулъ для отца семейства; въ переднемъ углу стоитъ столъ. Избы вотяковъ почти никогда не моются, зимою въ избу загоняютъ на ночь всѣхъ домашнихъ жи-

---

[1]) К. А. Поповъ: Зыряне и зырянскій край, стр. 66, 62.

вотныхъ: коровъ, овецъ, козъ, гусей, утокъ, куръ, и проч.; здѣсь вмѣстѣ съ скотомъ, вотяки спятъ на полу въ повалку, безъ различія пола и возраста [1]).

И. Н. Смирновъ въ своемъ описаніи вотяцкой избы въ значительной мѣрѣ разнится отъ только что приведеннаго; въ описаніи г. Смирнова, мы имѣемъ избу вотяка, подвергшагося вліянію сосѣдей-башкиръ, причемъ это вліяніе настолько сильно, что при сравненіи въ Бирскомъ уѣздѣ избъ обѣихъ народностей автору не пришлось отмѣтить въ вотяцкой избѣ «ни одной характерной черты»: она оказалась точной копіей избы башкирской. Г. Смирновъ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: «это низенькая постройка, разгороженная сѣнями на двѣ половины: лѣтнюю, холодную (фасомъ на дворъ) и зимнюю, теплую (фасомъ на улицу); первая является парадной, и такъ какъ въ ней живутъ меньше, то она чище зимней. Въ лѣтней избѣ у стѣны, противъ входа, широкія чистыя нары; окна косящатыя; на нарахъ—сундукъ съ разнымъ домашнимъ скарбомъ. Въ внутреннемъ убранствѣ избъ сказывается татарское вліяніе, даже въ выборѣ цвѣтовъ для постановки на окна—это преимущественно бальзамины и базилики, любимые татарами цвѣты. Тамъ, гдѣ сосѣдями вотяковъ являются русскіе, убранство избъ приближается къ обычному русскому» [2]).

Несмотря на то, что въ планѣ описанной вотяцкой избы г. Смирновъ видитъ заимствованіе, сдѣланное вотяками у ихъ тюркскихъ сосѣдей, намъ кажется, что въ данномъ случаѣ сходство плановъ въ жилищахъ обоихъ народовъ не можетъ еще служить доказательствомъ заимствованія. Мы, правда, увидимъ ниже, что въ названіяхъ отдѣльныхъ частей вотяцкой избы встрѣчается много тюркскихъ словъ, свидѣтельствующихъ, что тюркскія племена не остались безъ вліянія на вотяковъ, но въ развитіи плана жилища, намъ кажется, дѣйствовали тѣ-же причины, которыя привели къ появленію аналогичныхъ плановъ въ жилищахъ и у другихъ финскихъ народностей, именно, пристройка новыхъ зданій къ основному пëрто-образному жилищу, вслѣдствіе чего должно было появиться и сходство въ планѣ.

Нѣсколько отличнымъ отъ описанныхъ типовъ является вотяц-

---

1) Бехтеревъ: Вотяки, стр. 635. 636.

2) Смирновъ: Вотяки, стр. 90.

кое жилище въ Сарапульскомъ у. Вотяцкая изба, пишетъ П. М. Богаевскій, строится постоянно рядомъ съ клѣтью и отдѣляется отъ послѣдней лишь небольшими сѣнями. Довольно высокая внутренняя лѣстница ведетъ въ сѣни, изъ которыхъ съ одной стороны входъ въ избу, а съ другой въ клѣть. Въ избѣ кругомъ стѣны идетъ лавка, заканчивающаяся большими нарами, въ которыхъ хранится наиболѣе цѣнное имущество. Противъ нарь, а иногда сейчасъ-же около двери, лѣсенка ведетъ на полати, расположенныя надъ чисто выбѣленною печкою, которая у зажиточныхъ вотяковъ бѣлится нѣсколько разъ въ годъ. Устройство печки разнится отъ такового-же въ русскихъ избахъ: она устроена такимъ образомъ, что въ нее можно вѣшать котелокъ. Отъ полатей около печки черезъ всю избу проходитъ бревно, которое упирается въ противоположную стѣну. Устройство клѣтей въ зажиточныхъ избахъ такое-же, какъ и въ самой избѣ, причемъ, конечно, въ клѣти не ставится печки. Въ бѣдныхъ избахъ въ клѣтяхъ нѣтъ нарь, и одежда, которая обыкновенно хранится въ нихъ, развѣшивается на перекладинахъ, проходящихъ подъ крышею [1]). Черты болѣе глубокой старины сохранились въ описываемыхъ г. Смирновымъ вотяцкихъ клѣтяхъ; подражая сосѣдямъ въ устройствѣ избы, замѣчаетъ цитуемый авторъ, вотякъ вполнѣ самостоятеленъ въ устройствѣ клѣти (кеносъ); вотяцкій кеносъ имѣетъ болѣе разнообразное назначеніе, чѣмъ русская клѣть: это не только кладовая, но и лѣтнее помѣщеніе и, кажется, преимущественно женское. Каждая брачная пара имѣетъ въ кеносѣ особое отдѣленіе, гдѣ хранитъ свое имущество. Здѣсь-же стоитъ закрытая холщевой занавѣской или пологомъ грубая кровать. Въ кеносѣ женщина спитъ, работаетъ и одѣвается. Въ большихъ семьяхъ, гдѣ живутъ вмѣстѣ 4—6 женатыхъ братьевъ, кеносовъ бываетъ на одномъ дворѣ 2—3 и болѣе. Въ кеносахъ, раздѣленныхъ на нѣсколько отдѣленій, каждое изъ нихъ освѣщается небольшимъ волоковымъ или косящатымъ окномъ. Эти окна въ выходящихъ на улицу отдѣленіяхъ кеноса, продолжаетъ г. Смирновъ, придаютъ, между прочимъ, вотяцкой деревнѣ своеобразную физіономію: окна продѣланы не въ серединѣ выходящей на улицу стѣны кеноса, а ближе къ одному

---

[1]) П. М. Богаевскій: Очеркъ быта сарапульскихъ вотяковъ, стр. 52, 53.

изъ угловъ [1]). Такое положеніе окна, относительно угловъ выходящей на улицу стѣны, мы указывали, со словъ г. Гейкеля, какъ часто встрѣчающееся у мордвы и у черемисовъ; мы видѣли, какое объясненіе г. Гейкель даетъ этому странному на первый взглядъ обычаю. Относительно происхожденія этого-же обычая у вотяковъ мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ: въ вотяцкихъ клѣтяхъ печей не встрѣчается; но зная, что въ устройствѣ современныхъ клѣтей у вотяковъ сохранилось много чертъ, свидѣтельствующихъ, что первоначально онѣ служили жилищемъ или, по крайней мѣрѣ, что современныя клѣти устраивались по образцу жилищъ, можно высказать предположеніе, что устройство окна ближе къ одному изъ угловъ стѣны, вынуждавшееся въ прежнее время, когда въ клѣтяхъ ставились еще печи, положеніемъ послѣдней, сохранилось въ качествѣ переживанія и послѣ того, какъ клѣти, утративъ свое первоначальное значеніе, стали строиться безъ печей.

Жилище черемисовъ подробно описано г. Гейкелемъ (стр. 62—69); онъ отличаетъ два, впрочемъ очень схожихъ между собой, типа: жилище горныхъ черемисовъ и луговыхъ. У горныхъ черемисовъ часто встрѣчается положеніе окна ближе къ одному изъ угловъ лицевой стороны пёрта. По близости отъ другого угла устраивается небольшое волоковое окно, положеніе котораго около стекольчатаго окна, однако, ясно указываетъ, что оно слишкомъ низко, чтобы служить отверстіемъ для выхода дыма. Полъ въ черемисскомъ пёртѣ лежитъ очень высоко, такъ какъ подъ нимъ находится еще помѣщеніе, служащее погребомъ и зимнимъ помѣщеніемъ для мелкаго скота. При входѣ изъ сѣней, черезъ дверь, находящуюся на узкой сторонѣ дома, прежде всего бросается въ глаза печь (катака̀), находящаяся въ лѣвомъ углу отъ дверей; печное отверстіе обращено къ лицевой сторонѣ дома, на которой находится волоковое окно. По стѣнамъ идутъ лавки, изъ которыхъ та, которая идетъ отъ дверей къ углу, дѣлается наиболѣе широкой; полъ деревянный и поддерживается тремя балками. Потолокъ поддерживается балкой, идущей отъ одной стѣны къ другой; на него насыпаютъ обыкновенно сухіе листья; иногда потолокъ сперва покрываютъ известью, а затѣмъ насыпаютъ на него землю. Печь ставится иногда непосредственно въ углу, такъ что

---

[1]) И. Н. Смирновъ: Вотяки, стр. 91.

упирается въ стѣны, но чаще встрѣчается, что она находится на извѣстномъ разстояніи отъ стѣнъ, настолько, что въ остающемся свободно пространствѣ можно проходить.

Пёртъ луговыхъ черемисовъ не представляетъ существенныхъ отличій отъ горно-черемисскаго типа: онъ только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ проще предыдущаго. Печь устраивается обычнымъ у приволжскихъ народностей способомъ; передъ печнымъ отверстіемъ устраивается очагъ, надъ которымъ на крючкѣ виситъ котелъ, который, впрочемъ, мѣстами вмазываютъ въ печку. Такіе пёрты, пишетъ г. Гейкель, строятся курными. Въ настоящее время печь снабжается обыкновенно трубой, слѣдствіемъ чего было исчезновеніе находящагося на передней сторонѣ печи котла. Луговые черемисы такъ-же, какъ и горные, оставляютъ между печью и стѣнами свободное пространство въ $1^1/_2$—2 арш. шириной; по краямъ печи часто ставятъ 4 столба (см. рис. 19). Узкое пространство отъ передней стороны печки къ стѣнѣ перегорожено и соединяется съ комнатой посредствомъ двери *b*; пространство за печкой называется чуланомъ; въ немъ находится люкъ *a*, изъ котораго лѣстница ведетъ въ нижнее помѣщеніе, хотя въ него можно проникнуть и снаружи. Другая лѣстница *c* ведетъ наверхъ, на печку, съ которой легко взойти на полати. Двѣ жерди *d* и *e* идутъ отъ печки. У горныхъ черемисъ часто встрѣчается перегородка, отдѣляющая чуланъ,—мѣсто передъ отверстіемъ печи до противоположной стѣны. У луговыхъ черемисъ перегородку обыкновенно замѣняетъ жердь *e*, но мѣсто, отдѣленное ею, носитъ названіе кухни, а подъ именемъ чулана разумѣютъ холодное помѣщеніе въ сѣняхъ. Отъ жерди *e*, которая носитъ названіе чуланъ-кашта, идутъ къ стѣнѣ двѣ жерди (*f*) — пу-кашта и доска (*g*), на которую ставятъ испеченный хлѣбъ. Большая доска (*h*) и небольшая (*i*) служатъ для хозяйственныхъ потребностей и находятся на одной высотѣ съ *e*, *f* и *h*. Доска *i* носитъ названіе čulan wal—поверхность чулана, хотя чулана, собственно, въ комнатѣ и не существуетъ. Вдоль стѣнъ идутъ лавки, при чемъ одна изъ нихъ, отъ двери къ углу, дѣлается болѣе широкой, чѣмъ остальныя. Иногда вмѣсто лавокъ устраиваются нары. Столъ обыкновенно досчатый съ ящикомъ.

Въ этихъ типахъ построекъ горныхъ и луговыхъ черемисъ мы можемъ наблюдать дальнѣйшее развитіе первоначальнаго сруба—

пёрта, путемъ внутренняго раздѣленія помѣщенія, какъ это мы видѣли выше у остяковъ. Крупное различіе между горно-и луговымъ черемисскимъ типами заключается въ томъ, что въ первомъ дѣленіе помѣщенія на комнату и чуланъ-кухню совершается въ дѣйствительности посредствомъ перегородки, тогда какъ у луговыхъ черемисъ это отдѣленіе фиктивное: перегородки не существуетъ; ее замѣняетъ лишь положенная жердь. Къ этому болѣе простому типу жилища весьма часто пристраивается еще другое. Г. Гейкель (стр. 72) описываетъ этотъ видъ избы: сѣни раздѣляютъ избу на двѣ части; лѣстница, прикрытая крышей на столбахъ, ведетъ въ сѣни; направо и налѣво отъ входа устроены двери, которыя ведутъ въ комнаты; изъ нихъ одна выходитъ фасадомъ на улицу, другая во дворъ. Въ этомъ типѣ мы уже видимъ дѣленіе избы на черную и бѣлую; черная—пёртъ. Въ бѣлой избѣ, по словамъ г. Смирнова [1]), обыкновенно устраивается кирпичная печь съ трубой, русскія окна, рѣзные и расписные наличники, надъ окнами и поверхъ оконъ рѣзной поясъ вокругъ всего дома. На шеломѣ прикрѣпляется довольно часто коряга, представляющая грубое изображеніе птицы. Размѣры избы и количество комнатъ зависятъ отъ матеріальнаго благосостоянія хозяина.

Въ общемъ черемисское жилище тамъ, гдѣ срубъ подвергается внутреннему раздѣленію, сохраняетъ въ своемъ устройствѣ много первобытныхъ чертъ и стоитъ близко къ бобыльской избѣ эстовъ; если мы отвели ему мѣсто въ ряду болѣе культурныхъ построекъ, то сдѣлали это въ виду того, что какъ своими размѣрами, такъ и отдѣленіемъ внутри его особой комнаты (чулана, кухни) онъ въ значительной степени уклонился отъ первобытнаго типа: лѣстница ведущая въ сѣни, устройство подвальнаго этажа и пр. налагаютъ на современный черемисскій пёртъ черты, приближающія его скорѣе къ избѣ, чѣмъ къ примитивному срубу, который послужилъ ему основаніемъ. Интересно также отмѣтить, что въ настоящее время, устраивая себѣ дома, раздѣленные сѣнями на два главныхъ помѣщенія, черемисы часто сохраняютъ на дворѣ пёртъ въ одну комнату. Г. Гейкель, напр., видѣлъ у уфимскихъ черемисъ дворъ, въ которомъ рядомъ съ болѣе новымъ домомъ съ двумя жилыми

---

[1]) Черемисы, стр. 73.

помѣщеніями по обѣ стороны сѣней сохранялся еще болѣе простой, однострубный пёртъ.

Жилище мордвы представляетъ тѣ-же черты въ планѣ, которыя мы наблюдали у другихъ восточныхъ финновъ. Г. Гейкель, дающій подробное описаніе мордовскихъ избъ (стр. 26—59) отличаетъ мордовско-мокшанскій типъ отъ мордовско-ерзянскаго; послѣдній, по мнѣнію его, отличается отъ перваго тѣмъ, что въ ерзянскомъ типѣ значительно больше сказывается вліяніе русскихъ: ерзя позабыла старыя формы жилища. Подобнаго рода основаніе дѣленія жилища на типы естественно можетъ считаться лишь крайне шаткимъ, и ужъ одно это дало-бы право соединить оба типа въ одинъ съ указаніемъ, въ чемъ слѣдуетъ видѣть болѣе и въ чемъ менѣе древнія черты устройства жилья. Кромѣ того, И. Н. Смирновъ отмѣчаетъ, что имѣющіеся въ его распоряженіи планы старыхъ мордовско-ерзянскихъ избъ, доставленные ему г. Лукинымъ, позволяютъ утверждать, что старыя ерзянскія избы имѣли то-же внутреннее устройство, какъ и мокшанскія [1]). Рис. 20 изображаетъ мокшанскую избу, а рис. 21—ерзянскую—обѣ изъ Тамбовской губ. Мы видимъ (на рис. 20) здѣсь сѣни (*C*), раздѣляющія избу на двѣ половины; изъ сѣней двери *4* и *5* ведутъ въ жилыя помѣщенія; дверь *2* ведетъ на крытое крыльцо, на которомъ (*1*) разставлены скамейки и поставленъ столъ (*2*); съ крыльца нѣсколько широкихъ ступеней ведутъ въ свободное пространство, соединяющее улицу, на которую выходитъ комната *B*, съ садомъ, по лѣвую сторону лѣстницы. Дверь *3* ведетъ во дворъ. Изъ двухъ раздѣленныхъ сѣнями комнатъ *A*—представляется болѣе древней; это kud; она выходитъ окнами во дворъ; *B*—пристроенная русская изба и выходитъ окнами на улицу. При входѣ въ kud бросается прежде всего въ глаза печь (1) съ трубой; печное отверстіе направлено въ сторону, къ окнамъ; печь дѣлается изъ глины и ставится на бревна. Въ случаѣ если кудъ низокъ, печь ставится непосредственно на землю, какъ въ баняхъ. На передній край печи кладутся въ незначительномъ числѣ кирпичи, но на этомъ очагѣ въ настоящее время не разводятъ больше огня, такъ какъ обыкновенно пища готовится въ

[1]) Смирновъ: Мордва—въ Изв. О. А. И. и Этногр. при И. Каз. У. XI, вып. 5, стр. 439.

печи, въ большихъ горшкахъ. На этотъ очагъ (*tolmalanga*) ставятъ горшки, какъ на скамью, послѣ того какъ ихъ вынутъ изъ печи. Печь прислонена непосредственно къ стѣнѣ; нижнюю часть ея часто покрываютъ рѣзными досками (рис. 22), также какъ и сторону за столбомъ. Съ этой послѣдней стороны устроены вдоль печки двѣ ступеньки, по которымъ можно влѣзть на нее. Полъ отъ печки къ двери (А. 10) нѣсколько приподнятъ надъ остальнымъ поломъ; въ этой части, носящей названіе *kerspel*, продѣлано небольшое отверстіе, въ которое могутъ проходить небольшія домашнія животныя, которыя и помѣщаются въ этомъ мѣстѣ. Одна изъ досокъ (А. 11) поднимается, и оттуда можно проникнуть въ подпольное помѣщеніе (*aksal*). Въ прежнее время, замѣчаетъ г. Гейкель, въ курныхъ избахъ полъ былъ земляной, изъ плотно убитой глины и земли; въ настоящее время еще встрѣчается, что доски, образующія полъ, стелятся непосредственно на землю. Этотъ обычай теперь исчезаетъ, и полы обыкновенно дѣлаются по русскому образцу. Налѣво отъ дверей ставится кроват (А. 12), спятъ также и на большой лавкѣ (А. 14); въ избахъ, гдѣ сильнѣе сказывается русское вліяніе, устраиваются полати. У задней стѣны, противъ двери, стоитъ нара (А. 4). Кромѣ другихъ скамеекъ, находится (А. 8) коникъ (также называемый и мордвой)— скамейка съ ящикомъ; мордовскій коникъ интересенъ тѣмъ, что въ его устройствѣ сохранились черты, давшія ему названіе. Боковая перегородка образуется изъ толстой рѣзной, поставленной стоймя доски, заканчивающейся грубымъ изображеніемъ конской головы или другого животнаго (рис. 23), и носящей названіе боранка. Скамейка (А. 7) дѣлается изъ толстыхъ бревенъ, на которыхъ покоится доска. Отъ печного столба (palman) (А. 2) идутъ двѣ жерди; одна болѣе толстая (брусокъ)—къ дверной стѣнѣ, другая болѣе тонкая и болѣе похожая на доску (лапанэ) ведетъ къ боковой стѣнѣ. Отъ пальмана къ задней стѣнѣ идетъ обыкновенно подвижная жердь (*olganä*), проходящая надъ очагомъ (*tolmalanga*), на одной высотѣ съ печью. Въ настоящее время она употребляется для просушки дерева, но, по очень вѣроятному предположенію г. Гейкеля, *olganä* служила прежде для прикрѣпленія на крючкѣ котла, подобно тому какъ это встрѣчается еще у чувашей въ ихъ курныхъ избахъ. Досчатый потолокъ покоится на основномъ бревнѣ. Мордовскій кудъ освѣщается двумя-тремя

стекольчатыми окнами, но во многихъ кудахъ встрѣчаются и волоковыя окна.

Оставляя въ сторонѣ другія подробности устройства куда, переходимъ къ описанію комнаты В (рис. 20), устроенной по русскому образцу. При входѣ, направо въ углу находится печь; отверстіе ея направлено къ противоположной входу стѣнѣ, къ окнамъ. Въ печномъ углу поставлено нѣсколько небольшихъ столбовъ (2) отъ которыхъ идетъ жердь къ противоположной боковой стѣнѣ. Комната раздѣлена перегородкой (3) на двѣ части; меньшая (4), находящаяся передъ печью,носитъ названіе чулана; отсюда черезъ люкп (7) ходъ въ подполье. Въ другой части комнаты (5) стоитъ кровать; кругомъ идутъ скамейки (6). Общее устройство аналогичной только что описанной комнатѣ, изображенной на рис. 21 В) разнится въ существенномъ отъ предыдущей тѣмъ, что тамъ поставлена такъ называемая голландская печь, вслѣдствіе чего и всему помѣщенію дается названіе «голландской избы».

Что касается внѣшности мордовской избы, то она въ значительной степени уклонилась отъ первобытнаго типа. На рисункѣ 18 видно устройство ея крыши; она двускатная, и сторона фасада украшена рѣзьбой, такъ-же, какъ и оконная рама (рис. 24 и 25). За отсутствіемъ камня мордвины строятъ свой кудъ на дубовыхъ столбахъ. Стѣны строятся не изъ круглыхъ балокъ, какъ это дѣлается въ большинствѣ случаевъ русскими, а изъ отесанныхъ; промежутки закладываются мхомъ и т. п. Верхняя балка боковой стѣны кладется часто такъ, что конецъ ея выдается надъ угломъ. На остовъ крыши стелятся сначала березовыя вѣтви, и уже на нихъ кладутся или доски, или, какъ это прежде было общеупотребительнымъ,—солома.

Кромѣ этого господствующаго типа мордовскихъ избъ, встрѣчаются, пишетъ г. Гейкель, и другія, которыя представляютъ нѣкоторыя уклоненія отъ него. Въ Тамбовской и Саратовской губ. встрѣчаются куды, въ которыхъ пространство между дверью и печью, представляющее въ господствующемъ типѣ возвышеніе—*kerspel* представляетъ наполовину закрытое и перегороженное отдѣленіе, входъ въ которое образуетъ небольшая дверь. Изъ этого помѣщенія ведетъ ходъ въ подполье. Указанное отдѣленіе служило зимнимъ помѣщеніемъ для овецъ и телятъ. «Впослѣдствіи мнѣ пришлось слышать», продолжаетъ г. Гейкель, «что и въ другихъ мѣст-

ностяхъ въ этомъ отдѣленіи держатъ зимой животныхъ», что подтверждается цитуемыми имъ печатными источниками конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.

Въ описанныхъ выше типахъ мы видѣли, что къ болѣе первобытному жилищу (кудъ) мордвины пристраиваютъ русскую избу, отдѣленную отъ первой сѣнями. Но встрѣчаются, преимущественно у ерзи, избы въ одинъ срубъ, устройство котораго обнаруживаетъ не только русское вліяніе, но прямое подражаніе русскимъ однострубнымъ избамъ. Типичнымъ для подобныхъ избъ является, по описанію г. Гейкеля, то, что дверь помѣщается не на боковой стѣнѣ, а на задней, противоположной фасаду, который, даже въ томъ случаѣ, когда изба стоитъ внутри двора, выходитъ окнами на улицу. Сѣней иногда не бываетъ; ихъ замѣняетъ крыльцо, сложенное изъ двухъ досокъ, на которыя ведутъ 2—3 ступеньки. Дверь отворяется во внутрь. Направо отъ входа печь, нижняя часть которой дѣлается изъ глины, а верхняя выкладывается кирпичомъ; печь снабжена трубой; печное отверстіе обращено къ окнамъ, выходящимъ къ улицѣ; оконъ обыкновенно въ этой стѣнѣ бываетъ два; третье прорубается въ боковой стѣнѣ, налѣво отъ входа. Печь не прислоняется непосредственно къ стѣнамъ, а между этими послѣдними и печью остается свободное пространство (*Kaštomo udalks*). Далѣе печь ставится не непосредственно на полъ, а на балку вышиной болѣе фута, вслѣдствіе чего подъ нею образуется свободное пространство—подпечье,—мѣстопребываніе дѣтей и мелкихъ домашнихъ животныхъ. Передняя часть печи обставляется деревомъ, иногда украшеннымъ рѣзьбой, хотя въ общемъ рѣзьба здѣсь гораздо проще, чѣмъ въ избахъ описанныхъ выше типовъ. На печь входятъ по деревяннымъ ступенькамъ; въ настоящее время часто устраиваются полати, прежде спали исключительно на нарахъ. Полъ досчатый покоится на перекладинахъ; иногда въ немъ устроенъ люкъ для входа въ подполье, хотя чаще въ подполье ведетъ отдѣльная наружная дверь. Кромѣ стекольчатыхъ оконъ, дѣлаются на входной стѣнѣ два волоковыхъ окна; иногда на задней стѣнѣ устраивается одно косящатое окно и по сторонамъ его два волоковыхъ. Кромѣ обычныхъ лавокъ, въ подобныхъ избахъ встрѣчается и коникъ, хотя и безъ рѣзныхъ украшеній, отличающихъ коники въ избахъ вышеописанныхъ. Черезъ комнату идетъ балка, поддерживающая потолокъ, который

стелется изъ досокъ; на послѣднія кладется сверху сначала глина, потомъ опилки и, наконецъ, земля. Крыша устраивается по описанному уже типу и кроется иногда дранью. Вмѣсто березовыхъ вѣтвей и коры часто употребляется липовая кора. Подполье устраивается слѣдующимъ образомъ: на нѣкоторомъ разстояніи отъ краевъ его обкладываютъ балками; пустое пространство отъ балокъ до стѣнъ засыпаютъ сухой землей, такъ что образуется нѣчто въ видѣ скамеекъ, на которыя и ставятъ на зиму картофель и т. п. Въ серединѣ подполья устраиваютъ яму, куда устанавливаютъ бочки съ квасомъ или пивомъ. Интересенъ сообщаемый г. Гейкелемъ фактъ, что, по вѣрованію мордвы, въ подпольѣ живетъ особый домашній духъ.

Переходя отъ восточной группы финновъ къ западной, остановимся прежде всего на к о р е л а х ъ. Въ русской литературѣ существуетъ нѣсколько описаній корельскаго жилья; оно разобрано также у г. Гейкеля съ большою подробностью.

Общій характеръ жилыхъ построекъ русскихъ кореловъ заключается, по справедливому замѣчанію г. Гейкеля (с т р. 110), въ томъ, что здѣсь вмѣстѣ соединены въ одно цѣлое отдѣльныя постройки, назначенныя для человѣка и для скота. Эта черта приближаетъ постройки русскихъ кореловъ къ типу, который мы видимъ у зырянъ, и рѣзко отдѣляетъ ихъ отъ жилищъ восточныхъ финновъ, гдѣ всѣ хозяйственныя постройки раскинуты во дворѣ,—черта, которую мы видѣли и у эстовъ, и у тавастовъ.

Далѣе, корельскіе дома, сравнительно, очень высоки, такъ какъ подъ жилымъ помѣщеніемъ находится обширный нижній этажъ. Это также накладываетъ на корельскія избы особый отпечатокъ. Но при болѣе близкомъ знакомствѣ выясняется, что въ основномъ планѣ жилища происходятъ, при развитіи его, тѣ-же перемѣны, какія мы видѣли у восточныхъ финновъ.

Одинъ изъ простѣйшихъ видовъ избъ олонецкихъ кореловъ представляетъ изба, описываемая г. Соборновымъ [1], обыкновенная у бѣдныхъ кореловъ. Хотя и одноэтажная, она все-таки высоко поднята надъ землей; этотъ обычай поднятія жилого строенія

---

[1] А. С о б о р н о в ъ: Къ исторіи культуры олонецкой Корелы, въ Олонецк. Сборникѣ, I, стр. 135, 136.

надъ почвой объясняется значительной и постоянной влажностью почвы въ лѣтнее время и обширными снѣгами зимой, которые бываютъ такъ глубоки, что заносятъ все жилье до верхняго этажа. Сѣни, въ которыя входишь по лѣстницѣ, дѣлятъ постройку на двѣ части; одна дверь изъ сѣней ведетъ въ помѣщеніе, назначенное для храненія сѣна, соломы, саней и т. п.; другая половина, тоже соединенная съ сѣнями дверью, представляетъ жилое помѣщеніе; въ бѣдныхъ избахъ оно состоитъ изъ одной комнаты съ черною печью. Дымъ изъ печи выходитъ черезъ отверстіе въ потолкѣ, которое по выходѣ дыма закрывается доскою, одною стороною прикрѣпленною посредствомъ петель къ потолку; другая сторона этой доски подпирается палкой. По стѣнамъ идутъ лавки, вблизи которыхъ стоитъ столъ. Въ одномъ углу избы стоитъ ткацкій станокъ, въ другомъ образа, а подъ ними снарядъ для вязанья рыболовныхъ сѣтей. Въ этомъ жилищѣ нетрудно видѣть тупу, описанную нами выше у кореловъ, къ которой пристроено помѣщеніе для сѣна, саней и пр. У болѣе богатыхъ лѣстница бываетъ крыта; изъ верхняго сарая ведетъ лѣстница внизъ, въ хлѣвъ, въ который можно пройти и черезъ особую дверь съ наружной стороны.

Нѣсколько болѣе сложный типъ описанъ г. Гейкелемъ (стр. 124) въ числѣ корельскихъ построекъ Архангельской губ. Лѣстница приводитъ въ сѣни; дверь изъ сѣней направо вводитъ въ избу, налѣво въ горницу. Въ избѣ, въ лѣвомъ отъ входа углу, стоитъ печь. Къ горницѣ пристроенъ небольшой коровникъ, входъ въ который находится въ наружной стѣнѣ. Изба очень низка и стоитъ даже подчасъ непосредственно на землѣ. Къ этому типу относятся и описанныя П. Чубинскимъ [1]) избы архангельскихъ кореловъ. Особенность корельскихъ домовъ состоитъ, по словамъ Чубинскаго, въ томъ, что они выстроены глаголемъ, при чемъ задняя часть дома составляетъ вершину буквы Г, а лицевая, болѣе узкая, чаще выступаетъ впередъ. Войдя черезъ ворота въ сѣни, пишетъ цитуемый авторъ, вы подымаетесь вверхъ по лѣстницѣ. Здѣсь налѣво большею частью дверь въ чистую избу или свѣтелку, въ тѣхъ домахъ, гдѣ она есть, а направо сѣни, вродѣ

---

[1]) П. Чубинскій: Этногр. очеркъ Корелы. Тр. Арх. Стат. Ком. 1865. II, стр. 101.

корридора, отдѣляющія избу, въ которой живутъ, отъ повѣти. Большею частью противъ избы бываетъ клѣть или чуланъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщеніе для скота, хлѣвы для овецъ и большею частью подъ свѣтелкой нѣчто въ родѣ клѣти или чулана, или избы безъ оконъ. Печь, устроенная по русскому образцу, помѣщается большею частью на лѣвой сторонѣ отъ входа въ избу. Основаніе печи дѣлается изъ булыжнаго камня, а остальное изъ глины; кирпичей архангельскіе корелы не выдѣлываютъ.

Наконецъ, третій типъ въ развитіи корельскаго жилья является описываемая г. Соборновымъ (l. c.) изба, въ которой жилыя помѣщенія распредѣляются только по одну сторону сѣней, а по другую находится сарай. Жилое помѣщеніе дѣлится на переднюю и заднюю избы: въ первой стоитъ русская печь, лавки вокругъ стѣнъ и нары; здѣсь помѣщается все семейство. Задняя изба или горница убирается по-городски, со стульями; обѣ избы соединяются одной дверью. Иногда изъ горницы ведетъ особая дверь въ сѣни. Нижнее помѣщеніе подъ комнатой носитъ общее названіе карзина, въ ней хранятся припасы.

Описанные типы могутъ считаться, такъ сказать, основными, изъ которыхъ развивается довольно сложный планъ корельскаго дома. Г. Гейкель даетъ намъ нѣсколько примѣровъ ихъ, изъ которыхъ мы опишемъ только нѣкоторые. Начнемъ съ олонецкихъ. Рисунокъ 26 даетъ представленіе о наружности болѣе простого вида, рисунокъ 27 о наружности болѣе сложнаго вида корельскаго жилища. Рисунокъ 28 представляетъ сравнительно несложный планъ верхняго этажа дома. Изъ сѣней налѣво входъ въ избу (a), налѣво отъ входа въ углу печка (i), отверстіе ея обращено къ фасаду съ окнами. Изъ избы *a* дверь ведетъ въ горницу *b*. Сѣни соединяются стороной противъ входа съ сараемъ *c*, откуда лѣстница *d* ведетъ въ нижнее помѣщеніе, предназначенное для скота. Направо изъ сѣней дверь ведетъ въ клѣть *e*. Съ другой стороны въѣздъ *h* къ сараю; маленькіе амбары *f* и *g* стоятъ непосредственно на землѣ. Подъ верхнимъ этажемъ находится помѣщеніе для скота и пр. Планъ болѣе развитого корельскаго дома (рис. 27) виденъ на рис. 29, причемъ планъ подъ буквой *A* представляетъ нижній, подъ буквой *B* верхній этажъ. Чрезъ входъ *Ad*, называемый обыкновенно калидоръ, входишь въ сѣни нижняго этажа *Ac*, откуда лѣстница *e* ведетъ въ сѣни верхняго этажа *Bc*. Въ сѣни нижняго этажа можно

войти и черезъ помѣщеніе *Af*, находящееся по другую сторону главнаго помѣщенія. Изъ сѣней *Ac* одна изъ пяти устроенныхъ въ нихъ дверей ведетъ въ нижнее помѣщеніе *Aa*, другая—въ хлѣвъ *Ag* и третья въ клѣть *Ar*; четвертая и пятая двери, какъ сказано, служатъ входными. Въ сѣняхъ верхняго этажа четыре двери, изъ которыхъ одна ведетъ въ жилое помѣщеніе *Ba*, вторая въ сарай *Bg*, третья и четвертая въ клѣти *Br* и *Bs*. Первая клѣть *Br* освѣщается окномъ, вторая *Bs* совершенно темна. Въ обоихъ этажахъ главнаго помѣщенія находятся жилыя комнаты (*Aa* и *Ba*) другъ надъ другомъ; каждая освѣщается двумя окнами, находящимися на лицевой сторонѣ дома. Въ нижнемъ этажѣ около комнаты *Aa* находится длинная и узкая клѣть *Ab*, имѣющая дверь на улицу. Въ верхнемъ этажѣ надъ этой клѣтью расположена горница *Bb*, соединенная съ комнатою *Aa* дверью и имѣющая окно. По лѣстницѣ *Bj*, ведущей изъ сарая *Bg* верхняго этажа внизъ, входишь въ хлѣвъ *Ag*. Лѣстница сверху прикрывается деревяннымъ люкомъ, а съ боковъ она закрыта досками. Въ хлѣвѣ два стойла *h* и *i*. Съ задней стороны зданія устроенъ въѣздъ *p* въ верхній сарай. Лошадей обыкновенно держатъ въ сараѣ верхняго этажа. Въ верхнемъ-же сараѣ *Bg* устроено помѣщеніе *q* для естественныхъ потребностей. Къ этимъ частямъ, образующимъ главное зданіе, впослѣдствіи пристроили части *Al* и *Bl*. *Bl*—представляетъ комнату, изъ которой по лѣстницѣ, ведущей отъ печки и прикрываемой ящикообразной крышкой, можно спуститься въ нижнее помѣщеніе *Al*. Сѣни *Bk* отдѣляютъ комнату *Bl* отъ горницы *Bm*; подъ горницей и сѣнями въ нижнемъ этажѣ устроены темныя помѣщенія *Ak* и *Am*. Войти въ сѣни *Bk* можно по наружной лѣстницѣ *n*, а затѣмъ чрезъ дверь въ сарай *Bg*. По словамъ г. Соборнова, нѣкоторыя избы имѣютъ родъ антресолей.

Описанный типъ корельскаго дома не является, однако, наиболѣе сложнымъ, но онъ достаточно обрисовываетъ ходъ развитія этого рода жилища. Домъ у архангельскихъ кореловъ представляетъ много общихъ чертъ съ только что описаннымъ. Г. Гейкель, со словъ г. Ерваста, подробно разбираетъ различные виды домовъ архангельскихъ кореловъ; мы ограничимся описаніемъ двухъ изъ нихъ. Рисунокъ 30 даетъ представленіе о наружномъ видѣ дома, рисунокъ 31 о внутреннемъ планѣ его. Лѣстница ведетъ въ сѣни *a* (рис. 31); направо отъ нихъ находится жилое помѣ-

щеніе *b*, а слѣва горница *c* и темная клѣть *d*. Въ углу, налѣво отъ входа, стоитъ печь. Шесть оконъ освѣщаютъ комнату. Въ нижнемъ этажѣ подъ комнатой устроена карзина — общее названіе для части нижняго этажа, находящейся подъ комнатой; подъ сѣнями—подклѣть. Изъ сѣней, противъ входа, ведетъ лѣстница внизъ въ нижнее помѣщеніе со стойломъ для скота *e* (*tanhua*), откуда выходъ наружу черезъ широкія ворота, видныя на рис. 30, другой выходъ въ хлѣвъ *f*, а оттуда въ коровникъ *h* и въ конюшню *g*. На рис. 30 видно, что надъ хлѣвомъ *f* устроенъ сарай къ которому ведетъ въѣздъ. Болѣе сложный планъ дома мы видимъ на рис. 32, хотя и здѣсь, какъ и въ предыдущемъ, сохраняется отмѣченная П. Чубинскимъ основная форма глаголемъ. Этотъ типъ г. Гейкель считаетъ особенно характернымъ для сѣверныхъ кореловъ. Изъ сѣней нижняго этажа идутъ съ двухъ сторонъ лѣстницы въ сѣни верхняго этажа (*j*). Направо отъ этихъ сѣней размѣщены: жилая комната *l*, проходъ *k* съ кроватью въ углу, еще комната *m* и помѣщеніе для храненія платья *n*. Кромѣ сѣней *j*, есть еще другія, большія сѣни *a*, изъ которыхъ съ одной стороны входъ въ комнату *b* и въ горницу *c*. Съ другой стороны входъ въ сарай *f* и въ клѣти *d* и *e*, изъ которыхъ послѣдняя темна. Подъ сѣнями *a* устроена подклѣть, полъ въ которой настолько низокъ, что какъ въ клѣти, такъ и въ сарай приходится подниматься по лѣстницамъ. Подъ комнатой *b* находится карзина, а подъ горницей *c*—клѣть, входъ въ которыя черезъ наружную дверь, устраиваемую подъ окнами съ лицевой стороны. Въ боковой комнатѣ—горницѣ *c*—дѣлаютъ обыкновенно два окна въ лицевой сторонѣ дома; на предложенномъ планѣ въ видѣ исключенія три окна. Подъ сараемъ *f* устроенъ хлѣвъ; въ сарай ведетъ подъѣздъ. Стойла *g*, *h*, *i* отдѣлены отъ остальной части дома и имѣютъ выходы наружу.

Г. Ервастъ сообщаетъ, что всѣ постройки архангельскихъ кореловъ строятся изъ неотесаннаго лѣса и не покрываются тесомъ. Крыша, по словамъ г. Соборнова (l. c.), двускатная, крытая тесомъ. У олонецкихъ кореловъ, по словамъ г. Гейкеля, печь такъ же, какъ и у нѣкоторыхъ волжскихъ финновъ, не имѣетъ въ настоящее время очага, но, по свидѣтельству П. Чубинскаго [1]), онъ еще

[1]) Чубинскій, l. c., стр. 102.

встрѣчался у архангельскихъ кореловъ; надъ нимъ въ котелкѣ готовили пищу. Этотъ-же авторъ сообщаетъ и подробности обстановки избы. Въ противоположномъ печи углу висятъ обыкновенно образа, старые и безъ всякихъ украшеній; въ этомъ же углу стоитъ столъ. Вокругъ стѣнъ — лавки. Около печи придѣлана лежанка, обшитая деревомъ, на которой спятъ. Кровати встрѣчаются большею частью лишь въ чистыхъ избахъ; въ послѣднихъ ставятся также стулья, количество которыхъ зависитъ отъ достатка хозяина; въ углу шкафикъ для посуды.

Переходя къ кореламъ (Гейкель, стр. 225—231), населяющимъ Финляндію, мы видимъ, что и тамъ современный домъ состоятельнаго хозяина развивается тѣмъ-же путемъ пристройки къ основному срубообразному типу. Въ отличіе отъ русскихъ кореловъ—финляндскіе располагаютъ свои хозяйственныя постройки во дворѣ, какъ это дѣлаетъ большинство финновъ. Рисунокъ 33 даетъ представленіе о внѣшнемъ видѣ средне-зажиточнаго дома, рисунокъ 34 о внутреннемъ его устройствѣ и планѣ двора. На этомъ планѣ сѣни *b* дѣлятъ домъ на двѣ половины; направо изба *a*, налѣво чистая горница *c* и узкая комната *d*, служащая для храненія молока и др. продуктовъ и соединяющаяся посредствомъ двери съ сѣнями. Старая горница *e* имѣетъ выходъ въ сѣни противъ входа [1]). Иногда двѣ теплыя избы располагаются по обѣимъ сторонамъ сѣней, а горница пристраивается къ сѣнной стѣнѣ, противоположной входу. Печи кладутся на помостъ изъ балокъ. Нижняя часть печей выкладывается изъ камней. Этотъ помостъ иногда выходитъ сбоку изъ-подъ печки и образуетъ большой ящикъ-голбецъ (*kolpitza*), который можно приподнимать; подъ нимъ лѣстница ведетъ въ подполье—*l̃autsia*. К а р з и н а, какъ у русскихъ кореловъ, устраивается у финляндскихъ подъ печью, которую обставляютъ досками; въ этомъ помѣщеніи хранятъ зимой картофель, лѣтомъ—молоко и другіе напитки. Иногда карзиной финляндскіе корелы называютъ пространство между стѣной и задней стороной печи. У печного угла стоитъ довольно толстый столбъ, отъ котораго

[1]) Хозяйственныя постройки, размѣщенныя во дворѣ, слѣдующія: *f*—кота, *g*—баня, *h*— хлѣвъ, *i*, *i*—два стойла, *k*—конюшня и *l*—боковая комната для храненія съѣстныхъ припасовъ; надъ *k* и *l*—большой чердакъ, *m′*, *m″*, *m‴*—клѣти, *p*, *n*—риги, *o*—сарай, *r*, *s* и *u*—ворота рѣшетчатыя, *q*—дворъ, *t*—ворота, ведущія на проѣзжую дорогу и *w*—поле, засаженне картофелемъ.

идутъ двѣ толстыя низкія доски (*orsi*)—одна къ боковой, другая къ задней стѣнкѣ комнаты. Печь находится обыкновенно въ лѣвомъ отъ входа углу, причемъ печное устье направлено къ лицевой сторонѣ дома, въ которой находятся одно—два окна. Передъ печью устроенъ очагъ, надъ которымъ на крючкѣ виситъ котелъ. Печь закрывается заслонкой — деревянной или жестяной. Потолокъ поддерживается 2 — 5 балками, кромѣ того, поперечная балка (*pittaorsi* или *sidehirsi*) проходитъ на локоть ниже потолка, посрединѣ комнаты. Полъ досчатый, покоящійся на балкахъ. Кругомъ избы идутъ скамьи, лежащія часто на толстыхъ обрубкахъ; кромѣ того, г. Гейкель (стр. 227) изображаетъ переносную скамью, представляющую дальнѣйшее развитіе первобытной скамьи, встрѣчающейся у пермяковъ и зырянъ; обрубокъ на корельской скамьѣ сглаженъ и представляетъ подобіе толстыхъ ножекъ, а корни, образующіе у пермяковъ сидѣнье, переходятъ въ грубую доску съ развилкой на концѣ; вся скамья сдѣлана изъ одного куска. Далѣе въ избѣ финляндскаго корела стоитъ столъ (безъ ящика), но того-же типа, который часто встрѣчается у волжскихъ финновъ; а на стѣнѣ у входа виситъ шкафикъ для посуды. У стѣны, между печью и лицевой стѣнкой, стоитъ кровать, которая мѣстами сохранила еще свою первобытную форму: она снабжена досками сбоку и съ однаго конца и ставится на стѣнную скамью, причемъ ее подпираютъ столбикомъ, поставленномъ на землѣ.

Живущіе въ Финляндіи саволаксы (Гейкель, стр. 231 и слѣд.), вѣтвь кореловъ, представляютъ въ своихъ жилищахъ много общихъ чертъ съ финляндскими корелами, хотя въ способѣ пристройки отдѣльныхъ частей зданія иногда замѣчается и различіе. Примѣромъ можетъ служить изображенный планъ при рисункѣ 35, дающій представленіе о саволакскомъ домѣ. Изъ сѣней *b* налѣво входъ въ комнату *a*; другія двѣ двери изъ сѣней ведутъ въ горницу *c* и въ промежуточное пространство *d*; наконецъ, пятая дверь изъ сѣней ведетъ черезъ небольшое, полуоткрытое помѣщеніе въ горницу *e* (*eteistupa*) и въ *f* — помѣщеніе для храненія съѣстныхъ припасовъ. Иногда, впрочемъ, по обѣ стороны сѣней находятся двѣ жилыя комнаты. Печи ставятся въ лѣвомъ отъ входа углу; ихъ устье обращено къ лицевой сторонѣ; оконъ на этой сторонѣ — одно-два. На боковыхъ стѣнахъ, противоположныхъ тѣмъ, у которыхъ стоитъ печь, продѣлываются такъ-же окна,

какъ и у кореловъ; наконецъ, окна (волоковыя), какъ у этихъ послѣднихъ, помѣщаются иногда у задней стороны дома. Въ саволакскомъ домѣ поперекъ комнаты проходитъ толстая балка (мѣсто выхода ея наружу видно на рис. 35), на которой покоятся поддерживающія потолокъ балки. Печь снабжена, какъ и у кореловъ, очагомъ, надъ которымъ виситъ котелъ на крючкѣ. У болѣе состоятельныхъ саволаксовъ на дворѣ стоитъ отдѣльно болѣе новая постройка, предназначенная для гостей (*wierastupa*); она отличается большей чистотой; обыкновенно въ ней находится „голландская" печь. Такія избы строятся всюду въ восточной и средней частяхъ Финляндіи, гдѣ основной домъ недостаточно великъ, чтобы размѣстить гостей.

Въ Остерботніи мы снова наталкиваемся на систему построекъ, близкую, по словамъ г. Гейкеля, къ типу русско-корельскому (Гейкель, стр. 252 и слѣд.). Здѣсь часто встрѣчаются двухэтажные дома, соединяющіе подъ одною крышей разныя хозяйственныя помѣщенія. Но, какъ это будетъ явствовать изъ дальнѣйшаго описанія, остерботнійскіе дома далеко не достигли въ степени соединенія построекъ того развитія, которое мы видѣли у русскихъ кореловъ. Эту разницу легко усмотрѣть при сравненіи домовъ русскихъ кореловъ съ рисункомъ 36, изображающимъ остерботнійскій домъ. На прилагаемомъ рисункѣ мы видимъ, что часть крыши ниже другой; болѣе низкая часть крыши находится надъ старой избой, къ которой впослѣдствіи была пристроена болѣе новая, съ болѣе высоко поднятой крышей. На планѣ (рис. 37) мы видимъ внутреннее расположеніе этого-же дома: I — входная лѣстница, крыльцо, которое ведетъ въ сѣни (II); изъ сѣней направо входъ въ старую избу (III) pirtti, въ которой находятся: *a*—печь, *b*—скамейки, *c*—столъ, *d*—шкафики, *e*—прялка, *t*—лежанка на печкѣ и *i*—корзина. Далѣе налѣво изъ сѣней входъ въ новую избу (IV) tupa, въ которой помѣщается почти все то-же, что и въ старой (отмѣчены на планѣ тѣми-же буквами) и, кромѣ того, постели (*g*). Четвертая дверь изъ сѣней, противоположная входной, ведетъ въ кухню (V), а пятая — въ помѣщеніе для храненія молока (VI), которое соединяется съ другимъ помѣщеніемъ того-же назначенія (VII). Расположеніе печей и оконъ съ достаточной ясностью видно на планѣ. Чтобы дать болѣе ясное представленіе объ остерботнійскомъ домѣ, приводимъ еще планъ (рис. 38, см. рядомъ съ рис. 24) и

объясненіе къ нему. Домъ двухэтажный *A*—нижній, *B*—верхній этажъ. Изъ сѣней *Aa* дверь направо ведетъ въ избу *Ab* (*asuintupa*); направо въ углу—печь; въ комнатѣ разставлены скамьи вдоль стѣнъ, столъ, постели и пр. Налѣво изъ сѣней входъ въ помѣщеніе *d*, которое у бѣдныхъ служитъ кладовой или помѣщеніемъ для храненія молока, у болѣе богатыхъ является парадной комнатой съ кафельной печью, обоями и пр. Помѣщеніе *c* служитъ для храненія съѣстныхъ припасовъ. Къ комнатѣ *a* примыкаютъ комнаты *e* и *f*, изъ которыхъ первая служитъ спальней хозяевамъ, а вторая предназначена для гостей. Изъ сѣней лѣстница ведетъ въ верхній этажъ *B*. Въ немъ находятся два чердачныхъ помѣщенія (*a* и *b'*), далѣе комната (*c'*); въ которой живутъ обыкновенно сыновья, и *f'*—помѣщеніе дочерей, *e'*, *e'* и *d'*—чердачныя помѣщенія, изъ которыхъ послѣднее иногда приспособляется для жилья. [1]) Приведенныя нами описанія расположенія помѣщеній въ остерботнійскомъ домѣ указываютъ, что если принципъ соединенія разныхъ зданій подъ одной крышей и имѣетъ здѣсь мѣсто, то онъ примѣняется совершенно иначе, чѣмъ въ домахъ русскихъ кореловъ и зырянъ. Въ самомъ дѣлѣ, у двухъ послѣднихъ народностей мы видимъ стремленіе соединить подъ одной крышей все хозяйство, по крайней мѣрѣ все, что является наиболѣе существеннымъ въ жизни корела и зырянина. У олонецкихъ кореловъ это соединеніе идетъ такъ далеко, что, по словамъ В. Майнова[2]), дворъ почти совершенно уничтожается. Подчасъ только бани стоятъ отдѣльно; всѣ-же остальныя хозяйственныя постройки находятся подъ одной крышей съ жилымъ помѣщеніемъ, либо въ непосредственной близости отъ послѣдняго: здѣсь стоитъ скотъ, наверху, въ сараѣ хранятся телѣги, сельскохозяйственныя орудія, сѣно, солома и пр. Другое дѣло остерботнійскій домъ: хозяйственныя постройки расположены на дворѣ. Подъ одной кровлей съ жилымъ помѣщеніемъ находятся только кладовыя, въ которыхъ хранится лишь то, что необходимо для домашняго обихода, а не для хозяйства въ болѣе широкомъ смыслѣ. Развитіе русско-корельскаго и зырянскаго дома идетъ путемъ присоединенія къ остальному жилому помѣщенію хозяйственныхъ службъ, а развитіе остерботнійскаго дома,

---

[1]) Рисунокъ *C* изображаетъ расположеніе разнаго рода хозяйственныхъ приспособленій по стѣнамъ и поперечнымъ балкамъ въ комнатѣ *Ab*.

[2]) Майновъ: Поѣздка въ Обонежье и Корелу, стр. 275

наоборотъ, идетъ путемъ увеличенія числа и размѣровъ жилыхъ помѣщеній. Если въ разсмотрѣнныхъ нами саволакскихъ домахъ, какъ и въ домахъ финляндскихъ кореловъ, находятся, напр., двѣ жилыхъ комнаты справа и слѣва отъ сѣней, то, въ остерботнійскомъ домѣ мы видимъ къ нимъ лишь дальнѣйшія пристройки такихъ-же жилыхъ комнатъ, при чемъ, при разростаніи семьи число комнатъ, если это позволяетъ благосостояніе ея, увеличивается, а также утилизируется и чердачное помѣщеніе. Это различіе въ цѣляхъ, которыя руководятъ при развитіи и расширеніи дома, накладываетъ рѣзкій отпечатокъ на остерботнійскіе дома, въ отличіе отъ русско-корельскихъ и зырянскихъ, и не позволяетъ намъ, какъ это дѣлаетъ г. Гейкель, видѣть въ развитіи остерботнійскихъ домовъ тотъ же принципъ, какъ и въ послѣднихъ. Ближайшее знакомство съ домами финляндцевъ въ другихъ мѣстностяхъ Финляндіи лишь подтвердитъ высказанное нами положеніе.

Г. Гейкель (стр. 270 и слѣд.) даетъ слѣдующее описаніе жилого помѣщенія, характернаго для центра области, населенной т а в а с т а м и. По лѣстницѣ входишь въ обширныя сѣни, въ которыхъ находятся двѣ двери: одна ведетъ въ хозяйскую комнату—избу, другая—въ комнату, назначенную для гостей или для изготовленія пищи. Дверь противъ входа въ сѣняхъ ведетъ къ небольшой пристройкѣ, въ которой помѣщается обыкновенно кухня и горница или только одна горница. Около угла, образуемаго главнымъ зданіемъ и пристройкой, устраивается небольшая дверь, черезъ которую можно пройти въ находящіяся за домомъ хозяйственныя пристройки. Хозяйская комната (pirtti) играетъ наиболѣе важную роль въ каждодневной жизни таваста: здѣсь обѣдаютъ, работаютъ, пекутъ хлѣбъ, если для этой цѣли не устроено на дворѣ отдѣльное помѣщеніе, и готовятъ пищу, когда нѣтъ въ домѣ особой кухни. Ее строятъ изъ лучшаго лѣса; бревна отесаны снаружи и внутри. Полъ плотный, деревянный; между досчатымъ потолкомъ и крышей находится обширное чердачное помѣщеніе. Въ углу, у входной стѣны, ставится печь; она занимаетъ $^1/_5$—$^1/_6$ часть помѣщенія и кладется—нижняя часть изъ крупныхъ камней, верхняя—изъ кирпичей или мелкихъ неотесанныхъ камней; вся она покрывается глиной и выбѣливается известью. Около печи устраивается печь для приготовленія хлѣба. Печь снабжена хорошо устроенной трубой. Около печки же, въ углу, устраивается еще очагъ, съ трубой,

соединяющейся съ печной трубой; надъ очагомъ вѣшаютъ на крюкѣ котелъ. Комната освѣщается стекольчатыми окнами, изъ которыхъ два находятся на боковой стѣнѣ, и одно—на лицевой. Въ стѣнѣ, около печи находится люкъ, закрываемый доской. По стѣнамъ идутъ лавки; въ углу, образуемомъ этими послѣдними, между лицевой и боковой стѣнами, стоитъ столъ, доска котораго въ прежнее время изготовлялась изъ одного куска дерева. Въ этомъ углу—почетное мѣсто, которое занимаетъ за обѣдомъ хозяинъ.

Въ описанномъ типѣ тавастскаго дома мы уже видимъ, что къ основнымъ частямъ—сѣнямъ съ двумя комнатами по сторонамъ—пристраивается еще комната и кухня. Съ развитіемъ благосостоянія количество комнатъ увеличивается, и на рис. 39 мы встрѣчаемся съ планомъ тавастскаго двора, въ которомъ жилое помѣщеніе чрезвычайно обширно: №№ 1 и 2 плана — кладовыя, 3 — проѣздъ съ воротами, 4—новая конюшня, 5—сарай; 6—8, 10, 13 и 14—комнаты съ кафельными печами, 9—кухня, 11—сѣни, 12—изба (pirtti), 15—помѣщеніе для приготовленія хлѣба, 16—навѣсъ, 17—конюшня, 18 и 26 коты, 19 и 20—бани, 21 и 22—риги, 23—амбаръ, 24—простая клѣть, 25, 27 и 30—сараи, 28—амбаръ для храненія зерна и 29—коровникъ. Въ только что объясненномъ планѣ, который можетъ также служить и типомъ двора зажиточнаго таваста, мы замѣчаемъ, что къ основному жилому помѣщенію (сѣни, кухня и изба №№ 9, 11 и 12) пристроены сначала комнаты №№ 10, 13 и 14, а затѣмъ, съ увеличеніемъ благосостоянія, и комнаты №№ 6—8. Подъ одной крышей мы встрѣчаемъ здѣсь значительное количество помѣщеній, служащихъ для жилья и для домашнихъ нуждъ; главное отличіе отъ остерботнійскаго дома заключается въ томъ, что описанный тавастскій домъ одноэтажный; но принципъ, приводящій къ развитію его, тотъ же, что и остерботнійскаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь матеріальное благосостояніе позволяетъ не ютиться больше въ одной или двухъ комнатахъ, позволяетъ пристроить отдѣльныя помѣщенія для взрослыхъ членовъ семьи, но ни въ остерботнійскомъ, ни въ тавастскомъ домѣ мы не замѣчаемъ стремленія объединить подъ одной кровлей все хозяйство. Г. Гейкель въ устройствѣ тавастскаго дома и не отмѣчаетъ этой черты; тѣмъ болѣе страннымъ кажется, что въ остерботнійскомъ домѣ, который развивается по тѣмъ-же законамъ, какъ и тавастскій, онъ видитъ черты, позволяющія ему сблизить его съ русско-корельскимъ типомъ.

Въ домахъ Остерботніи и Тавастляндіи мы имѣемъ примѣры высшаго развитія жилища у финновъ; описанныя нами жилыя помѣщенія не подходятъ къ понятію, соединяемому обыкновенно съ выраженіемъ *изба*; это дома, центромъ которыхъ лишь является изба, вокругъ которой группируются другія комнаты.

Переходя отъ этихъ типовъ къ жилищамъ эстовъ, мы видимъ, что они далеко не достигли того развитія, какъ у ихъ сѣверныхъ сосѣдей-финляндцевъ. Уже по внѣшнему виду, пишетъ г. Гейкель (стр. 161), эстонскіе дома производятъ своеобразное впечатлѣніе. Сравнительно низкія стѣны, выстроенныя частью изъ дерева, частью изъ песчаника, поддерживаютъ несоразмѣрно большую, тяжелую четырехскатную крышу, крытую соломою (см. рис. 13). Хотя эстонскіе дома и кажутся на первый взглядъ совершенно чуждыми и взятые въ общихъ чертахъ представляютъ своеобразный типъ построекъ, тѣмъ не менѣе при ближайшемъ ознакомленіи видно, что они въ существенныхъ частяхъ своихъ примыкаютъ къ типамъ, которые мы видѣли у волжскихъ народностей и въ Финляндіи. Общая черта современныхъ эстонскихъ домовъ, говоритъ А. Д. Солодовниковъ [1]), заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ состоитъ изъ двухъ частей: помѣщенія для жилья и хозяйственнаго помѣщенія. Этотъ типъ, по словамъ цитуемаго автора, является характернымъ для жилища крестьянъ-арендаторовъ Эстляндской губ., въ то время какъ бобыли, элементъ болѣе бѣдный, довольствуются описаннымъ выше жилищемъ, первобытнымъ срубомъ. Г. Гейкель подводитъ жилища эстонцевъ къ четыремъ главнымъ типамъ, но, строго говоря, они представляютъ лишь частныя видоизмѣненія основного плана. Изба средней руки эстонскаго крестьянина представляетъ, по словамъ А. Д. Солодовникова, зданіе, саженъ 6—10 длины и 3—4½ сажени ширины. Сѣни дѣлятъ зданіе на двѣ части: жилое помѣщеніе, которое обыкновенно строится изъ дерева, и хозяйственное, выведенное обыкновенно изъ камня и только у бѣднѣйшихъ выстроенное изъ дерева. Жилое помѣщеніе дѣлится обыкновенно на нѣсколько комнатъ. Г. Гейкель описываетъ, какъ простѣйшій типъ жилища эстонцевъ, избу, въ которой по одну сторону сѣней находится только одна комната, а по другую одно помѣщеніе для

---

[1]) Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

хозяйственныхъ цѣлей (см. выше). У болѣе состоятельныхъ лицъ въ домахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, къ сѣнямъ, которыя служатъ одновременно чуланомъ и мѣстомъ складки хозяйственныхъ принадлежностей, примыкаетъ съ правой стороны чистая комната, назначенная для хозяевъ (*каммеръ*); она соединяется съ сѣнями дверью. Каммеръ служитъ и столовой, и рабочей, и пріемной комнатой хозяевъ. Изъ нея обыкновенно ведутъ двѣ двери: одна въ такъ называемую *тагумэнэ-каммеръ*, служащую спальней для хозяевъ и дѣтской, другая — въ самое обширное помѣщеніе — *тубу*, которая служитъ въ настоящее время кухней и вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщеніемъ для взрослыхъ сыновей и рабочихъ. Туба соединяется дверью съ сѣнями (*ускаязинъ*). По другую сторону сѣней находятся хозяйственныя пристройки, одно, соединенное дверью съ тубой, носитъ названіе *рехе-алумэ*; въ немъ хранится еще не обмолоченный хлѣбъ и болѣе цѣнныя вещи хозяйственнаго инвентаря. Изъ рехе-алумэ большія двустворчатыя ворота ведутъ во дворъ. Другое помѣщеніе, соединенное дверью съ рехе-алумэ, служитъ иногда складочнымъ мѣстомъ зерноваго корма для скота, а иногда чуланомъ; оно называется *ладу*. Присматриваясь ближе къ устройству жилища у эстовъ, пишетъ А. Д. Солодовниковъ, „мы видимъ здѣсь ту же тубу, тотъ-же ускаязинъ, что встрѣчается и въ бобыльей избѣ; лишними комнатами являются каммеръ и тагумэнэ-каммеръ, расположенныя притомъ обыкновенно съ боку отъ тубы и ускаязина“. Въ устройствѣ эстонскаго дома мы замѣчаемъ почти всюду отмѣченную нами ту же группировку болѣе позднихъ пристроекъ къ основному перту-тубѣ.

Г. Гейкель (стр. 174) помѣщаетъ изображеніе нѣсколькихъ типовъ эстонскихъ жилищъ, которые представляютъ болѣе или менѣе разнообразную группировку отдѣльныхъ помѣщеній вокругъ тубы (рис. 40). На планѣ X, изображающемъ домъ около Леаля (Эстляндской губ.), мы видимъ *a* — туба, *b* — сѣни (*toa ezine*), *c* — *laut* или рехе-алумэ, *d* — каммеръ, *e* — маленькая каммеръ (*tillukene kamber*), *f* — зимнее помѣщеніе для скота, *g* — лѣтнее помѣщеніе и *h* — свиной хлѣвъ.

Планы *Y* и *Z* представляютъ эстонскіе дома въ Лифляндской губ. (Пайстель). Въ нихъ, по справедливому замѣчанію г. Гейкеля (стр. 174), характерно то, что тубы *a* лишены свѣта, такъ какъ онѣ окружены со всѣхъ сторонъ комнатами; *d*, *c* и

e—жилыя помѣщенія, *b*—сѣни; на планѣ *Z* въ сѣняхъ отдѣлено небольшое помѣщеніе *k*, служащее для храненія провизіи (*sahwer* или *toidukammer*), называемое иногда также холодной комнатой—*külmkammer*. Далѣе, съ другой стороны тубы *a* устроены также сѣни *h*, около которыхъ помѣщается холодная комната *i*, соотвѣтствующая комнатѣ *k*; *j* — сарайчикъ, относящійся къ рехеалуме *c*, этому сарайчику на планѣ *Y* соотвѣтствуетъ комната *l*; *m* на послѣднемъ и *l* на планѣ *Z* — свиные хлѣвы; *f* и *g* на пл. *Z* — пристроенныя жилыя помѣщенія. Въ описанномъ домѣ (*Z*) только въ комнатахъ *f* и *g* полъ былъ досчатый; въ другихъ — онъ былъ земляной или покрытый каменными плитами. Часто случается, по словамъ автора, что часть комнаты покрыта досчатымъ поломъ, часть — сохраняетъ земляной. Въ болѣе новыхъ помѣщеніяхъ встрѣчаются вмѣсто простыхъ печей плиты. Мы не будемъ слѣдовать за г. Гейкелемъ въ его описаніи подробностей видоизмѣненій плановъ эстонскихъ домовъ: какъ-бы ни группировались отдѣльныя помѣщенія, для нашихъ цѣлей достаточно отмѣтить, что центромъ группировки всегда является туба, т.-е., первобытный срубъ, отмѣченный нами у большинства финскихъ народностей, какъ основа развитія современной избы. Отмѣтимъ въ качествѣ интересной и важной подробности для исторіи развитія эстонскаго жилья, что, по словамъ г. Гейкеля, эстонцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ названіе своему жилищу, какъ цѣлому — *saun* (баня, землянка) и что сѣни иногда называются *koda* (шалашъ).

Г. Гейкель отмѣчаетъ также, что у эстонцевъ домъ обыкновенно отапливается одной печью. Эту же особенность замѣчаетъ и А. Д. Солодовниковъ. До настоящаго времени, по словамъ послѣдняго, печь въ большинствѣ случаевъ устраивается безтрубной, такъ что туба является курной избой. „Помѣщики, пишетъ онъ, отдавая въ аренду землю, строили для своихъ арендаторовъ иногда дома и съ трубными печами, но крестьяне очень неохотно шли на это и предпочитали оставаться на участкахъ, гдѣ были курныя избы. Этотъ фактъ заставлялъ нѣкоторыхъ изслѣдователей эстонскаго быта (напр. Крузе) предполагать, что эстонцы не желаютъ лучшихъ домовъ“. Этой „привязанности“ эстонцевъ къ курнымъ избамъ авторъ даетъ слѣдующее объясненіе: съ одной стороны, помѣщики, устроившіе лучшія жилыя помѣщенія, возвы-

шали вмѣстѣ съ тѣмъ и арендную плату; съ другой—такъ какъ лѣсъ является въ Эстляндской губ. собственностью помѣщика, а не крестьянъ, то пользованіе печью съ трубою должно было накладывать лишнія обязательства на послѣднихъ. Для того чтобы сдѣлать присутствіе дыма въ жиломъ помѣщеніи болѣе сноснымъ, устраивается передъ наружной входной дверью еще „полудверь“—санга, она препятствуетъ входу холоднаго воздуха, когда открываютъ наружную дверь для выпусканія дыма. Печи съ трубами появляются обыкновенно у богатыхъ крестьянъ, которые выкупили свои участки. Съ улучшеніемъ отопленія идетъ и улучшеніе во внутренней обстановкѣ дома, въ которой эстонецъ стремится подражать помѣщикамъ [1].

Выше мы указывали, что крыша придаетъ особый характеръ эстонской избѣ. На всѣхъ домахъ, пишетъ М. П. Веске, крыши такъ называемыя „шатровыя“, четырехскатныя, при чемъ на узкихъ сторонахъ сдѣлано снаружи углубленіе, которое съ внутренней стороны представляетъ форму свода и называется *kelp* [2]. Къ балкамъ, составляющимъ основу крыши, прикрѣпляются жерди, лежащія параллельно стѣнѣ дома; на нихъ кладется солома она укрѣпляется деревянными рогатками, которыя ставятся сверху, на острый конецъ крыши (Гейкель, стр. 206).

Относительно способовъ устройства жилищъ у почти вымершихъ въ настоящее время ливовъ извѣстно очень мало; свѣдѣнія, хотя и далеко не полныя, но достаточныя для того, чтобы отыскать въ ливскомъ домѣ черты, общія жилищамъ остальныхъ финскихъ народностей, находятся въ статьѣ пастора Липпа [3]. Ворота ведутъ во дворъ, на одной сторонѣ котораго стоитъ клѣть, на другой — жилой домъ, обращенный къ внутренности двора своей длинной стороной; дальше стоятъ еще клѣть и кухня; за ними—помѣщеніе для скота, баня и рига. Дверь въ концѣ длинной стѣны жилого дома ведетъ въ сѣни — большое темное помѣщеніе безъ окна на глиняномъ полу устроенъ первобытный очагъ изъ камней. Дымъ проходитъ черезъ скважины крыши. Изъ сѣней дверь ведетъ въ собственно жилую комнату. Полъ въ послѣдней

---

1) А. Д. Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

2) Веске: Славяно-финскія культурныя отношенія, стр. 219, примѣч.

3) Lipp. Die Liven. Sitzungsb. d. Gel. Estn. Ges. zu Dorpat. 1889, стр. 94, 95.

обыкновенно досчатый, окна маленькія, потолокъ низкій. Печь, обыкновенно выбѣленная, находится въ углу, но прислонена только къ задней стѣнѣ, такъ какъ она отапливается изъ сѣней, которыя носятъ названіе *liesi-koda*; въ печи, въ части ея, выходящей въ жилую комнату, устраивается отдушникъ, прикрываемый кирпичомъ. По обѣимъ сторонамъ печи идутъ скамейки. Эти послѣднія поставлены и въ другихъ частяхъ комнаты; стулья рѣдки. Въ комнатѣ устанавливаются столъ, шкафъ, постель и пр.

Не имѣя въ распоряженіи другихъ, болѣе подробныхъ литературныхъ данныхъ о ливскомъ домѣ, мы затрудняемся сказать, слѣдуетъ-ли считать описанный пасторомъ Липпомъ типъ господствующимъ, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ онъ представляетъ много архаичныхъ чертъ, въ настоящее время уже утраченныхъ у большинства финскихъ народностей. Въ общемъ расположеніе хозяйственныхъ построекъ во дворѣ, обращеніе фасада и входа во дворъ у ливовъ являются характерными чертами устройства финскихъ домовъ. Въ планѣ дома не трудно отличить первобытный срубъ безъ сѣней, къ которому пристроена позднѣе комната. Въ этомъ отношеніи описанный типъ ливскаго дома является примѣромъ одного изъ простѣйшихъ способовъ расширенія жилого помѣщенія.

При описаніи устройства домовъ у западныхъ финновъ мы не останавливались подробно на формѣ печей, такъ какъ онѣ представляютъ собой много общаго и отличаются въ значительной степени отъ печей у волжскихъ финновъ. Въ исторіи развитія очага у финновъ можно наблюдать слѣдующія главныя формы развитія: первобытный очагъ замѣняется сначала чуваломъ, т.-е. очагомъ съ трубой или каменкой; развитіе этихъ послѣднихъ приводитъ къ печи, но сохраняющійся обычай готовитъ себѣ пищу въ котлахъ заставляетъ или вмазываетъ котелъ въ печь или передъ печью устраивать еще очагъ. Послѣдній обычай почти совершенно вышелъ изъ употребленія у нѣкоторыхъ волжскихъ финновъ (мордва, горные черемисы), по основательному мнѣнію г. Гейкеля, подъ русскимъ вліяніемъ, такъ какъ въ русскихъ избахъ не чувствуется нужды въ очагѣ, вслѣдствіе обыкновенія готовить себѣ пищу въ горшкахъ, которые прямо ставятся въ печь. У волжскихъ народностей, далѣе, подъ тѣмъ-же вліяніемъ русскихъ, печь ставится на бревенчатую раму. Указанными двумя чертами устройство печи

у восточныхъ финновъ разнится, по мнѣнію г. Гейкеля, отъ устройства ея на западѣ; далѣе, въ положеніи печи на западѣ сохранился болѣе древній обычай обращать устье печи къ двери, въ то время какъ восточные финны почти исключительно обращаютъ устье къ фасадной стѣнѣ, освѣщенной окнами. У эстовъ и финновъ (Гейкель, стр. 328—330), если откинуть отдѣльныя исключенія, является типичнымъ 1) то, что печь оставится непосредственно на полъ, такъ что бревенчатая рама не употребляется, и 2) что печь соединяется обыкновенно съ очагомъ, при чемъ послѣдній подвергся значительнымъ перемѣнамъ. Хотя очагъ въ первобытномъ своемъ видѣ общеупотребителенъ у эстовъ и въ Финляндіи, онъ въ своемъ развитіи достигъ формы, извѣстной въ Финляндіи подъ названіемъ *takka* (рис. 41). Этотъ типъ очага, относительно происхожденіи котораго изъ чувала едва-ли можетъ быть сомнѣніе, встрѣчается и у эстовъ, хотя наибольшаго развитія онъ достигъ и является общеупотребительнымъ въ юго-западныхъ частяхъ Финляндіи, т.-е. въ области, населенной тавастами, для жилища которыхъ онъ является особенно характернымъ. Соединеніе очага съ печью привело къ двумъ господствующимъ формамъ. Открытый очагъ устраивается *передъ* печнымъ устьемъ (рис. 42); надъ нимъ привѣшивается котелъ. Эта форма весьма часто встрѣчается у эстовъ и кореловъ, вслѣдствіе чего г. Гейкель даетъ ей, впрочемъ не совсѣмъ справедливое названіе *эстонско-корельской*. Дальнѣйшее развитіе этого типа у западныхъ финновъ привело къ появленію болѣе сложныхъ формъ печей, извѣстныхъ у эстовъ, кореловъ и финляндцевъ. Примѣрами могутъ служить рис. 43 и 44. Къ этому типу принадлежали, пишетъ г. Гейкель, и печи у волжскихъ финновъ въ прежнее время. „Онъ, несомнѣнно, возникъ уже въ древнее время, хотя утверждать, что онъ появился до раздѣленія славянами финновъ на восточныхъ и западныхъ и было-бы слишкомъ смѣлымъ“ [1]). Во всякомъ случаѣ его слѣдуетъ считать болѣе древнимъ, чѣмъ вторая форма, заключающаяся въ томъ,

---

[1]) Мы видѣли, что г. Гейкель отмѣчаетъ этотъ-же типъ у луговыхъ черемисовъ и видитъ слѣды его и у мордвы. Относительно послѣдней онъ ссылается на русскіе литературные источники, согласно которымъ оказывается, что въ прежнее время мордва готовила себѣ пищу исключительно въ котлахъ. Далѣе этотъ же типъ соединенія очага съ печью мы отмѣчали у вотяковъ, со словъ г. Бехтерева и г. Богаевскаго.

что *около* печи возводится очагъ *takka*, такъ что устья печи и очага отдѣлены стѣнкой (рис. 45). Эта форма продолжаетъ развиваться и принимать болѣе сложный видъ. Она является господствующей въ Остерботніи и извѣстна также и въ Скандинавіи, вслѣдствіе чего г. Гейкель даетъ ей названіе *скандинавско-остерботнійской*.

У описанныхъ нами восточныхъ и западныхъ финновъ мы могли отмѣтить одну общую черту, одну руководящую идею при расширеніи своего жилища; несмотря на кажущееся различіе достаточно анализировать планы, чтобы убѣдиться, что законы развитія современнаго типа жилья были одинаковы у разныхъ финскихъ народностей: преимущественное различіе заключается въ той ступени, на которой остановилось у различныхъ финскихъ народностей развитіе плана дома. Но это единообразіе касается преимущественно лишь плана и отчасти внутренняго устройства жилья. Если обратить вниманіе и на внѣшность, мы будемъ поражены существующими рѣзкими различіями въ устройствѣ домовъ по народностямъ. Въ предыдущемъ описаніи разныхъ типовъ домовъ мы неоднократно останавливались и на ихъ внѣшности, и достаточно бѣглаго взгляда на приложенные рисунки жилищъ мордвы, кореловъ и эстовъ, чтобы убѣдиться, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой особый отпечатокъ. Главная причина этихъ различій объясняется, конечно, вліяніемъ разнообразныхъ болѣе культурныхъ сосѣдей на финновъ. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ уясненію себѣ вопросовъ, въ чемъ собственно сказалось это вліяніе, укажемъ еще на нѣкоторыя черты, которыя внѣ зависимости отъ посторонняго вліянія накладываютъ особый отпечатокъ на характеръ жилища.

Намъ приходилось уже неоднократно отмѣчать, что финскія избы строятся изъ дерева; это объясняется прежде всего обиліемъ до послѣдняго времени лѣса въ большинствѣ областей, населенныхъ финнами. Однако тамъ, гдѣ лѣсъ оказывается дорогъ и гдѣ присутствіе камня это позволяетъ, финнъ пользуется этимъ послѣднимъ для возведенія если и не всего, то, по крайней мѣрѣ, значительной части своего дома. Мы видѣли, что эсты часть дома, назначенную для хозяйственныхъ нуждъ, возводятъ изъ камня и что даже *кота* ставится на каменную основу. Отсутствіе лѣса въ связи съ неудовлетворительнымъ экономическимъ положеніемъ препятствуетъ устройству тесовыхъ крышъ: у эстонцевъ только

самые богатые кроютъ свои дома тесомъ или черепицей; большинство бѣдныхъ ограничивается соломенной крышей. У олонецкихъ кореловъ, у которыхъ хлѣбопашество развито сравнительно слабо, мы видимъ, наоборотъ, что даже у бѣдныхъ крыши тесовыя: обиліе лѣса дѣлаетъ для корела доступной дорогую для эста крышу, которая корелу обходится дешевле, чѣмъ если-бы онъ пожелалъ покрыть свой домъ соломой, которую онъ употребляетъ на кормъ скоту [1]. Нѣкоторыя финскія народности отесываютъ бревна, идущія на постройку; другіе этого не дѣлаютъ, и это накладываетъ также особый отпечатокъ. Является-ли обычай отесывать бревна продуктомъ самостоятельнаго развитія, или заимствованія, рѣшить трудно. Далѣе, вслѣдствіе условій мѣстности, матеріаломъ для жилья служитъ дернъ, укрѣпляемый деревянными столбами: подобныя жилыя постройки встрѣчаются, по словамъ г. Гейкеля (стр. 251), въ Остерботніи. Несмотря на различіе въ матеріалѣ, онѣ ни въ планѣ ни во внутреннемъ устройствѣ не представляютъ рѣзкихъ уклоненій отъ обыкновенныхъ небольшихъ срубчатыхъ избъ. Различіе въ матеріалѣ, которымъ можетъ пользоваться финнъ для своего жилища, накладываетъ и отпечатокъ на устройство печи. Такъ, въ волжско-камскихъ областяхъ, гдѣ камень рѣдокъ, господствуютъ глинобитныя печи; въ Эстляндской и Олонецкой губ. и въ Финляндіи печи кладутся изъ камня. Какъ ни кажутся малозначущими указанныя различія, они, взятыя въ совокупности, придаютъ своеобразныя черты финскимъ домамъ по мѣстностямъ.

Изъ всѣхъ описанныхъ нами формъ жилищъ, встрѣчаемыхъ у разныхъ финскихъ народностей, только шалашъ и землянка, повидимому, появляются у финновъ безъ посторонняго вліянія. Вліяніе сосѣдей началось еще въ очень отдаленныя времена, и этому вліянію финны обязаны появленіемъ въ ихъ средѣ болѣе прочныхъ жилищъ—срубовъ. Мы видѣли, что для обозначенія послѣднихъ у

---

[1]) По даннымъ, собраннымъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, оказывается, что у кореловъ Олонецкой губ. нѣтъ ни одной крыши, крытой соломой. У эстовъ Эстляндской губ., гдѣ лѣсъ находится въ собственности у помѣщиковъ, преобладаютъ соломенныя крыши. Такъ, изъ 28383 деревянныхъ жилыхъ строеній—27644 крыты соломой, т.-е. слишкомъ 98%, а изъ 288 каменныхъ жилыхъ строеній соломой крыты 263, т.-е. 91,3%. Деревянныхъ крышъ считается всего на крестьянскихъ жилыхъ строеніяхъ 740, черепичныхъ—21 (изъ нихъ 13 на каменныхъ строеніяхъ) и 1 желѣзная.

черемисовъ употребляется слово—*pört*, у финляндскихъ финновъ *pört*, *pirtti*, у русскихъ лопарей—*пыртъ* (*пертъ*); у скандинавскихъ лопарей, финл. финновъ и кореловъ—*tupa*, у эстовъ и ливовъ—*tuba*; Алквистъ присоединяетъ къ этому, что слово *pert* употребляется и у вепсовъ въ значеніи избы, преимущественно курной. Какъ то, такъ и другое слово оказываются заимствованными. Что касается перваго названія, то Алквистъ [1]) замѣчаетъ, что въ мѣстностяхъ около Або этимъ именемъ (pirtti) называется баня; въ этомъ значеніи это слово перешло къ финнамъ изъ литовскаго, въ которомъ лит. *pirtis*, лат. *pirts*—значитъ баня, отъ глагола лит. perti, лат. *pert*—купаться, соотвѣтствующее русскому *парить*, *париться* отъ сущ. паръ. Фактъ, что слово *pirrti* имѣетъ такимъ образомъ два значенія *бани* и *жилого помѣщенія*, объясняется, по мнѣнію Алквиста, тѣмъ, что въ болѣе древнее время одно и то-же помѣщеніе служило и тѣмъ, и другимъ, какъ это въ настоящемъ еще встрѣчается у эстовъ. Къ лопарямъ это слово перешло черезъ посредство другихъ финскихъ народовъ. Давая такое объясненіе происхожденію слова *pört*, *pert* у финновъ, Алквистъ [2]) страннымъ образомъ выдѣляетъ черемисское *pört*, которое, по его мнѣнію, происходитъ отъ тюркскаго *gurt* путемъ замѣны *g* губнымъ *p* и не стоитъ ни въ какой связи съ финл. *pirtti*. Къ этому объясненію, кажется намъ, Алквистъ былъ вынужденъ прибѣгнуть въ виду того, что трудно было предположить вліяніе литовскаго племени на восточныхъ финновъ. Веске, [3]) считая также это слово заимствованнымъ, отодвигаетъ эпоху, когда заимствованіе произошло, къ періоду, когда славянскіе, литовскіе и германскіе языки составляли еще одно цѣлое; этимъ путемъ объясняется, по его мнѣнію, почему у восточныхъ и западныхъ финновъ встрѣчается одно и то-же названіе для обозначенія избы.

Названіе *tupa*, *tuba* является также заимствованнымъ изъ литовскаго. Лит. *stuba* перешло, по мнѣнію Доннера [4]), въ финскіе языки. По мнѣнію Алквиста, это слово перешло изъ германскаго,

---

1) Ahlquist: Die Kulturwörter d. Westfinnischen Sprachen. стр. 107, 108,
2) ib. стр. 105.
3) Слав.-финскія культурныя отношенія, стр. 215, 216.
4) O. Donner: Ueber d. Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen. 266.

нѣм. *Stube*, которое встрѣчается и въ литовскомъ въ формѣ *stubba* [1]) и отъ котораго нѣкоторые склонны производить и слав. изба, въ болѣе древней формѣ *истъба*. Наконецъ, Квигстадъ полагаетъ, что лопарями это слово заимствовано у скандинавовъ въ формѣ *stobo*, *stuobu*, *stuopie* и пр., для которыхъ образцомъ служило ст. норвеж. *stofa*, норв. *stova*. Впрочемъ, въ формѣ *toppe*, *tohpe*, *tupe* онъ считаетъ, повидимому, это слово заимствованнымъ лопарями черезъ посредство финляндскихъ финновъ. [2]) Далѣе употребительное у западныхъ финновъ для означенія жилища, хижины финск. и эст. *maja* ливск. *mai* или *moi*—Алквистъ, какъ и Доннеръ, считаютъ заимствованнымъ у латышей, у которыхъ слово *maja* имѣетъ то-же значеніе.

Въ то время какъ у западной группы финновъ, на основаніи данныхъ языка, искусство строить прочныя жилища—срубы появилось, повидимому, подъ вліяніемъ литово-латышскихъ и германскихъ сосѣдей у финновъ восточной группы оно, какъ кажется, развилось подъ вліяніемъ окружавшихъ ихъ тюркскихъ народностей: у мордвы, остяковъ и вогуловъ для означенія дома употребляется тюркское *юртъ*, *юрта*, у вотяковъ *gurt*, у зырянъ *gurt*, *gort* [3]), у черемисовъ *суртъ* [4]).

Если само искусство постройки болѣе прочныхъ жилищъ появилось у финновъ подъ вліяніемъ сосѣдей, то и дальнѣйшее развитіе жилища должно было совершаться преимущественно подъ вліяніемъ болѣе культурныхъ народностей, съ которыми финнамъ приходилось сталкиваться. Уже a priori возможно утверждать, что у восточныхъ финновъ развитіе жилища шло подъ вліяніемъ преимущественно тюркскихъ и славянскихъ сосѣдей. Прежде чѣмъ подтвердить это примѣрами, отмѣтимъ мнѣніе г. Гейкеля (стр. 108, 109), который усматриваетъ вліяніе германскихъ племенъ на восточную группу финновъ. Къ наиболѣе древнимъ формамъ жилищъ пишетъ онъ, принадлежитъ у волжскихъ народностей черемисская *куда* — четырехугольная постройка, передъ которой простирается навѣсъ, часто поддерживаемый столбами. Но этотъ типъ встрѣчается также и въ восточной Германіи, гдѣ онъ является

---

1) Ahlquist, 107.
2) Qvigstad: Nordische Lehnwörter im Lappischen, стр. 223.
3) Ahlquist, 105.
4) Смирновъ: Черемисы, 71.

основой сѣней нѣмецкаго дома. «Поэтому вѣроятно, что черемисы научились отъ своихъ прежнихъ германскихъ сосѣдей искусству строить вокругъ очага четырехугольное зданіе, при чемъ національное названіе было перенесено на новую форму постройки.» Вѣроятно, подъ вліяніемъ германцевъ появилось, по мнѣнію автора, и возвышеніе между печкой и стѣной (*kerspel*) устраиваемое въ избахъ у мордвы-мокши; по своей формѣ оно того-же происхожденія, какъ и скамейки *pallr* въ домахъ древнихъ скандинавовъ. Германскимъ вліяніемъ объясняется, далѣе по словамъ г. Гейкеля, названіе черемисами клѣтей тѣмъ-же словомъ *клѣтъ*, что поддерживается еще и самой формой клѣти, поставленной часто на столбахъ, хотя эта форма, замѣчаетъ авторъ, и является у многихъ народовъ крайне древней. «Германскимъ, наконецъ, можетъ считаться и принципъ устройства для различныхъ цѣлей различныхъ помѣщеній. Эта идея, по крайней мѣрѣ, господствуетъ какъ у скандинавовъ, такъ и у латышей. У волжскихъ финновъ этотъ скандинавско-латышскій принципъ выражается въ томъ, что у всѣхъ устраиваются отдѣльныя помѣщенія для животныхъ и для людей, и у черемисъ даже строится отдѣльная кухня, тогда какъ способъ постройки русскихъ славянъ, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ, стремится къ соединенію помѣщеній для скота и для людей подъ одну крышу, въ одно цѣлое».

Какъ ни является заманчивымъ объясненіе г. Гейкелемъ германскимъ вліяніемъ нѣкоторыхъ особенностей въ устройствѣ восточными финнами своихъ жилищъ, приведенные г. Гейкелемъ примѣры оказываются, однако, недостаточными. Принципъ который авторъ называетъ «скандинаво-латышскимъ» и который онъ противопоставляетъ русскому, является вообще широко распространеннымъ не только у финновъ, но и у тюрковъ, напр., башкиръ, иртышскихъ киргизовъ, когда они переходятъ къ осѣдлости, равно какъ и у казанскихъ татаръ, наконецъ, у русскихъ въ средней полосѣ Россіи, гдѣ экономическія условія и отсутствіе лѣса дѣлаютъ невозможнымъ возведеніе такихъ обширныхъ домовъ, какъ на сѣверѣ. Въ расположеніи различныхъ построекъ на дворѣ финна дѣло естественнѣе объясняется не вліяніемъ сосѣдей (въ случаѣ признанія вліянія, его было-бы проще приписать татарамъ или русскимъ), а самой исторіей развитія финскаго двора, когда съ одной стороны развившаяся жизнь требуетъ увеличенія числа хозяйствен-

ныхъ построекъ, а съ другой—неумѣнье строить большіе дома вынуждаетъ или обращать прежнія жилыя постройки въ хозяйственныя, или строить новыя, но небольшія. Что касается названія клѣти, тожественнаго у черемисовъ и у русскихъ, то, намъ кажется, естественнѣе думать, что черемисы заимствовали его у русскихъ, чѣмъ искать начало его употребленія у черемисовъ со времени жизни ихъ рядомъ съ германскими племенами—эпохи, относительно которой мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, подтверждаемыхъ данными черемисскаго языка. Что касается способа устройства клѣти на столбахъ, то, кромѣ приводимаго самимъ г. Гейкелемъ замѣчанія, что этотъ способъ постройки является общимъ и древнимъ у многихъ народовъ, противъ вліянія въ данномъ случаѣ германцевъ говоритъ еще фактъ, что амбары на столбахъ являются весьма распространенными у финскихъ народовъ, преимущественно у тѣхъ, которые въ развитіи жилища достигли наименьшаго развитія (напр., лопарей, вогуловъ, остяковъ), и что подобные амбары устраиваются зырянами около ихъ лѣсныхъ избушекъ, сохраняющихъ форму первобытныхъ срубовъ-бань. Эти амбары устраиваются часто на одномъ столбѣ, но часто они ставятся на четырехъ. О цѣли подобнаго поднятія первой хозяйственной постройки, которая появляется у многихъ финскихъ народностей, обусловливаемой охотничьимъ и рыболовническимъ бытомъ, мы говорили выше. Черемисская клѣть является, на нашъ взглядъ, только дальнѣйшимъ развитіемъ этого типа, когда потребности жизни заставляли строить эти помѣщенія большихъ размѣровъ, а измѣнившіяся условія перестали вынуждать поднимать постройку на высокіе столбы, вслѣдствіе чего черемисская клѣть ставится на невысокіе столбы. Что касается, наконецъ, устройства помѣщенія между печью и стѣной у мордвы-мокши (*kerspel*) и формы черемисскаго *куда*, къ которому г. Гейкель относитъ и *куалу* вотяковъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что появленіе этого возвышенія развилось у мордвы-мокши посредствомъ постепеннаго уничтоженія бывшаго на этомъ мѣстѣ и сохранившагося во многихъ избахъ спеціальнаго отдѣленія, слѣдовательно, вѣроятнѣе всего появилось у мордвы совершенно самостоятельно. Если первобытный черемисскій кудъ и похожъ по внѣшнему своему виду на первоначальный восточно-нѣмецкій домъ, то не слѣдуетъ забывать, что чѣмъ первобытнѣе жилище извѣстнаго народа, тѣмъ менѣе оно имѣетъ типичныхъ чертъ, отличающихъ его отъ подоб-

ныхъ-же жилищъ другого народа при существованіи одинаковыхъ климатическихъ условій. Такъ, напр., шалашъ (кота) скандинавскаго лопаря повторяется всецѣло хотя-бы въ чумахъ самоѣдовъ, въ юртахъ алтайскихъ тюрковъ и чукчей. Внѣшнее сходство жилищъ у разныхъ народовъ можетъ только тогда служить доказательствомъ вліянія одного народа на другой, когда мы имѣемъ передъ собой уже развитыя формы жилья, и когда это сходство сказывается на мелочахъ, при чемъ данныя языка объясняютъ, какимъ изъ двухъ народовъ сдѣлано заимствованіе. Въ частности устройство крыши «въ раму», типичное для черемисскихъ кудо и извѣстное также вотякамъ и пермякамъ, является вообще однимъ изъ наиболѣе примитивныхъ способовъ возведенія крышъ, извѣстныхъ, между прочимъ, и русскимъ крестьянамъ нѣкоторыхъ мѣстностей.

Языкъ восточныхъ финновъ свидѣтельствуетъ, что въ числѣ прочихъ заимствованій они и при развитіи своего жилища много почерпнули отъ своихъ тюркскихъ сосѣдей.

И. Н. Смирновъ въ своихъ трудахъ о черемисахъ и вотякахъ [1]) приводитъ нѣсколько словъ, несомнѣнно, заимствованныхъ этими народами изъ тюркскаго: дворъ вот. *азбар*, черем. *сарай*, ворота вот. и черем. *капка*, баня—вот. *мунго*, черем. *монча*, полати—вот. *сендыра*, черем. *сюндере*, полъ деревянный — черем. *кюбар*, печь—черем. *комага, камака*, погребъ—черем. *нореп*, комнаты въ избѣ—вот. *бульми*, лавки—вот. *кибеть*, косяки оконъ вот. *јонак*, рамы—вот. *сарандык*, изгородь — черем. *пахча*, хлѣвъ—черем. *вюташь*, скамья—чер. *шеньчел*, стулъ—черем. *тюкень*.

Приведенный перечень, конечно, далеко не полонъ, но онъ достаточенъ, чтобы сдѣлать вопросъ о вліяніи тюркскихъ народностей на жилище вотяковъ и черемисовъ беспорнымъ. Сила вліянія тюркскихъ сосѣдей на финновъ становится еще яснѣе, если принять во вниманіе, что заимствованія названій частей жилища являются лишь частью среди общаго запаса словъ, заимствованныхъ черемисами и вотяками у тюрковъ. „Безъ большой ошибки можно заключить, пишетъ И. Н. Смирновъ, что и вещи, которыя черемисинъ обозначилъ заимствованными словами, онъ также заимствовалъ у болѣе развитыхъ сосѣдей.“ „Языкъ, пишетъ тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ, „знакомитъ насъ съ тѣмъ вліяніемъ, которое

---

[1]) Смирновъ. Черемисы, стр. 20. 21, 70—73. Вотяки, стр. 90,

имѣли татары на обстановку вотской избы". Если, слѣдуя его указаніямъ, наблюдатель сравнитъ татарскую и вотскую избы, гдѣ оба народа живутъ рядомъ, онъ увидитъ полное сходство той и другой. Въ настоящее время проводниками тюркскаго вліянія оказываются татары и башкиры. Но г. Смирновъ относитъ начало его къ болѣе отдаленному періоду, приписывая его болгарамъ. Въ пользу этого предположенія говорятъ археологическія находки, свидѣтельствующія, что болгары уже давно находились въ соприкосновеніи съ сосѣдними имъ финнами, а также и тотъ фактъ, что у восточныхъ и западныхъ черемисовъ заимствованныя изъ тюркскаго слова одинаковы, хотя западные черемисы не приходили въ частыя непосредственныя отношенія съ татарами. „По своему звуковому составу", пишетъ тотъ-же авторъ, „большая часть нетатарскихъ заимствованій у черемисовъ тождественна съ словами языка чувашей", которыхъ авторъ склоненъ считать за потомковъ болгаръ, и которые, если считать ихъ тюркизированными финнами, приняли тюркскій языкъ, повидимому, до татарскаго нашествія.

Въ устройствѣ черемисской избы вліяніе татарское сказалось, по мнѣнію г. Гейкеля (стр. 64, 66), въ устройствѣ очень широкой скамьи въ дверномъ углу и называемой kurnik olmangȧ, а также въ обычаѣ луговыхъ черемисовъ вмазывать котелъ въ печь, обычай, замѣнившій собой распространенное у многихъ финновъ—обыкновеніе подвѣшивать котелъ на крюкѣ надъ очагомъ, устраиваемымъ передъ печью; этотъ обычай не вполнѣ еще вывелся у волжскихъ финновъ.

Въ настоящее время черемисы и вотяки въ значительной степени подвергаются и русскому вліянію. Во многихъ мѣстностяхъ представители того и другого племени утрачиваютъ свою національность. Но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ассимиляціонный процессъ еще не подвинулся впередъ, большое количество заимствованныхъ изъ русскаго языка культурныхъ словъ свидѣтельствуетъ о значительности вліянія русскихъ, которое, между прочимъ, отразилось и на названіяхъ частей жилища. М. П. Веске считаетъ заимствованными вотяками отъ русскихъ слѣдующія названія: гумно—*koomina*, окно—*akkuna*, ворота—*wärjä*; Алквистъ производитъ послѣднее слово отъ русскаго *верея*; М. П. Веске полагаетъ, что оно образовалось изъ древне-славянской формы *vrata*, причемъ первый гласный въ финскомъ словѣ служилъ лишь для устраненія

неудобнаго сочетанія двухъ согласныхъ звуковъ въ началѣ слова. Эпоху заимствованія авторъ склоненъ относить къ древнѣйшимъ временамъ [1].

Многія названія, приводимыя г. Гейкелемъ при описаніи имъ черемисскаго жилища, свидѣтельствуютъ о своемъ русскомъ происхожденіи: овинъ—*awnjá*, лавки въ банѣ—*lapkà wal*, чуланъ (отдѣленіе въ комнатѣ, въ которомъ готовятъ пищу)—*čulan*, *kühnja*, кутникъ (ящикъ)—*kutnik*, горшокъ безъ дна, вставляемый надъ дымовымъ отверстіемъ въ качествѣ трубы—köršök, клѣть—*klet*, сусѣкъ и ларь—*susek* и *lar*, горница—*körnitsa* и быть можетъ и хлѣвъ—*liwäs*. И. Н. Смирновъ [2]) отмѣчаетъ слѣдующія заимствованія черемисами у русскихъ: окно—*окня*, косякъ на окнахъ—*косакъ*, подушки и полицы на окнахъ — *подушкà* и *полиця*; расписные наличники—*красна окна.* Къ этому перечню можно прибавить чер. *stona* — русск. *стѣна* [3]). Болѣе близкое знакомство съ устройствомъ вотяцкой и черемисской избы лишь подтверждаетъ свидѣтельства языка и въ значительной степени дополняетъ ихъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ сосѣдями вотяковъ являются русскіе устройство вотяцкихъ избъ приближается къ русскому типу. То-же, по словамъ И. Н. Смирнова [4]), замѣчается и въ ихъ внутреннемъ убранствѣ. Русскимъ вліяніемъ объясняется далѣе устройство окна на улицу, описанное нами у вотяковъ, черемисовъ и мордвы; въ мѣстностяхъ, гдѣ русское вліяніе сильно, избы этихъ народовъ вообще выходятъ окнами на улицу. Положеніе печи въ избѣ измѣнилось подъ вліяніемъ русскихъ: въ черемисскихъ избахъ печь первоначально ставилась, по основательному мнѣнію г. Гейкеля, въ углу, но устьемъ къ двери, черезъ которую проникалъ свѣтъ; подъ вліяніемъ русскихъ она перемѣстилась устьемъ къ стѣнѣ, противоположной входу. Эта-же перемѣна замѣчается и у вотяковъ. Первоначальная черемисская клѣть на столбахъ приняла также мѣстами русскую форму. Пристройка къ черемисскому пёрту бѣлой избы совершилась подъ русскимъ вліяніемъ; въ пользу этого говоритъ какъ названіе ея—*körnitsa*, такъ и названія частей оконъ,

---

1) Веске: Славяно-финскія культ. отношенія, стр. 191, 249, 255, 256.
2) Смирновъ: Черемисы, стр. 73.
3) Ahlquist: Die Kulturwörter, стр. 107.
4) Смирновъ: Вотяки, стр. 90.

приводимыхъ г. Смирновымъ, которыя относятся именно къ окнамъ въ бѣлой избѣ. Убранство послѣдней приближается до мелочей къ убранству русской избы. Г. Гейкель (стр. 104) высказываетъ мнѣніе, что даже вообще обычай устраивать къ пёрту пристройки появился подъ вліяніемъ русскихъ, даже когда къ сѣнямъ пристраивается не горница, а клѣть: названіе, которое горные черемисы даютъ такому соединенному строенію—swäz (связь), служитъ подтвержденіемъ этого. Отгораживанье части избы перегородкой слѣдуетъ приписать тому-же русскому вліянію, какъ то доказывается названіемъ отгороженнаго мѣста—*čulan*, *kuchnja*. Въ мѣстностяхъ, гдѣ черемисы въ значительной степени подверглись вліянію русскихъ, ихъ избы трудно отличить отъ избъ послѣднихъ; единственное различіе въ этомъ случаѣ заключается, по словамъ г. Гейкеля (стр. 75), въ томъ, что на черемисскомъ дворѣ продолжаетъ сохраняться *кудъ*, употребляемый въ качествѣ кухни, чего нѣтъ на дворѣ русскаго.

У мордвы вліяніе русскихъ сказывается съ еще большей силой. Количество названій, заимствованныхъ мордвою у русскихъ для означенія построекъ и частей ихъ, крайне значительно. У г. Гейкеля, при описаніи имъ мордовской избы, мы встрѣчаемъ слѣдующія русскія названія: стѣна дома—*стѣна*, порогъ—*poroft*, косякъ—*kosjak*, *kosäk*, доска—*plastina*, труба—*труба*, ставня—*staven*, печь—*pěčkä patòrka*, столбъ у печки—*stolbänä*, кровать—*krawat*, лавки—*лавище*, полати—*полаты*, *polók lango*, коникъ (скамейка)—*konik*, часть коника—*bóranka*, брусъ, идущій отъ печи къ стѣнѣ—*brusok*, *брусъ*, брусъ поперекъ всей избы—*matka*, перегородка около печи—*laznitza*, чуланъ—*čölan*, подполье—*подполье*, скамейка—*скамейка*, слега—*slegà*, прясла—*präsla*, боковыя украшенія на лицевой части крыши—*kriljo* (крыло), конекъ на крышѣ—*kanjok*, перекладъ (на полу)—*pereklade*, заборъ—*zabor*, мѣсто, гдѣ варятъ пищу въ избѣ—*powarnja*, баня—*banja*, токъ (расчищенное мѣсто для молотьбы)—*tingé*, одонье (кадь для хлѣба)—*adonjä*, скотная изба—*skotnoi kudo*. Кромѣ того, по Алквисту, стекло—*stókla*, кирпичъ—*kirpits'* [1]).

Кромѣ устройства русской бѣлой избы около болѣе древняго *кудо*, прорубанія окна въ лицевой сторонѣ дома, выходящей

---

1) Ahlquist, стр. 107, 133.

на улицу, постановки во многихъ избахъ печи устьемъ къ стѣнѣ, противоположной двери, — русское вліяніе, кромѣ подробностей обстановки, выразилось, по мнѣнію г. Гейкеля, еще въ устройствѣ половъ. Въ болѣе первобытныхъ избахъ доски стелются прямо на земляной полъ; подъ вліяніемъ русскихъ долсчатый полъ стелется на бревенчатый накатъ. Этимъ-же вліяніемъ г. Гейкель объясняетъ, что въ *кудо* мордвы-мокши начали устраивать нижній этажъ-подполье, тогда какъ первоначальный *кудо* представлялъ простой срубъ съ землянымъ поломъ. Устройство подполья употребительно и у другихъ волжскихъ финновъ. Въ наибольшей степени русское вліяніе сказалось на украшеніяхъ крыши, наличниковъ оконъ и въ устройствѣ коника (скамьи); небезъинтересенъ фактъ, что во многихъ мѣстностяхъ, у русскихъ крестьянъ, даже живущихъ въ областяхъ, гдѣ у мордвы встрѣчаются коники съ рѣзными боранками (рис. 23), коники дѣлаются совершенно просто и лишены украшеній. Между тѣмъ, русскія названія ихъ у мордвы доказываютъ ихъ русское происхожденіе. Мы имѣемъ, слѣдовательно, здѣсь продуктъ болѣе древняго вліянія на мордву со стороны русскихъ сосѣдей, когда у послѣднихъ скамья, называемая коникомъ, въ устройствѣ своемъ еще соотвѣтствовала своему названію. То же, повидимому, слѣдуетъ сказать и относительно облицовки печи и украшеній оконныхъ наличниковъ и крыши у мордвы-мокши (рис. 34—38, 44—45). Г. Гейкель совершенно справедливо замѣчаетъ, что большинство мотивовъ рѣзныхъ украшеній основаны на трехъ—и четырехугольникахъ, но въ нихъ встрѣчаются украшенія и съ прямыми и кривыми линіями; болѣе сложныя формы украшеній слишкомъ разнообразны, такъ что онѣ не могли возникнуть послѣдовательно изъ трехъ—и четырехугольниковъ; на нихъ не наложило отпечатка общее съ другими родственными народами развитіе, вслѣдствіе чего они вѣроятно въ большинствѣ случаевъ заимствованы, какъ и стекольчатыя окна, у русскихъ. То, что для г. Гейкеля является только вѣроятнымъ, получаетъ характеръ очевидности при сравненіи мордовскихъ рѣзныхъ украшеній съ русскими въ другихъ мѣстностяхъ. Въ настоящее время у русскихъ крестьянъ эти украшенія постепенно исчезаютъ, хотя въ названіяхъ и сохраняются воспоминанія о нихъ. Этимъ слѣдуетъ объяснить, что у мордвы-ерзи, въ жилищахъ которой г. Гейкель видитъ гораздо больше русскаго вліянія, чѣмъ въ избахъ мордвы-мокши, этихъ украшеній гораздо

меньше, такъ что коникъ у нихъ представляетъ часто простую ничѣмъ не украшенную скамью, облицовка печи съ рѣзными украшеніями гораздо бѣднѣе, а конёкъ на крышѣ сохранилъ только названіе, но уже ничѣмъ не украшенъ.

Не только украшенія на крышахъ, но и само появленіе двускатныхъ крышъ въ ихъ современномъ видѣ, какъ у мордвы, такъ и у черемисовъ и вотяковъ, повидимому, слѣдуетъ приписать русскому вліянію. Постройка срубомъ, которую восточные финны заимствовали у тюрковъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ имѣла плоскую крышу или слегка односкатную: мы ее застаемъ, какъ это было указано нами выше, еще у лопарей, зырянъ, пермяковъ, остяковъ, вогуловъ и отчасти вотяковъ.

Улучшеніе жилого помѣщенія совершается, какъ мы видѣли, во многихъ случаяхъ подъ русскимъ вліяніемъ, и наименѣе культурныя финскія племена, какъ, напр., лопари, остяки и вогулы, непосредственно переходятъ отъ юрты съ плоской крышей къ русскимъ избамъ и крышей двускатной. У вотяковъ, черемисовъ и мордвы двускатная крыша устраивается совершенно такимъ-же способомъ, какъ и у русскихъ, причемъ не трудно прослѣдить это сходство даже въ мелочахъ, и фактъ, что именно этотъ видъ крышъ является господствующимъ въ русскихъ избахъ въ мѣстностяхъ по средней Волгѣ и по нижнему теченію Камы, заставляетъ предполагать, что финны заимствовали ее у русскихъ. Названіе крыши у финновъ—вполнѣ самостоятельное, но оно имѣетъ значеніе крыши вообще, вслѣдствіе чего возможно предположеніе, что названіе, придаваемое болѣе первобытной крышѣ, перешло и на болѣе сложно устраиваемую. Говоря о заимствованныхъ формахъ крышъ, мы отнюдь не хотимъ отрицать возможности, что вообще не плоскія крыши развились во многихъ мѣстахъ у финновъ самостоятельно. Напротивъ того, есть основаніе думать, что путемъ дальнѣйшаго развитія шалаша, финны естественно пришли къ искусству устраивать себѣ болѣе сложные типы крышъ. Такъ, г. Гейкель совершенно основательно указываетъ (стр. 321), что первоначальная крыша образовалась изъ т. ск. постановки первобытнаго шалаша на болѣе прочную основу, какъ это мы видѣли въ эстляндской кухнѣ съ о-ва Даго (рис. 1) и какъ это встрѣчается, по словамъ Дюбена, и у лопарей, когда основаніемъ вѣжи является нѣсколько балокъ, т.-е. зародышъ сруба. Совершенно то-же

мы встрѣтили у остяковъ въ той формѣ ихъ зимней юрты, которая покрывается остроконечной крышей, воспроизводящей первобытный берестяной чумъ. Эта первобытная крыша могла дать при своемъ дальнѣйшемъ развитіи болѣе сложные типы, которые могли появиться самостоятельно у разныхъ финскихъ народностей. Къ этимъ типамъ, какъ кажется, слѣдуетъ отнести и крышу черемисской куды (рис. 7), „которая сдерживается рамой изъ двухъ жердей, наложенныхъ на крышу поперекъ драницъ и скрѣпленныхъ по двумъ концамъ досками". Этотъ послѣдній типъ г. Смирновъ отмѣчаетъ, какъ встрѣчающійся на домахъ у пермяковъ (Пермяки, стр. 194).

Заимствованіе украшеній крыши отъ русскихъ можетъ лишь подтверждать высказываемое предположеніе о заимствованіи отъ нихъ-же и умѣнья строить двускатную крышу. Это предположеніе находитъ себѣ и извѣстное подтвержденіе въ томъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ господствующей формой крыши у русскихъ является четырехскатная, сосѣди-финны устраиваютъ себѣ также крышу на четыре ската. Характернымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ могутъ служить жилища пермяковъ. Въ ихъ избахъ, пишетъ И. Н. Смирновъ [1]), подъ русскимъ вліяніемъ явились лавы, лавицы—*вабичь*, отдѣльный отъ крыши потолокъ съ матицей—*матичја*, полати—*повать*, печь—*paťš*, изба стала строиться съ подъизбицей, голбцемъ—*голубничја*.

Проводя параллель между пермяцкой избой и избой русскаго крестьянина Казанской губ., г. Смирновъ отмѣчаетъ, что составныя части въ первой тѣ-же, что и во второй; отличіе заключается лишь въ томъ, что размѣры пермяцкой избы больше и выше. Вслѣдствіе этого, напр., на полатяхъ у пермяковъ можно свободно стоять. Подъ вліяніемъ русскихъ появилась и двускатная крыша, конецъ шелома которой обработанъ въ видѣ конской головы. И. Н. Смирновъ, повидимому, склоненъ приписывать происхожденіе охлупня самостоятельному развитію пермяковъ, путемъ заимствованія ими этого мотива изъ т. н. „чудскихъ" вещей, причемъ допускается, однако, также возможность, что онъ занесенъ русскими съ сѣвера. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ лучшій отвѣтъ дается самимъ названіемъ этой части крыши—о х л у п е н ь, которое, по Далю,

---

[1]) Смировъ. Пермяки, стр. 145, 194.

извѣстно на востокѣ, сѣверѣ и въ Сибири и означаетъ конекъ крыши, причемъ само слово происходитъ отъ сущ. охлупь—арх. шнк. кровля, крыша, либо только верхняя часть ея, конекъ. Повидимому, это заимствованіе произошло уже давно, такъ какъ въ настоящее время сосѣдніе съ пермяками русскіе строятъ себѣ болѣе простую четырехскатную крышу, которую вообще въ исторіи развитія послѣдней, повидимому, слѣдуетъ считать предшествующей двускатной. Мы не знаемъ, отчего произошелъ этотъ регрессъ въ устройствѣ крышъ у русскихъ; вѣроятно, здѣсь могли дѣйствовать тѣ-же причины, которыя заставили русскихъ по среднему теченію Волги перейти отъ рѣзныхъ коников и рѣзныхъ украшеній къ болѣе простымъ, лишеннымъ украшеній формамъ. Вслѣдствіе этого двускатная пермяцкая крыша рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ея съ русской, что вѣроятно и дало поводъ г. Смирнову ошибочно считать ее національной пермяцкой. Въ настоящее время эти крыши сохраняются именно въ мѣстностяхъ, гдѣ обрусѣніе пермяковъ сдѣлало наименьшіе успѣхи; гдѣ, наоборотъ, пермякъ болѣе всего теряетъ свою національность, онъ бросаетъ свою двускатную крышу и замѣняетъ ее четырехскатной. [1]) Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ то-же любопытное явленіе, какъ и у мордвы: какъ мордва-мокша переняла въ украшеніи крышъ русскіе мотивы и продолжаетъ ихъ хранить и тогда, когда ея учителя-русскіе уже перестали ихъ употреблять, такъ и пермяки хранятъ, какъ форму, такъ и украшенія своей крыши, заимствованныя отъ русскихъ, и тогда, когда эти послѣдніе перешли къ простымъ четырехскатнымъ крышамъ; какъ у мордвы-ерзи мы встрѣчаемъ, что при усиленіи русскаго вліянія на нее, она воспринимаетъ отъ русскихъ уже болѣе простыя, менѣе развитыя формы украшенія конька и печи, такъ какъ это вліяніе является болѣе позднимъ, такъ и современные пермяки забрасываютъ свою болѣе развитую форму крыши и переходятъ къ болѣе простой въ своемъ стремленіи подражать русскимъ.

Вполнѣ очевиднымъ становится русское вліяніе на финскія постройки у зырянъ и кореловъ. Здѣсь оно сказывается въ наибольшей степени и не только въ отдѣльныхъ частяхъ построекъ, но во всемъ своемъ цѣломъ, даже въ планѣ. Изъ приведеннаго выше описанія зырянскихъ и корельскихъ жилищъ ясно, что они

---

[1]) Ib., стр. 173.

рѣзко отличаются отъ остальныхъ финскихъ и образуютъ какъ-бы особую группу: въ нихъ мы видимъ доведенное до полнаго развитія стремленіе уничтожить понятіе двора, или, лучше сказать, соединенія всего двора подъ одной кровлей съ жилымъ помѣщеніемъ,—принципъ, стоящій въ рѣзкой противоположности съ обычаемъ у другихъ финскихъ народностей разбрасывать по двору отдѣльныя хозяйственныя постройки. Въ названіяхъ отдѣльныхъ частей зданія, приводимыхъ г. Гейкелемъ, у русскихъ кореловъ уже замѣчаемъ сравнительно большое вліяніе русскихъ: сѣни—*sentja*, *kalidor*, голбецъ—*kolpitsa*, корзина (часть дома)—*karsina*, доска съ грубой рѣзьбой—*koniska*, сарай, постель—*pola* (полка). У зырянъ—горница, ворота—*vöröta*, стѣна—*sten*, стекло—*stekla* [3]).

Если сравнить избы русскихъ съ таковыми-же зырянъ и русскихъ кореловъ, нельзя не замѣтить между ними полнаго сходства; существующія различія заключаются только въ мелочахъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что избы русскихъ на сѣверѣ представляютъ рѣзко отличающійся отъ жилыхъ построекъ другихъ мѣстностей типъ. Его принято называть „новгородскимъ", такъ какъ онъ получилъ наибольшее развитіе и распространеніе въ древнихъ новгородскихъ областяхъ, въ мѣстностяхъ, которыя были заселены выходцами изъ Новгорода. Въ развитомъ видѣ новгородскій типъ построекъ встрѣчается, какъ общеупотребительный, у русскихъ крестьянъ Олонецкой, Вологодской и многихъ частей Архангельской губ. Отсюда понятно, что именно этотъ типъ долженъ былъ развиться и у зырянъ, олонецкихъ и архангельскихъ кореловъ. Сходство между зырянскимъ домомъ и русскимъ настолько велико, что Кл. А. Поповъ считаетъ возможнымъ замѣтить: „нынѣшнее устройство избы зырянина, со всѣми ея принадлежностями, кромѣ несущественной—окна въ печкѣ—чисто русское и... слѣдовательно, постоянныя, прочныя жилища зыряне стали строить послѣ того, какъ познакомились съ русскими". [4]) Послѣднее замѣчаніе вполнѣ справедливо, поскольку оно касается типа современныхъ зырянскихъ избъ; что же касается перехода вообще къ болѣе прочнымъ жилищамъ, то, какъ это было указано выше, онъ, повидимому, совершился подъ ближайшимъ вліяніемъ тюркскихъ народовъ. Зыряне

[3]) Веске, стр. 255, 256; Ahlquist, стр. 107, 113.
[4]) К. А. Поповъ: Зыряне и зырянскій край, стр. 12.

называютъ свое жилище—керка, названіе употребительное у пермяковъ (керку) а также и у вотяковъ; у послѣднихъ въ формѣ корка. Алквистъ [1]) склоненъ сближать это названіе съ финск. *kylä*, первоначальное значеніе котораго—дворъ. Но намъ кажется, что И. Н. Смирновъ болѣе правъ, отмѣчая, что слово керъ означаетъ бревно; что же до окончанія *ка, ку*, то онъ высказываетъ предположеніе, что оно стоитъ близко къ вотяцкому *куа* съ одной стороны и *куд, куда, кот*, въ другихъ финскихъ нарѣчіяхъ съ другой. Сочетаніе слова *кота* съ словомъ, обозначающимъ матеріалъ, изъ котораго сдѣлана постройка, имѣетъ мѣсто въ архитектурной терминологіи западныхъ финновъ, такъ что можно думать, что по этому-же типу построены и пермяцкія названія; слѣдовательно, керку(-а) означало-бы бревенчатую постройку [2]).

Въ избахъ олонецкихъ и архангельскихъ кореловъ вліяніе русскихъ не меньше, чѣмъ въ зырянскихъ постройкахъ: послѣднія въ своемъ развитомъ видѣ повторяютъ русскія избы, и здѣсь отличительныя черты слѣдуетъ искать или въ бѣдныхъ постройкахъ или въ мелочахъ. У архангельскихъ кареловъ, какъ было нами указано, вліяніе русскихъ измѣнило даже мѣстами свойственное финскимъ народамъ безпорядочное расположеніе построекъ въ деревнѣ; послѣднія строятся, мѣстами по крайней мѣрѣ, какъ и русскія, въ рядъ. Печь устраивается по русскому образцу, устьемъ къ фасадной стѣнѣ. Русское вліяніе сказалось и въ поднятіи печки на деревянную раму—способъ, который г. Гейкель основательно считаетъ чуждымъ финскимъ племенамъ и заимствованнымъ у русскихъ, какъ волжскими финнами, такъ и корелами. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что русскіе корелы сохранили обычай устраивать передъ печнымъ устьемъ открытый очагъ, надъ которымъ на крюкѣ виситъ котелъ; сохраненіе очага передъ печкой является интереснымъ переживаніемъ, общимъ большинству западныхъ финновъ. Но въ болѣе бѣдныхъ избахъ, какъ это выяснилось изъ предшествовавшаго описанія, сохранилось въ устройствѣ избъ еще много первобытныхъ чертъ, и какъ еще объ одномъ интересномъ переживаніи именно періода, когда оконъ корелы еще не знали, напомнимъ объ обычаѣ заколачивать окна зимою досками на-глухо.

---

[1]) Ahlquist, стр. 105.

[2]) Смирновъ: Пермяки стр. 127.

чѣмъ ближе корелы живутъ къ русскимъ, тѣмъ вліяніе послѣднихъ на ихъ постройки больше и, наоборотъ, чѣмъ ближе подвигаться къ границамъ Финляндіи, тѣмъ болѣе корельскія жилища удаляются отъ т. н. новгородскаго типа и приближаются къ общефинскимъ: зданія становятся одноэтажными, хозяйственныя постройки разбрасываются по двору, и въ жилищѣ корела начинаютъ сказываться преимущественно тѣ-же вліянія, какія сказываются на устройствѣ жилыхъ помѣщеній у ихъ западныхъ сосѣдей.

Вліяніе литово-латышскаго племени на финляндцевъ, эстовъ и ливовъ выразилось въ заимствованіи слѣдующихъ словъ: заборъ, выгонъ для скота—фин. *tarha*, эст. *tara*, лив. *tara* находитъ себѣ объясненіе въ лит. *daržas*, лат. *dars*—садъ; стѣна—финск. *seinä*, эст. и вепск. *sein*, лив. *saina*, лоп. *säidne*—въ лит. *sëna*, лат. *zena*—стѣна [1]). Съ этимъ соглашается и Алквистъ, хотя и признаетъ возможнымъ заимствованіе названія стѣны и отъ славянскихъ языковъ [2]). Изъ литово-латышскаго объясняется также названіе досчатаго пола: эст. — *sild*, лоп. — *saldde*, хотя оно собственно означаетъ мостъ; это слово заимствовано изъ лит.-лат. *tiltas*, *tilts*—мостъ. Конюшня—финск. *talli*, эст. и лив.—*tal'l'*—изъ лит. *staldas*, лат. *stallis*, хотя это слово могло перейти и изъ нѣмецкаго—*Stall*.

Изъ германскихъ языковъ, по мнѣнію Алквиста, заимствованы западными финнами слѣдующія слова: очагъ (чувалъ)—финск. *takka*—отъ шведск. *stake*, *stakka*, *stäck*—очагъ, которое перешло въ лопарскій языкъ въ формѣ *stak* и, по мнѣнію автора, быть можетъ, перешло черезъ посредство лопарей къ тавастамъ; печка—финск. *uuni*, лоп. *vuobne* и *omn*—отъ сканд. *ugn*, *ovn* или *ovne*—названіе, которое является родственнымъ лат. *uguns*, лит. *ugnis*, слав.—*огонь*. Передняя часть печки—финск. *arina* отъ шведск. *äril*, *ären*, *ärn*, *arne* въ древн. сканд. *arinn*; кирпичъ и известь, употребляемые при устройствѣ печи; — финск. *tiili*, эст. *teiliskivi*, лив. *tägel*, лоп. *tigal* — отъ герм. *Tegel*, *Ziegel*; финск. *kalkki*, ливск.—*kalka* и *kal'k*, лоп. *kalk* изъ герм. *Kalk*. Навѣсъ для скота—финск. *tanhut*, *tanhua*, эст. *tanw* и *tanav*, вепск. *tannas* — отъ

---

1) O. Donner. Ueber d. Einfluss der litauischen auf die finn. Sprachen, стр. 264, 266.

2) Ahlquist, стр. 107.

3) Ib., стр. 109, 110, 119.

шведск. *taun*, *täun*, *tun* (нѣм. *Zaun*)—заборъ, огороженное мѣсто; въ томъ же значеніи финск. *kuja* — отъ шведск. *kuja* или *kya*. Садъ, огороженное мѣсто—фин. *ryytimaa*, отъ швед. *krydda* и финск. *maa*—земля; въ томъ же значеніи финск. *trekooli* отъ швед. *trädgard*. Ворота финск. *portti*, лоп. *portta* — отъ шведск. *port*. Къ древнѣйшимъ заимствованіямъ Алквистъ относитъ финск. *kartano*, лоп. *garden*, лив. *karand* или *korand*—дворовое мѣсто, дворъ. Это названіе, пишетъ онъ, очевидно германскаго происхожденія; объясненіе его слѣдуетъ искать въ шведск. *gard*, въ болѣе древнемъ и народномъ языкѣ *gard*, ан. *gardr*, гот. *gards*, нѣм. *Garten*, съ прибавленіемъ окончанія *no*, которое часто встрѣчается въ существительныхъ, означающихъ мѣсто. Это означаетъ собственно ограду и встрѣчается въ слав. *городъ*, *огородъ*, *городитъ* и пр. Арійское происхожденіе этого слова не подлежитъ сомнѣнію, но и въ финскомъ оно очень старо, такъ какъ оно перешло изъ языка кореловъ Біарміи въ зырянскій, а оттуда за Уралъ, къ вогуламъ, живущимъ по Сосьвѣ, и къ сѣвернымъ остякамъ, въ языкѣ которыхъ оно встрѣчается въ формѣ *karta*—дворъ, скотный дворъ [1]). Въ этомъ же значеніи мы встрѣчаемъ это слово (*karta*) у пермяковъ; въ формѣ *каръ* оно служило въ XVI и XVII вв. для обозначенія городища; въ настоящее время пермяки во многихъ мѣстностяхъ перестали понимать его, но съ былымъ своимъ значеніемъ оно сохраняется до настоящаго времени у вотяковъ и зырянъ [2]). Названіе сарая финск. *lato*, лоп. *lado* Алквистъ производитъ отъ шведск. *lada*, нѣм. *Lade*, отъ глагола шведск. *lada*, нѣм. *laden*; это слово, замѣчаетъ онъ, проникло даже въ мордовскій языкъ, гдѣ оно встрѣчается въ формахъ *lata*, *lato*. „Это слово не является въ мордовскомъ единственнымъ заимствованнымъ словомъ готскаго происхожденія" [3]). Веске относительно приведеннаго объясненія слова *lato*, *lata* замѣчаетъ: „значеніе словъ не позволяетъ намъ вполнѣ соглашаться съ мнѣніемъ Алквиста и болѣе говоритъ въ пользу заимствованія финскаго слова изъ русскаго языка. „Онъ объясняетъ финск. *lato*, амбаръ, овинъ, житница, эст. ladu(o) и мокша-морд. *lata* съ тѣмъ-же значеніемъ, изъ корня *klad*, русск. класть, складывать, кладовая [1]). Наконецъ, нѣмецкимъ, и вѣроятно

---

1) Ahlquist, стр. 109, 114, 115, 117—119, 123, 124.
2) Смирновъ: Пермяки, стр. 131.
3) Ahlquist, 119.

довольно позднимъ, вліяніемъ объясняется названіе эстонцами комнатъ, пристраиваемыхъ къ основной тубѣ — *каммеръ*. Окно — лоп. *vindek*—Алквистъ объясняетъ изъ датско-норв. *vindue*. Квигстадъ съ большимъ, на нашъ взглядъ, основаніемъ производитъ его отъ норвеж. *vindog* [2]).

Наконецъ, на балтійскихъ финнахъ сказалось и русское вліяніе въ довольно значительной степени. Какъ Алквистъ, такъ и Веске согласны въ томъ, что названіе окна—финск. *akkuna*, *ikkuna*, эст. *akken* и *akan*, вепск. *ikun*, лоп. *iккоп*—происходитъ отъ слав. *окно*. Названіе печи—финск. *pätsi*, естон. *päts*, вепск. *pätš* — отъ русск. *печь*; вепск. *kirpitš* — отъ русск. *кирпичъ*. Скотный дворъ, помѣщеніе для скота—финск. *läävä*, вепск. *lääv*—отъ слав. *хлѣвъ*; вепск. *koňušn* — отъ русск. *конюшня*. Садъ — финск. *satu*, эст. *saad*—отъ русск. *садъ* [3]). Къ этому перечню можно, на основаніи труда Веске, прибавить еще слѣдующія слова: др. славянское *skoba*, русск. *скоба*, эст. *каba* въ значеніи кругловатаго надрѣза, гдѣ соединяются два бревна на углу дома; *soc каba* — такого же рода вырѣзъ съ положеннымъ на него мхомъ; *hoone каba*—крестообразно лежащіе концы бревенъ на углу дома. Русск. *склепъ*—сводъ, баня, мурованный подвалъ, погребъ; *склепъ* (южн. губ.)—печной сводъ, по мнѣнію Веске, объясняютъ заимствованное эстонское *kelp*—мѣсто крыши, устраиваемое на подобіе свода. Русск. *гумно*—отсюда заимствовано финск. *kuomen*; съ этимъ послѣднимъ согласился Алквистъ [4]). Древ. слав. *vrata*, русск. *ворота*; отсюда фин. *veräjä*—ворота въ плетнѣ, въ заборѣ, плетеныя, рѣшетчатыя ворота; эст. *wäräw*—ворота, *wärawad*—двустворчатыя ворота, лив. *väärőd*, вепск. *veraj*—ворота [5]). Веске склоненъ относить эти заимствованія къ глубочайшей древности, такъ же, какъ заимствованія названій для амбара (*lato* и пр.), окна и хлѣва. Наконецъ, г. Гейкель (стр. 143) приводитъ эстонское названіе полка въ банѣ—*lawa*, въ которомъ легко узнать русск. *лава*, *лавка*, и

1) М. П. Веске: Славяно-финскія культ. отношенія, стр. 184.

2) Qvigstad: Nordische Lehnwörter, стр. 348.

3) Ahlquist, стр. 111, 114, 115, 116, 119, 123.

4) Ahlquist, стр. 46. Другое употребительное названіе для гумна финск. *riva luuva* Алквистъ считаетъ заимствованнымъ изъ шведск. *loge*, *ló*, *lóe*.

5) Веске, стр. 191, 199, 219, 249, 255, 256. Объясненіе Алквиста названія воротъ у зап. финновъ изъ русск, верея см. выше вотяцкое—*wärjä*.

финск. *soloppi* отъ русск. *жолобъ*, который обыкновенно устраивается на крышахъ финскихъ сараевъ.

Приведенный перечень заимствованныхъ словъ, относящихся къ жилищу, можетъ служить показателемъ, какъ много балтійскіе финны заимствовали у своихъ сосѣдей, и насколько развитіе ихъ жилья и хозяйства находилось подъ вліяніемъ литовско-латышскихъ, германскихъ и славянскихъ народовъ. При просмотрѣ приведенныхъ названій не могло также не броситься въ глаза, что для одного и того-же предмета, напр., окно, печь, гумно, существуютъ у одного и того-же народа разныя названія, заимствованныя изъ разныхъ языковъ. Можно высказать предположеніе, что употребленіе того или другого названія стоитъ въ связи съ географическимъ положеніемъ мѣста жительства народа, такъ что у финновъ Финляндіи, напр., имѣющихъ два выраженія для обозначенія печки, заимствованныя отъ русскихъ и отъ шведовъ, первое употребляется на востокѣ, гдѣ столкновенія съ русскими были чаще, второе на западѣ, гдѣ финнамъ чаще приходилось сталкиваться съ шведами. Точныхъ данныхъ по этому вопросу не находится въ нашемъ распоряженіи, но указаное предположеніе до извѣстной степени подтверждается тѣмъ, что финское названіе гумна — *киотеп* употребляется на востокѣ Финляндіи, *luva* — въ западныхъ частяхъ ея, а лопарское, заимствованное изъ норвежскаго (по Квигстаду) названіе окна *vindek* извѣстно только наиболѣе у сѣверо-западныхъ лопарей.

Историческими судьбами финскихъ народовъ, столкнувшими ихъ съ разными болѣе культурными сосѣдями, объясняется также и тотъ фактъ, что, напр., на названіи жилищъ или частей ихъ у вепсовъ почти совершенно не отразилось вліяніе литово-латышскаго племени, тогда какъ у нихъ довольно значительное число словъ, заимствованныхъ отъ славянъ и германцевъ; а также, что у ливовъ мы почти не встрѣчаемъ названій, взятыхъ изъ русскаго. Большое количество названій, заимствованныхъ изъ шведскаго, у финляндцевъ легко объясняется постоянными столкновеніями со скандинавскими племенами, начавшимися еще въ глубокой древности и кончившимися завоеваніемъ Финляндіи шведами; близкими сношеніями лопарей съ шведами и норвежцами, и таковыми-же эстовъ съ нѣмцами-колонизаторами объясняется большое количество заимствованныхъ отъ нихъ названій. Опредѣлить эпоху, когда были

сдѣланы эти заимствованія, въ настоящее время едва-ли возможно, такъ какъ у изслѣдователей относительно многихъ словъ существуетъ въ данномъ случаѣ разногласіе, хотя относительно большинства спеціалисты склоняются относить заимствованія къ отдаленнымъ временамъ. Наконецъ, нельзя всегда опредѣлить, получилъ-ли извѣстный народъ данное слово непосредственно отъ своихъ иноплеменныхъ сосѣдей или онъ заимствовалъ его черезъ посредство своихъ родичей, какъ мы это видѣли на примѣрѣ названія избы—*tupa* у лопарей.

При разборѣ устройства современныхъ жилищъ у указанныхъ народностей, трудно отмѣтить въ отдѣльныхъ случаяхъ вліяніе того или другого сосѣда. Мы можемъ лишь ограничиться нѣкоторыми указаніями: жилище ливовъ по своему устройству стоитъ въ ближайшей связи съ жилищемъ латышей настолько, что нѣкоторые авторы ограничиваются при упоминаніи жилища ливовъ общей фразой, что оно не отличается или отличается лишь въ мелочахъ отъ жилища латышей. Огромное вліяніе латышей на ливовъ, выразившееся въ постепенномъ поглощеніи ливовъ латышами, объясняетъ легко это сходство въ устройствѣ жилья. Повидимому, латыши не остались безъ вліянія и на эстонскій домъ, поскольку это выразилось въ устройствѣ эстами своихъ крышъ. Выше было указано, что эти послѣднія производятъ совершенно своеобразное впечатлѣніе, и что подобныхъ крышъ другіе финскіе народы не дѣлаютъ; устройство ея также отличается рѣзко отъ устройства крышъ сосѣдними русскими, которые, впрочемъ, въ настоящее время дѣлаютъ крыши на два ската; по своей формѣ и общему внѣшнему виду крыши эстонскихъ домовъ, пожалуй, наиболѣе близко стоятъ къ латышскимъ, и если вспомнить, что и эстонское названіе дома—*maja* заимствовано изъ литово-латышскаго, то наше предположеніе о переходѣ отъ латышей къ эстамъ и формы крыши получитъ извѣстное основаніе и въ данныхъ языка.

Несомнѣнно, нѣмецкимъ вліяніемъ на эстовъ слѣдуетъ объяснить расширеніе эстонскаго дома, поскольку это касается увеличенія числа жилыхъ помѣщеній, которыя группируются вокругъ тубы; за это говоритъ названіе ихъ *kammer*, съ прибавленіемъ иногда слова, опредѣляющаго ихъ назначенія. Судя по тому, что курныя избы—тубы въ одну комнату еще въ настоящее время очень часто встрѣчаются у эстовъ и что этотъ типъ въ недавнее сравнительно

время (40-хъ годахъ), по свидѣтельству Крузе, былъ господствующимъ, можно съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагать, что увеличеніе числа жилыхъ комнатъ въ эстонскомъ домѣ стало появляться лишь сравнительно недавно. Скандинавскимъ вліяніемъ г. Гейкель (стр. 261—329) склоненъ объяснять устройство печей, въ которыхъ соединены вмѣстѣ и печь и очагъ (по устройству приближающійся къ чувалу), такъ что устья той и другого находятся рядомъ, но отдѣлены стѣнкой. Г. Гейкель даетъ этому типу названіе скандикавскаго или скандикавско-остерботнійскаго. Русское вліяніе сказалось, по мнѣнію г. Гейкеля, въ устройствѣ остерботнійскаго дома, но мы старались выше указать, что для принятія этого положенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Однако, въ формѣ стола, устраиваемаго съ ящиками и часто встрѣчаемаго въ Остерботніи, г. Гейкель (стр. 252) основательно видитъ вліяніе русскихъ; это послѣднее сказалось и на установкѣ печей по формѣ, которую авторъ считаетъ русской: она встрѣчается въ сѣверныхъ частяхъ Финляндіи въ домахъ, а въ южной и западной частяхъ въ различныхъ баняхъ и ригахъ (стр. 328).

Несмотря на большое количество заимствованій, о которыхъ свидѣтельствуетъ и языкъ, и внѣшній и внутренній видъ жилища у разныхъ финскихъ народностей, несмотря на то, что само жилище съ моментами перехода его отъ шалаша и землянки къ срубу развивается подъ постояннымъ вліяніемъ сосѣдей,—въ жилищѣ финновъ мы встрѣчаемъ и своеобразныя черты, отдѣляющія ихъ отъ ихъ сосѣдей. Главныя черты этого рода были нами указаны выше, не вездѣ, однако, онѣ сказываются съ одинаковой силой. Въ настоящее время продолжаетъ совершаться ассимиляціонный процессъ финскихъ племенъ съ русскими; по мѣрѣ сліянія своего съ послѣдними финны все болѣе утрачиваютъ и самобытныя черты, отличающія ихъ постройки. Среди зырянъ и русскихъ кореловъ, гдѣ русскій элементъ подчинилъ себѣ въ культурномъ отношеніи значительную часть обоихъ народовъ, жилища почти не отличаются отъ русскихъ. Черемисы и мордва переходятъ къ русскимъ избамъ, строятъ свои деревни вдоль улицъ съ фасадами на нихъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы это видѣли выше, дворъ черемисина отличается отъ двора русскаго лишь сохраненіемъ куды. У вотяковъ подражаніе русскимъ сильно отражается на постройкахъ, хотя часть ихъ, подвергшаяся вліянію татаръ, слѣ-

дуетъ въ данномъ случаѣ татарскимъ образцамъ. У пермяковъ, въ мѣстностяхъ гдѣ они особенно поддались обрусѣнію, избы ихъ, по словамъ И. Н. Смирнова (Пермяки, 193), почти не отличаются отъ русскихъ. Менѣе культурныя финскія народности—лопари, остяки и вогулы—переходятъ, какъ это мы видѣли, непосредственно отъ срубовъ съ плоскими крышами къ русскимъ избамъ. Чѣмъ дальше будетъ итти этотъ ассимиляціонный процессъ, тѣмъ болѣе будутъ исчезать типичныя для финскаго жилья черты, тѣмъ ближе оно будетъ приближаться къ русскому.

Такое-же уничтоженіе финскихъ національныхъ чертъ въ жилищѣ мы вправѣ ожидать и у ливовъ, большая часть которыхъ уже поглощена латышскимъ элементомъ; вмѣстѣ съ сліяніемъ остатковъ ливовъ съ послѣднимъ, вѣроятно, исчезнутъ различія, и теперь уже незначительныя между ливскимъ и латышскимъ домомъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ финскій элементъ сохраняетъ свою самостоятельность—въ Финляндіи и среди эстовъ, происходитъ постепенная утрата въ постройкахъ національныхъ чертъ. Г. Гейкелю въ теченіе его изложенія много разъ приходится упоминать, что въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи черты, характеризующія финскій домъ, начинаютъ исчезать. Но въ то время какъ для финновъ, поддающихся русскому вліянію, предметомъ подражанія служитъ русскій крестьянскій домъ, для ливовъ латышскій,—для жителей Финляндіи и для эстовъ таковымъ является или городской, или помѣщичій домъ. Въ Финляндіи вліяніе города сказывается на устройствѣ и внутренней обстановкѣ жилищъ, какъ въ Остерботніи, такъ и Тавастландіи, и въ отдѣльныхъ чертахъ проникаетъ и къ саволаксамъ и кореламъ, а въ Эстляндской губ., по словамъ А. Д. Солодовникова (l. c.), у нѣкоторыхъ крестьянъ - собственниковъ „встрѣчаются усадьбы прямо богатыя, снабженныя всѣми удобствами заправской помѣщичьей усадьбы... Внутренняя обстановка дома—городская: мягкая мебель, занавѣски на окнахъ, олеографіи и фотографіи по стѣнамъ... Около дома разбитъ садъ съ дорожками, усыпанными пескомъ, съ клумбами цвѣтовъ и съ фруктовыми деревьями“.

Н. Харузинъ.

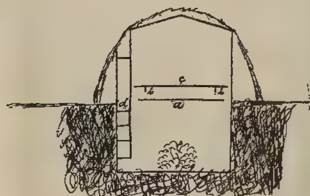
№ 1.

№ 2.

№ 3 а.

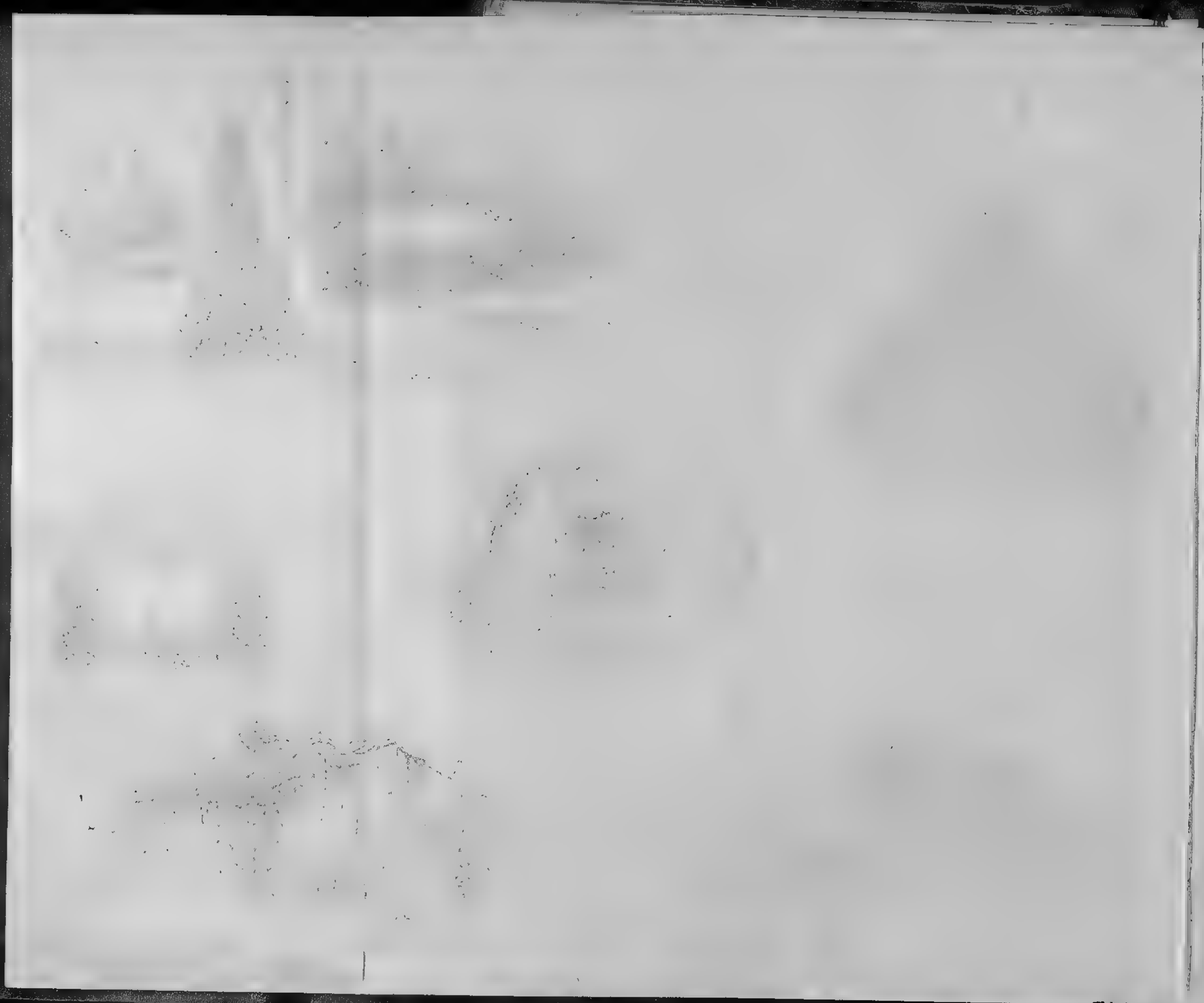
№ 3 б.

№ 3 в.

№ 4.

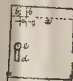
№ 5.

№ 6

№ 7.

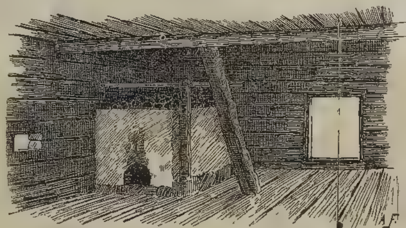
№ 8

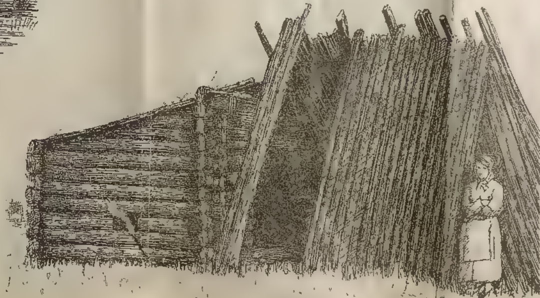
№ 9.

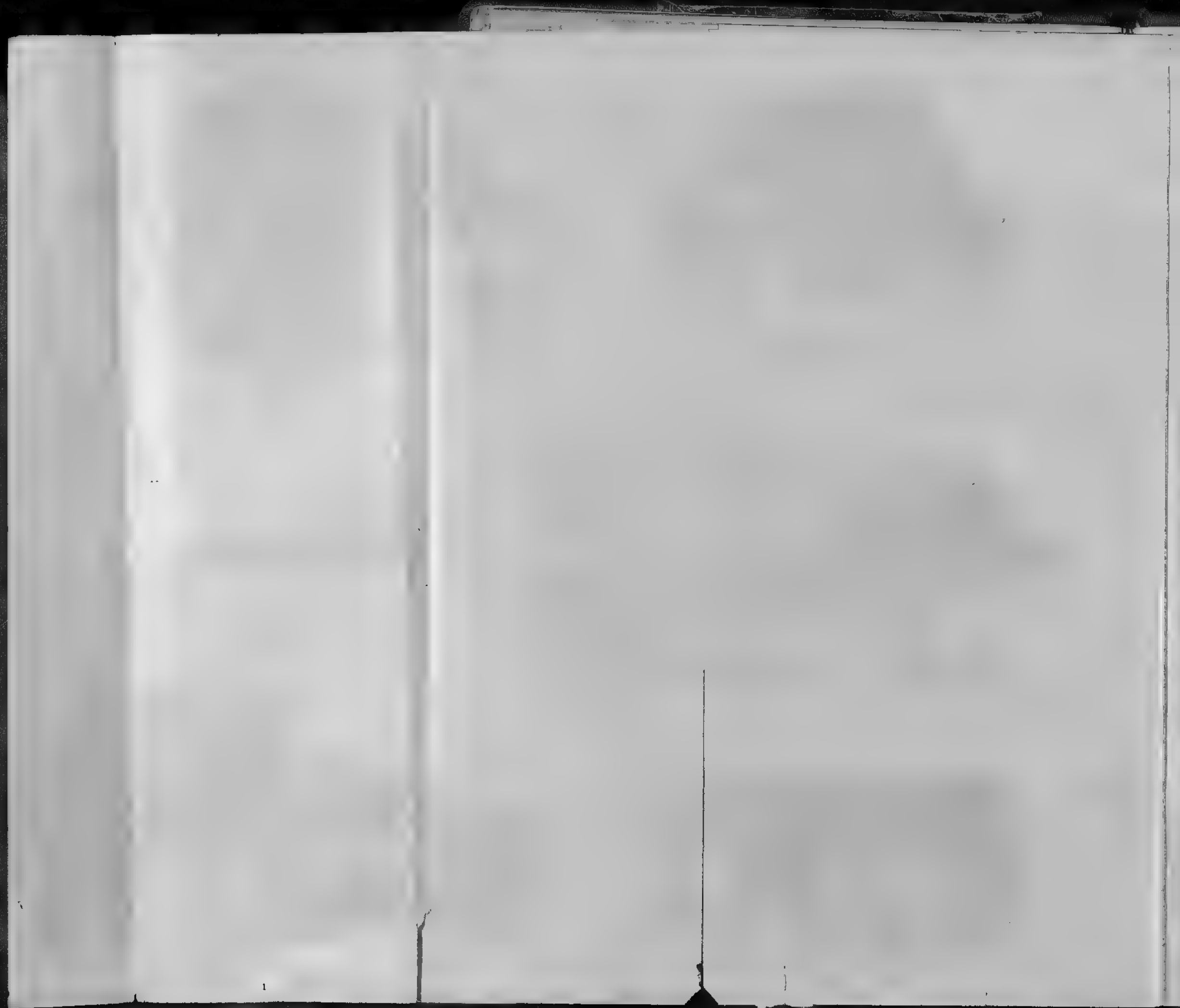
№ 10.

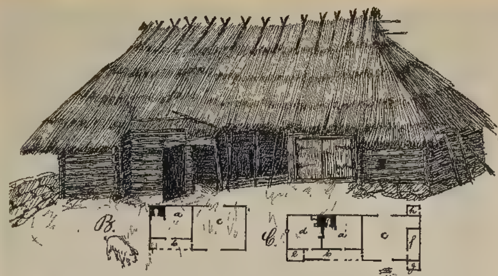

№ 11

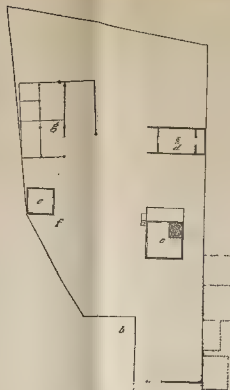

№ 12

№ 13.

№ 14.

№ 15.

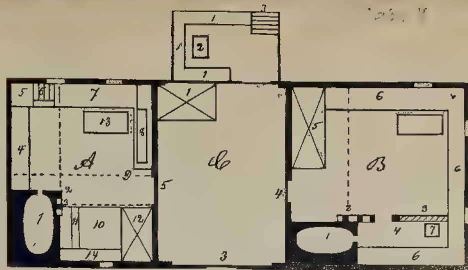
№ 16.

№ 17.

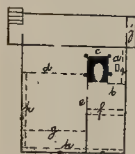
№ 18.

№ 20.

№ 21.

№ 19.

№ 24 а.

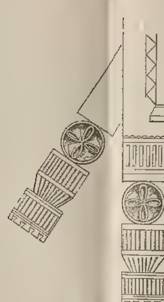
№ 24 б.

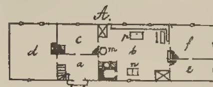
№ 24 в.

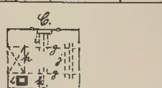
№ 24 г.

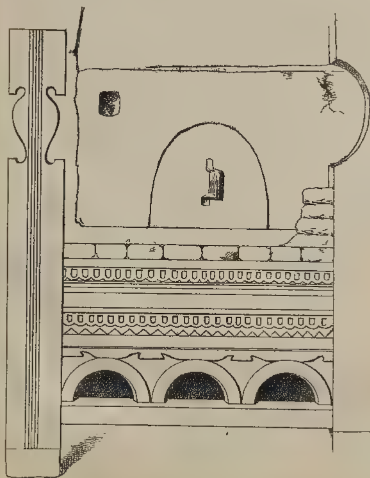
№ 24 д.

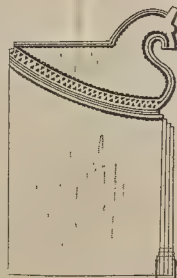

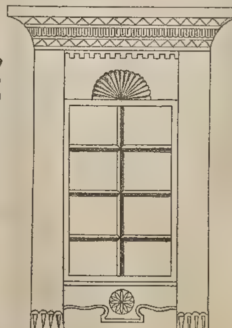
№ 38

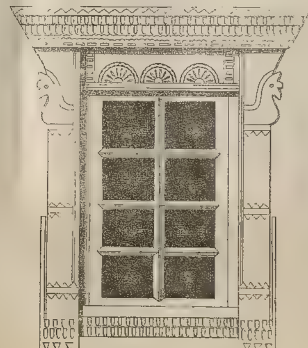
№ 22

№ 23.

№ 25 а.

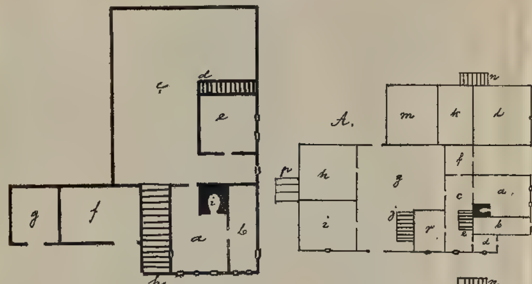
25 б.

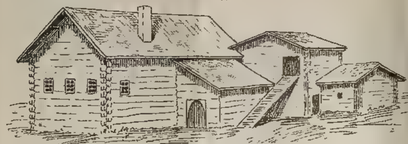
№ 26.

№ 27.

№ 28.

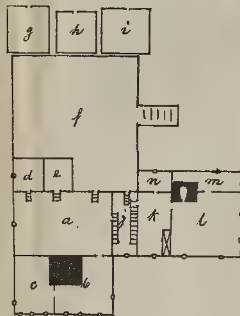
№ 30.

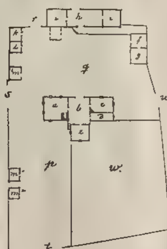
№ 31.

B.

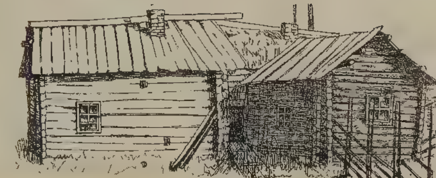
№ 29.

№ 32.

№ 34.

№ 33.

№ 35

VII VI

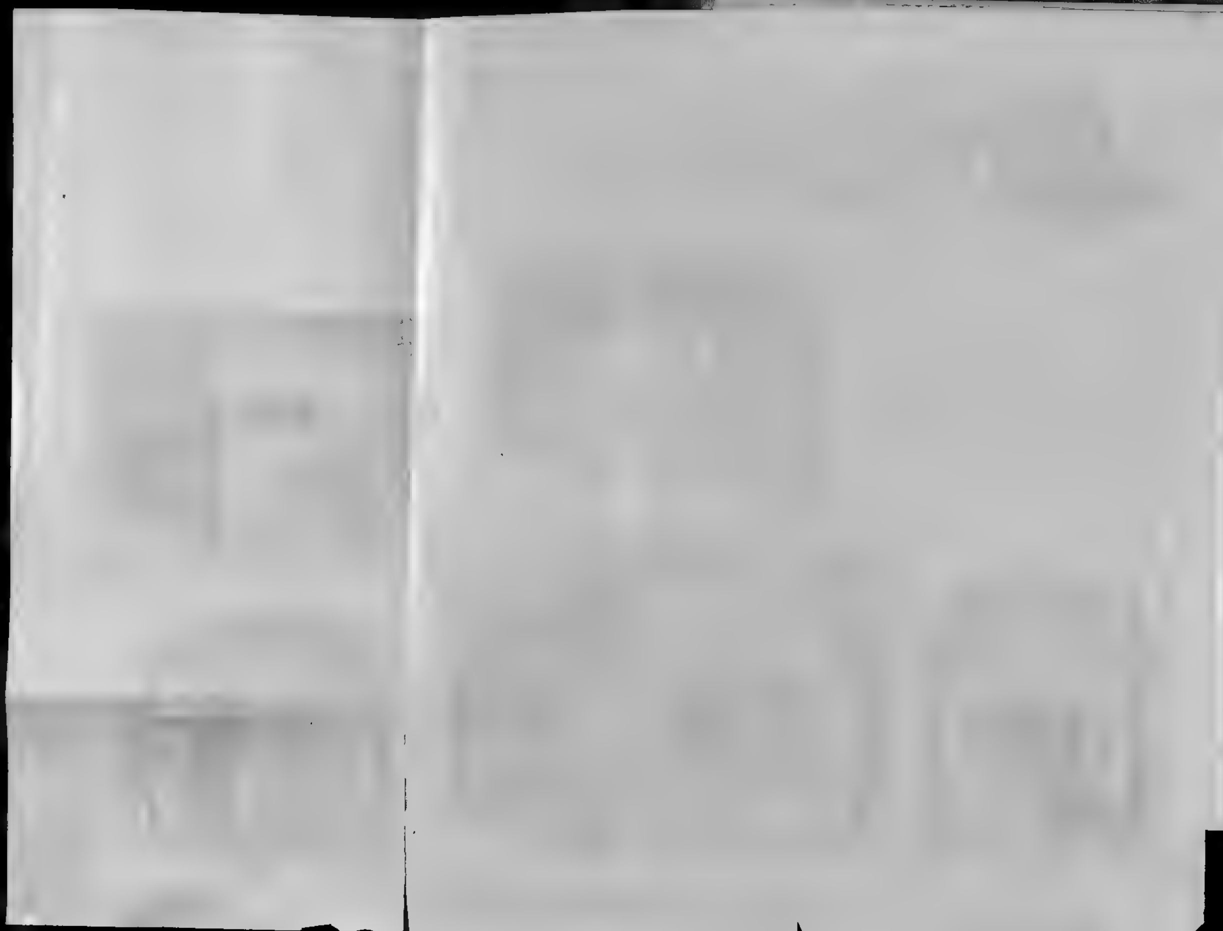
IV II III

x

y z

v

AF

Изданія Этнографическаго Отдѣла.

А) «Труды Этнографическаго Отдѣла».

		Р. К.
Т. IV.	Статьи *П. В. Шейна, Е. В. Барсова, В. Ѳ. Миллера, Ф. Д. Нефедова* и др. Сѣверный край, Бѣлоруссія, Поволожье и др. (Вѣрованія, обряды, семейные обычаи, обычное право, путевыя наблюденія)	2 —
Т. V.	*П. С. Ефименко*: Матеріалы по описанію русскаго населенія Архангельской губ. *Вып. 1.* Внѣшняя обстановка, пища, одежда, нравы, вѣрованія, обряды, врачеваніе, расколъ	2 50
	Вып. 2. Народное творчество (былины и пр.), языкъ	3 50
Т. IV.	*Ѳ. Я. Трейландъ*: Матеріалы по описанію латышскаго племени. (Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и пр.; тексты съ русскимъ переводомъ)	3 50
Т. VII.	Статьи *Е. И. Якушкина, А. С. Пругавина, Д. И. Иловайскаго, Нила Попова, В. Ѳ. Миллера, Ѳ. Е. Корша, Д. Н. Анучина, Д. Я. Самоквасова, Н. М. Ядринцева, Макс. М. Ковалевскаго, В. М. Михайловскаго, Н. А. Янчука* и др. (Споры о народности гунновъ, обычное право, сектантство, кавказскія легенды и вѣрованія, свадьба у сѣдлецкихъ малоруссовъ, гиляки, черневые татары и пр.)	2 —
Т. VIII.	Статьи *В. Ѳ. Миллера, М. М. Ковалевскаго, Е. А. Покровскаго, Н. Л. Гондатти.* Некр. гр. Уварова, Костомарова, Дювернуа; юридическ. бытъ кавказскихъ инородцевъ; вѣрованія остяковъ; народн. игры. Прилож.: *Программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи—Н. А. Янчука, по обычному праву—М. Н. Харузина*	2 —
Т. IX.	Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія. Вып. I. Статьи *В. Ѳ. Миллера, Н. Н. Харузина, П. М. Богаевскаго, Н. А. Янчука, В. В. Кандинскаго* и др. (Юридическій бытъ, семейные обычаи, народн. космогонія, музыка; очерки Бѣлоруссіи, Олонецкой, Вятск., Тамб., Казан. губ. и др.)	2 —
Т. X.	*Н. Н. Харузинъ*: Русскіе лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта). Съ рис. и картой	3 50
Т. XI.	Сборникъ свѣдѣній для изуч. быта крестьянскаго населенія. Вып. II. *Н. А. Иваницкій*: Вологодской край. *Ю. Н. Мельгуновъ* и *М. Куклинъ.* Вологодскія пѣсни (съ нотами)	2 —
	Вып. III. *В. П. Тихоновъ*: Матеріалы для изуч. обычнаго права крестьянъ Вятской губ. *В. П. Племянниковъ*: Указатель къ „Трудамъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ“ (рѣшенія вол. судовъ)	2 —
Т. XII.	*В. М. Михайловскій*: Шаманство. (Сравнительно этнографическіе очерки)	1 50
Т. XIII.	*И. А. Житецкій*: Астраханскіе калмыки. Съ рис.	1 25

Б) «Алтайскіе инородцы».

Статьи и изслѣдованія *В. И. Вербицкаго* . . . . . 2 —

В) «Русскія былины старой и новой записи».

Новый сборникъ, подъ ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Ѳ. Миллера* 2 50

Г) «Этнографическое Обозрѣніе».

За 1890—94 гг. по 5 р. за годъ.

Оставшуюся въ небольшомъ количествѣ брошюру **Евг. Ляцкаго: „Олонецкій сказитель Ив. Троф. Рябининъ и его былины“**, съ портретомъ сказителя, его напѣвами и текстами былинъ и стиховъ, можно получать черезъ редакцію „Этногр. Обозрѣнія“. Ц. 40 к. съ перес. (Москва, Политехническій Музей).

